

ОТВѢТЫ
НА ПЯТЬ ВОПРОСОВЪ.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать
дозволяется. Москва, Марта 1-го дня, 1892 года.

Цензоръ священникъ *Иоаннъ Петропавловскій*.

Отвѣты на пять вопросовъ,

поданныхъ старообрядцами бывшему іеромонаху
Пафнутію.

Въ 1874 году, когда пресловутый «кремлевскій проповѣдникъ» Пафнутіи, съ высокой лѣстницы Ивановской колокольни, производилъ еще свои разглагольствія о расколѣ (и не только о расколѣ), 26 числа мая, одинъ изъ московскихъ раскольническихъ начетчиковъ, въ качествѣ «уполномоченнаго» отъ нѣсколькихъ другихъ старообрядцевъ, во время самой бесѣды Пафнутія, подалъ ему тетрадку, содержащую пять вопросовъ, на которые требовалось дать отвѣтъ. Пафнутіи принялъ вопросы съ замѣтнымъ удовольствіемъ, немедленно прочелъ ихъ во всеуслышаніе и объявилъ, что они имѣютъ великую важность и необходимо требуютъ разрѣшенія.

Въ сущности, это была комедія, подготовленная самимъ Пафнутіемъ и разыгранная ради публики, въ видахъ враждебныхъ церкви. Въ то время онъ состоялъ уже въ сношеніяхъ съ разными раскольническими дѣятелями и начетчиками, и самъ, по совѣщеніи съ ними, написалъ для нихъ вопросы, съ тѣмъ, чтобы они торжественно были ему поданы при одной изъ публичныхъ бесѣдъ его въ Кремлѣ, что, какъ мы сказали, и было исполнено въ точности. А мысль о написаніи вопросовъ внушили ему незадолго предъ тѣмъ прекратившіяся петербургскія пренія «о нуждахъ Единовѣрія». ставъ на сторону проповѣдниковъ и защитниковъ этихъ мнимыхъ «нуждъ», онъ хотѣлъ

посредствомъ вопросовъ, составленныхъ въ духѣ и смыслѣ ихъ любимыхъ мнѣній и поданныхъ при такой торжественной обстановкѣ, привести въ затрудненіе защитниковъ правильнаго, церковнаго воззрѣнія на Единовѣріе и расколь. Поэтому-то, публично прочитавъ вопросы, онъ публично же объявилъ ихъ весьма важными и необходимо требующими отвѣта.

Отъ кого же однако требовался отвѣтъ? По ходу всего дѣла очевидно, что отвѣчать долженъ былъ самъ Пафнутій, которому, какъ состоявшему тогда въ званіи православнаго миссіонера, вопросы и были формально поданы. Но Пафнутій, разумѣется, не имѣлъ намѣренія отвѣчать самому себѣ, на свои собственные вопросы. Въ его цѣляхъ было только — произвести впечатлѣніе, возбудить, какъ предполагалъ онъ, тревогу въ средѣ защитниковъ православія, произвести толки даже въ литературѣ.

Расчетъ не оправдался; ни тревоги, ни толковъ не произошло.

Тогда была сдѣлана еще попытка достигнуть цѣли: вопросы были посланы для напечатанія въ одну изъ газетъ, наиболѣе доступныхъ для корреспонденцій такого рода и вмѣстѣ имѣющую какъ бы церковный характеръ. Въ концѣ того же 1874 г. «вопросы» дѣйствительно явились въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ (№ 136). Но редакція этой газеты, сопроводивъ вопросы своими замѣчаніями, объявила въ заключеніе, что надобно ждать на нихъ отвѣта со стороны Пафнутія. Со стороны Пафнутія отвѣтовъ, разумѣется, не послѣдовало, и опять вопросы были спокойно преданы забвенію, къ великому прискорбію подавшихъ оные и еще къ большому самому Пафнутія.

Такъ было до 1878 года. Въ этомъ году у раскольниковъ явился за границей свой собственный литературный органъ — газета Старообрядецъ, и въ первомъ же ея выпускѣ, сдѣланномъ «напоказъ», явились опять вопросы Пафнутія, но уже подъ заглавіемъ вопросовъ, обращен-

ныхъ якобы «къ Св. Синоду въ Санктпетербургѣ». Вслѣдъ затѣмъ было напечатано въ Старообрядцѣ «нѣсколько словъ къ Св. Синоду по поводу вышеписанныхъ вопросовъ», гдѣ неизвѣстный авторъ сихъ «нѣсколькихъ словъ»¹⁾, написанныхъ съ неимовѣрной дерзостью, прямо говоритъ: «мы (?) обращаемся къ вамъ съ вопросами, высокопочтенные гг. (!) члены Св. Синода»...

Но не помогли ни дерзость, ни наглость: «вопросы» по-прежнему остались въ забвеніи.

Наконецъ, въ прошломъ 1883 году, уже по отъѣздѣ Пафнутія за границу въ качествѣ возстановленнаго раскольника, среди тщетныхъ попытокъ снять позоръ и вину съ своихъ мнимыхъ архипастырей, не могущихъ дать отвѣта на многочисленные вопросы, поступающіе къ нимъ отъ ихъ собственныхъ духовныхъ чадъ, ревнители раскола и защитники раскольнической новоявленной іерархіи опять извлекли на свѣтъ забытые вопросы Пафнутія, — послали ихъ для напечатанія въ газету Современныя Извѣстія, сопроводивъ письмомъ къ редактору, исполненнымъ всяческой лжи²⁾. Благосклонный къ нимъ редакторъ напечаталъ со всей обязательностью и письмо и вопросы.

Въ письмѣ своемъ неизвѣстные старообрядцы (оно безъ подписи и, по объясненію редактора газеты, получено «изъ старообрядческаго міра»), — видоизмѣняя ложь, напечатанную въ Старообрядцѣ, говорятъ: «Пафнутій, будучи не въ состояніи разрѣшить важные по содержанію (!) пять старообрядческихъ вопросовъ, препроводилъ ихъ въ Синодъ, откуда мы (?) никакого разъясненія до сего времени не получили. Если (прибавлялось къ этому) миссіонеры го-

1) По всему видно, что статья эта принадлежала не самому безграмотному и весьма ограниченному редактору Старообрядца — Николѣ Чернышеву: судя по общему ея содержанію и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ выраженіямъ, надобно предполагать въ ней участіе Верховскаго и Пафнутія.

2) Довольно подробный разборъ этого письма сдѣланъ въ *Брат. Сл.* 1883 г., стр. 352—365.

сподствующей церкви притягиваютъ (?) насъ (?) къ отвѣту, то почему же наши (?) вопросы остаются столько времени безотвѣтными?» Съ своей стороны г. редакторъ *Соврем. Изв.* присудилъ, что «необходимо удовлетворить совопросниковъ», и внушительно высказалъ надежду, что «отъ предрержащей церковной власти (т.-е. Святѣйшаго Синода?) будетъ изданъ по пунктамъ (?) отвѣтъ» имъ.

Утверждая, будто вопросы препровождены Пафнугіемъ въ Св. Синодъ, раскольники печатно говорили завѣдомую ложь. Мы были уполномочены заявить, и заявили въ свое время¹⁾, что Святѣйшій Синодъ не получалъ вопросовъ ни отъ Пафнугія, ни отъ кого другаго, и потому жаловаться, что Синодъ «до сего времени» не даетъ на нихъ отвѣта, раскольники не имѣютъ никакого права. Требовать же, чтобы Святѣйшій Синодъ отвѣчалъ на чьи-то вопросы, напечатанные въ грязномъ, издающемся за границей раскольническомъ листкѣ, или въ какой-нибудь російской газетѣ, прислуживающейся раскольникамъ, и сверхъ того еще сопровождаемые дерзкими къ нему обращеніями и завѣдомо лживыми извѣстіями, могли только люди, не понимающіе ни сущности дѣла, ни общепринятыхъ правилъ приличія. «Отвѣчать при такихъ условіяхъ (говорили мы въ свое время) было бы несогласно ни съ достоинствомъ Св. Синода, ни съ важностію дѣла, которое, какъ бы ни смотрѣли на него сами вопросители, все же касается вѣры и церкви. Совѣмъ не то, если представители какого-либо старообрядческаго общества обратятся въ Св. Синодъ съ вопросами не посредствомъ газетнаго листка, безъ неприличныхъ заявленій о бесполезности возбуждаемыхъ вопросами религіозныхъ споровъ, безъ напрасныхъ и несправедливыхъ жалобъ на мнимыя притѣсненія отъ мисіонеровъ и братствъ, и не ради того, чтобы дать пищу для толковъ и всего скорѣе для глумленій «общества и печати», а сами непосредственно,

1) См. *Брат. Сл.* 1883 г. стр. 428.

съ должнымъ сознаниемъ дѣйствительной важности того, о чемъ спрашиваютъ, и съ искреннимъ желаніемъ разъяснить и разрѣшить на основаніи священнаго и отеческихъ писаній то, о чемъ спрашиваютъ. Тогда Св. Синодъ, безъ сомнѣнія, приметъ вопросы и съ полной готовностью отвѣтитъ на нихъ»¹⁾.

Итакъ, раскольники не имѣютъ никакого права ожидать и требовать отъ Св. Синода отвѣтовъ на вопросы Пафнутія, которыхъ Св. Синоду они не подавали. Между тѣмъ, со времени ихъ напечатанія въ Совр. Извѣстіяхъ, защитники раскола и раскольнической іерархіи, когда имъ понадобится, все еще продолжаютъ повторять и жаловаться, что Св. Синодъ доселѣ не даетъ имъ отвѣта, прибавляя, что даже будто бы и не въ силахъ отвѣчать имъ. Заграничный же органъ ихъ твердитъ это и кстати и некстати.

Не ради прекращенія этихъ лживыхъ толковъ, которыми тѣшатъ себя ревнители раскола, также не ради вразумленія этихъ ревнителей, ищущихъ не истины, а только возвеличенія раскола надъ церковію, но ради тѣхъ искреннихъ старообрядцевъ и тѣхъ изъ числа православныхъ, которымъ вопросы Пафнутія могли представить нѣкоторый интересъ своими возраженіями противъ существующихъ отношеній церкви къ Единовѣрію и расколу, мы предлагаемъ здѣсь, согласно данному прежде обѣщанію²⁾, обстоятельный разборъ пяти вопросовъ Пафнутія, съ краткимъ, но точнымъ на каждый изъ нихъ отвѣтомъ».

Считаемъ нужнымъ предпослать нашимъ отвѣтамъ одно только замѣчаніе.

Прославленные раскольниками вопросы Пафнутія, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, поражаютъ частію намѣренной, частію ненамѣренной неточностію, неправильностію, запутанностію и темнотою ихъ выраженія. Когда

¹⁾ Брат. Сл. 1884 г., стр. 366—367.

²⁾ Тамъ же, стр. 367.

Пафнутій писалъ противъ раскола, онъ могъ выражаться, хотя и съ большимъ трудомъ, но ясно и толково; когда же, поправъ совѣсть, онъ выступилъ опять защитникомъ раскольнической лжи, у него какъ будто въ наказаніе отъемлется разумъ: вопросы его, повторимъ еще, удивляютъ крайнею неточностію, запутанностію и темнотою изложенія. Поэтому мы были вынуждены, прежде нежели отвѣтить на какой-либо вопросъ, заняться предварительнымъ его разъясненіемъ, — указать и устранить содержащіяся въ немъ неточности и невѣрности, опредѣлить его дѣйствительный смыслъ и выразить его съ возможною точностію. Главный трудъ и состоялъ не въ самыхъ отвѣтахъ, а въ этомъ разъясненіи дѣйствительнаго смысла неудобовразумительныхъ вопросовъ, — и смѣемъ надѣяться, что безпристрастный читатель не только не поставитъ намъ въ вину этихъ «разъясненій», но и признаетъ полную ихъ необходимость. Безъ нихъ вопросы Пафнутія не стоили бы и отвѣта.

Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ ревнители раскола, которые, какъ мы сказали, ищутъ не истины, а только возвеличенія раскола какимъ бы то ни было способомъ, отнесутся враждебно къ нашимъ отвѣтамъ. Не ища ихъ благосклонности, мы однакоже считаемъ себя въ правѣ предъявить къ нимъ требованіе, чтобы они сдѣлали противъ нашихъ отвѣтовъ возраженія и замѣчанія не голословныя и просто ругательныя (какія сочиняетъ имъ Верховскій), а съ надлежащей основательностію доказанныя и спокойно изложенныя. Такія замѣчанія мы не откажемся подвергнуть столь же безпристрастному разсмотрѣнію.

Пять вопросовъ, поданные Пафнутію, и отвѣты на нихъ, съ предварительнымъ ихъ разъясненіемъ.

Вопросъ первый.

Клятвы московскихъ соборовъ 1656, 1666 и 1667 года на кого положены, за что, и на комъ онѣ лежатъ по настоящее время?

Разъясненіе перваго вопроса.

Прежде всего необходимо исправить содержащіяся въ семь вопросѣ неточности.

Спрашивается о клятвахъ соборовъ 1656, 1666 и 1667 гг. Но соборъ 1666 г. въ своемъ постановленіи, или законодательномъ актѣ, никакихъ клятвъ, ни на кого и ни за что не полагалъ¹⁾. Вопросителямъ, казалось бы,

¹⁾ Это постановленіе, или такъ называемое „наставленіе“, изданное отъ собора 1666 года, подписанное всѣми присутствовавшими на немъ россійскими архіереями и положенное для храненія въ Успенскомъ соборѣ, есть единственный законодательный актъ сего собора; а извѣстныя по рукописямъ и въ печатныхъ изданіяхъ „Дѣянія собора 1666 года“ (Первоначально они были напечатаны въ V т. *Дополн. къ Акт. ист.*, потомъ, гораздо исправнѣе и съ учеными примѣчаніями, во II т. *Матер. для ист. раск.*, и наконецъ въ изданной Братствомъ св. Петра митрополита особой книгѣ „Дѣянія московскихъ соборовъ 1666 и 1667 гг.“, съ обширнымъ предисловіемъ) составляютъ только историческое изложеніе происходившаго на соборѣ, сдѣланное притомъ не самимъ соборомъ, а частнымъ лицомъ (Симеономъ Полоцкимъ), хотя и предпринявшимъ этотъ трудъ, безъ сомнѣнія, не по своему только желанію; притомъ же авторъ этого изложенія соборныхъ дѣяній 1666 г. упоминаетъ въ немъ нерѣдко о событіяхъ болѣе поздняго времени, напр. о рѣшеніяхъ собора 1667 г., откуда несомнѣнно явствуетъ, что сдѣланное имъ изложеніе дѣяній собора 1666 г. не составляетъ подлинныхъ актовъ этого послѣдняго, хотя со стороны исторической и не можетъ внушать

слѣдовало знать это и не предлагать вопроса между прочимъ о не существующихъ клятвахъ собора 1666 года. Напрасно они также соединяють въ своемъ вопросѣ соборъ 1656 г. съ соборомъ 1667 г. На первомъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію и рѣшенію только вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія; на послѣднемъ же разсмотрѣнъ и рѣшенъ общій вопросъ о новоисправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ и о возникшемъ по поводу ихъ исправленія расколѣ. По сему вопросъ объ опредѣленіи собора 1656 года, касающемся собственно двуперстія (о которомъ предлагается притомъ особый, четвертый, вопросъ) соединять съ вопросомъ объ опредѣленіяхъ собора 1667 года, имѣющихъ гораздо болѣе обширный смыслъ, никакъ не слѣдовало. И потому наконецъ вопросъ долженъ быть предложенъ собственно объ опредѣленіяхъ, или, если угодно, о клятвахъ одного только собора 1667 года, что послѣ этого собора, какъ большаго, всѣ предшествовавшіе ему соборы по дѣлу о исправленіи книгъ и о расколѣ русскомъ, не имѣють уже значенія, или могутъ имѣть его только потому, что утверждены симъ великимъ соборомъ, которому и принадлежитъ такимъ образомъ первенствующее, чтобъ не сказать единственно важное въ данномъ случаѣ значеніе.

Итакъ, разсмотрѣнію подлежитъ собственно вопросъ: клятвы собора 1667 г. на кого положены, за что и на комъ онѣ лежатъ въ настоящее время?

Отвѣтъ на первый вопросъ.

Чтобы съ полной удовлетворительностію отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вникнуть въ содержаніе и

никакого сомнѣнія относительно достовѣрности сообщаемыхъ въ немъ фактовъ. Исключеніе составляетъ только такъ названное здѣсь „11-е Дѣяніе“ (по изд. Братства л. 36—48), гдѣ приведено вполнѣ соборное „наставленіе“, составляющее, какъ мы сказали, единственный законодательный актъ собора 1666 г.

смыслъ изданнаго въ 1667 г. соборнаго акта, или „узаконенія“¹⁾.

Соборный актъ 1667 г. можетъ быть раздѣленъ на три части: въ первой, или вступительной, излагаются причины, вызвавшія и соборъ и соборное опредѣленіе; во второй раскрывается, въ чемъ состояли соборныя занятія и излагается самое опредѣленіе собора; въ третьей, или заключительной, произносится приговоръ на не покоряющихся сему соборному опредѣленію. Всѣ три части изданнаго соборомъ акта имѣютъ тѣсную между собою связь и необходимо разсматривать ихъ въ этой взаимной связи, чтобы уяснить себѣ истинный, подлинный смыслъ соборнаго акта въ цѣломъ его составѣ и правильно судить о изложенномъ здѣсь соборномъ осужденіи, — за что и на кого произнесъ его соборъ²⁾.

1) Подъ симъ актомъ или узаконеніемъ мы разумѣмъ, какъ и слѣдуетъ разумѣть, собственно тотъ, который подписанъ былъ 15 мая 1667 г. и положенъ, именно какъ „соборное узаконеніе“, „въ дому Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, въ Патріархіи Богохранимаго царствующаго великаго града Москвы и всея Россіи, въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе“ (По изд. Братства л. 7 об.). Этимъ не отрицается, конечно, важность и прочихъ актовъ, входящихъ въ составъ книги соборныхъ дѣяній; но они имѣютъ, въ отношеніи къ главному, значеніе его объясненій и дополненій.

2) Ревнителіи раскола не любятъ и не допускаютъ такого дѣленія соборнаго акта на части и разсмотрѣнія сихъ частей во взаимной ихъ связи; они требуютъ, вслѣдъ за однимъ авторитетнымъ для нихъ писателемъ, не выходить изъ предѣловъ такъ называемаго „изреченія“, которое составляетъ только послѣднюю заключительную часть соборнаго акта. Въ извѣстной, изданной перекрещеннымъ въ расколъ жидомъ Карловичемъ, книгѣ „Историческія изслѣдованія къ оправданію старообрядцевъ“, напечатаны запальчивыя возраженія Верховскаго, самаго яраго изъ защитниковъ раскола, противъ сдѣланнаго митр. Филаретомъ подобнаго же дѣленія соборнаго акта на три части (м. Филаретъ различаетъ въ соборномъ актѣ 1) изложеніе современныхъ собору раскольниковскихъ мнѣній, 2) разсужденіе и 3) опредѣленіе, или приговоръ собора). Но возраженія Верховскаго показываютъ только, что подъ влияніемъ злобы челоуѣкъ можетъ доходить до помраченія смысла; а мнѣніе митрополита Филарета

Разсмотримъ же содержаніе каждой части соборнаго акта.

1) Говорится въ немъ, что побудительною причиною къ составленію собора послужили распространяемыя лжеучителями и смутившія народъ тяжкія хуленія на соборнѣ исправленныя церковно-богослужебныя книги и обряды, на самую церковь, принявшую сіи книги и обряды въ употребленіе, и на самыя таинства, совершаемыя церковію по симъ книгамъ и обрядамъ. Вотъ подлинныя слова соборнаго акта: „нарицаху (лжеучители — Аввакумъ, Лазарь и пр.) книги печатныя новоисправленныя... быти еретическія и растлѣнны, и чины церковныя, яже исправишася съ греческихъ и древнихъ російскихъ книгъ злословиша... и весь архіерейскій чинъ и санъ уничижиша, и возмутиша народъ буйствомъ своимъ, и глаголаша церкви быти не церкви, архіереи не архіереи, священники не священники“, такъ что „во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко ереси многими и антихрисловою скверною осквернены церкви, и чины, и таинства и послѣдованія церковныя...“ „Сихъ ради винъ“ собралися на соборъ сначала „великороссійскаго государства вси архіепископы и епископы“, потомъ же, „егда придоша въ царствующій градъ всесвятѣйшіи преблагенѣйшіи вселенстіи патріарси, куръ Паисій папа и патріархъ великаго града Александріи и куръ Макарій патріархъ Божія града великія Антіохіи... весь священный соборъ великороссійскій имъ преблагенѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ“, и новопоставленному Московскому патріарху Іоасафу, „свои соборы и дѣла подробно извѣстили“... и они, „своимъ великопастырскимъ благословеніемъ сіи соборы и дѣла благословиша и утвер-

служить авторитетнымъ подтвержденіемъ правильности предлагаемаго нами дѣленія соборнаго акта на три же части, — дѣленія, вполне соответствующаго самому его содержанію, какъ можетъ видѣть каждый, читающій его не омраченными предубѣжденіемъ глазами.

диша“, а затѣмъ „обще“ издали окончательное соборное опредѣленіе, или „изреченіе“ (По изд. Брат. л. 1—4).

Итакъ, причиною, вызвавшею соборъ російскихъ архипастырей, окончившій свои занятія подѣ председательствомъ трехъ патріарховъ и при участіи многихъ восточныхъ архіереевъ, равно какъ и самое изреченное соборомъ опредѣленіе, служили нестерпимыя хуленія лжеучителей на новоисправленные богослужебныя книги и чины, на церковь, іерархію ея и таинства, — хуленія, возбуждшія смущеніе въ народѣ. Если бы не было этихъ хуленій и вызванной ими смуты въ церкви и народѣ, не было бы и нужды собираться собору, не было бы нужды изрекать и соборное опредѣленіе противъ хулителей. А посему тѣ, которые утверждаютъ, что будто бы самое употребленіе такъ называемыхъ старыхъ книгъ и обрядовъ было побудительною причиною, вызвавшею соборъ, что будто бы соборъ собрался на запрещеніе и осужденіе этихъ, нѣкоторое время употреблявшихся въ Россіи, книгъ и обрядовъ, неправильно смотря на дѣло, приписываютъ собору побужденія и намѣренія, какихъ не имѣлъ онъ.

2) Далѣе въ соборномъ актѣ излагаются самыя занятія собора, опредѣлявшіяся именно вызвавшими его причинами. Такъ какъ предлогомъ для клеветы и хуленій на церковь лжеучителямъ служило начатое при патріархѣ Никонѣ, продолженное и оконченное по отшествіи его съ патріаршества исправленіе книгъ, которое, по ихъ лжеученію, было якобы не исправленіемъ, а развращеніемъ, внесеніемъ въ книги разныхъ новшествъ и ересей: то соборъ и занялся тщательною повѣркою новоисправленныхъ книгъ по древнимъ славянскимъ и греческимъ подлинникамъ, и, провѣривъ, нашелъ, что книги исправлены вѣрно, во всемъ согласно греческимъ и харатейнымъ славянскимъ. „Сихъ ради винъ (такъ говорится въ соборномъ актѣ) сошедшеся, мы великороссійскаго государства всѣ архіереи... испытахомъ подробно, чрезъ многое время, новоисправленные и

новопереводныя печатныя книги и старыя харатейныя славено-россійскія рукописныя книги... и ничто же стропотно, или развращенно, или вѣрѣ нашей православной противно въ новоисправленныхъ и новоприведенныхъ книгахъ обрѣтохомъ, но все согласно со старыми славено-россійскими харатейными книгами... которыя древнія славяно-россійскія книги... при благочестивѣйшемъ, тишайшемъ великомъ государѣ нашемъ царѣ... и при всемъ его царскомъ пресвѣтломъ сугклитѣ, въ царскихъ палатахъ предложихомъ и чтохомъ, изъ нихже нѣкія и всѣмъ священникомъ царствующаго града Москвы соборнѣ показомъ въ патриаршей крестовой палатѣ“. Затѣмъ, „егда придоша въ царствующій градъ Москву преблаженнѣйшій вселенстіи патриарси... и они, подробно извѣстившись, глаголали, яко... книги исправленныя и новопереводныя печатныя суть правы и согласны съ нашими греческими книгами“. Послѣ столь тщательнаго и долгаго разсмотрѣнія, найдя новоисправленныя книги право исправленными, согласно древнеславянскимъ и греческимъ, и ничего противнаго православной вѣрѣ не содержащими, соборъ дѣлаеть постановленіе объ употребленіи ихъ въ великороссійской церкви: „книги, яже за повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича и благословеніемъ и совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ патриарховъ исправившася и переведошася и напечаташася... Служебники и Потребники и прочія (зане суть право исправлены) пріимати, и по нихъ правити церковное все Божіе славословіе чинно и не мятежно и единогласно“ (л. 4—5 об.).

Вотъ въ чемъ состояли существенныя занятія собора и вотъ главное, первое его опредѣленіе, по точному указанію самихъ присутствовавшихъ на соборѣ отцовъ въ изданномъ ими и собственноручно подписанномъ соборномъ актѣ. Достоинно здѣсь особеннаго вниманія то, что соборъ, одобривъ новопечатныя книги и сдѣлавъ опредѣленіе объ ихъ употребленіи въ русской церкви,

не произнесъ однакоже никакого пореченія, или укоренія на книги старопечатныя, предъ тѣмъ употреблявшіяся въ церкви (хотя нестерпимыя хуленія расколоучителей на книги новоисправленныя и могли бы вызвать его къ тому), и не подвергъ ни малѣйшему осужденію, или порицанію православныхъ русскихъ людей, употреблявшихъ сіи книги до собора и даже во время самаго собора¹⁾; мало того, — соборъ не дѣлаетъ прямо, точно и рѣшительно выраженнаго опредѣленія, чтобы впредь оныя книги отнюдь и ни подъ какими условіями не были употребляемы. Въ соборномъ актѣ никто не найдетъ и не укажетъ прямого, точно, опредѣленно и рѣшительно изложеннаго о томъ постановленія²⁾.

Наконецъ 3), по указаніи причинъ, или обстоятельствъ, вызвавшихъ соборъ, по изложеніи занятій собора и сдѣланнаго имъ постановленія, соотвѣтственно всему этому „изрекается“ въ соборномъ актѣ судъ и приговоръ надъ лицами, не покоряющимися церкви и собору. Вотъ подлинныя слова этого приговора:

„Сіе наше соборное повелѣніе... предаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранить и покоряться святой

1) Въ Служебникѣ 1667 г., имѣющемъ, какъ извѣстно, неразрывную связь съ соборомъ и его постановленіями, весьма ясно выражается эта мысль, что соборъ 1667 г., одобривъ и введя въ употребленіе новоисправленныя книги, чины и обряды, *не охуждалъ* книгъ и обрядовъ прежде употреблявшихся: „не охуждаются симъ и прежнія исправленія, но на вящшій совершенія степень возводятся“.

2) Могутъ только (какъ и дѣлають) выводить такое постановленіе посредствомъ *умозаключенія*, утверждая, что если соборъ предписалъ употреблять отселѣ книги новопечатныя, *слѣдственно* воспретилъ дальнѣйшее употребленіе книгъ старопечатныхъ. Но 1) это есть умозаключеніе, а не прямо и точно выраженное соборное постановленіе, о чемъ собственно мы говоримъ здѣсь; 2) и въ самомъ этомъ умозаключеніи нѣтъ понятія о *безусловности* запрещенія, между тѣмъ какъ въ соборномъ актѣ мы укажемъ далѣе ясно выраженныя основанія заключать, что соборъ *подъ извѣстными условіями* не воспрещаетъ употребленіе и книгъ старопечатныхъ.

восточной церкви. Аще ли кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы такового противника, данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, извергаемъ... отлучаемъ... и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всеочлененія и стада и отъ церкви Божія отсѣкаемъ, дондеже уразумится и придетъ въ правду покаянiемъ“ (л. 6 об. и 7).

Кто эти, преданные отлученію и клятвѣ, непокорники святой церкви и священнаго собора? Это явствуетъ и должно явствовать изъ прежде сказаннаго въ соборномъ актѣ о занятіяхъ и постановленіяхъ собора. Соборъ, какъ мы уже видѣли, нашелъ: 1) что новоисправленныя книги, вопреки хуленіямъ расколоучителей, обвинявшихъ оныя въ крайнемъ еретичествѣ и тѣмъ смутившихъ церковь (что и было причиною къ составленію собора), суть право исправлены, согласно древнимъ славянскимъ и греческимъ, и никакихъ ересей въ себѣ не содержатъ; 2) постановилъ, чтобы книги сіи (зане суть право исправлены) никѣмъ не были зазираемы и чтобы приняты были во всеобщее церковное употребленіе. Посему подлежащіе соборному отлученію и клятвѣ противники церкви и собора суть тѣ лица, которыя, вслѣдъ за первыми расколоучителями, въ противность собору, продолжаютъ утверждать: 1) будто новоисправленныя книги не исправлены, а искажены, наполнены ересями, и совершаемые по симъ книгамъ чины и обряды суть еретическіе; 2) будто сіи книги, почитаемыя ими за еретическія, не могутъ быть принимаемы въ церковное употребленіе и будто принимать оныя въ церковное употребленіе есть тяжкій грѣхъ. Вотъ кто, по прямому и точному смыслу соборнаго „изреченія“, или приговора, суть тѣ непокорники святой церкви и освященному собору, на которыхъ изречены соборомъ отлученіе и клятва.

Но не слѣдуетъ ли подѣ непокорниками разумѣть вообще тѣ лица, которыя, несмотря на соборное повелѣніе объ употребленіи книгъ новоисправленныхъ, употребляютъ старопечатныя, а не новоисправленныя книги? Тѣ, которые требуютъ и сключительнаго употребленія такъ называемыхъ старопечатныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ и употребляютъ эти книги именно потому и съ тою мыслию, что ихъ только признаютъ правильными и достойными къ употребленію, а новоисправленныя книги считаютъ еретическими и, какъ таковыя, къ церковному употребленію не допускаютъ, такія лица, очевидно, учатъ и дѣйствуютъ противно постановленію, изложенному въ соборномъ актѣ 1667 года, и, какъ противники святой церкви и освященнаго собора, подлежатъ соборному отлученію и клятвѣ. Но для того, чтобы считать противленіемъ церкви и собору одно только, само по себѣ, употребленіе старопечатныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ, и даже въ томъ случаѣ, когда при употребленіи оныхъ признаются новоисправленныя книги право исправленными, тѣмъ паче ничего еретическаго въ себѣ не содержащими и законно употребляемыми въ церкви, для этого соборный актъ не даетъ прямаго основанія. Ибо въ соборномъ актѣ 13 мая 1667 г., какъ и было уже сказано, совсѣмъ не находится опредѣленія о томъ, чтобы церковно-богослужебныя книги, напечатанныя прежде соборнаго ихъ исправленія, отнюдь не были употребляемы. А когда соборъ не издалъ прямаго повелѣнія и опредѣленія, чтобы никто и ни въ какомъ случаѣ не употреблялъ старопечатныхъ церковныхъ книгъ, то употребленіе ихъ, само по себѣ, не можетъ быть непослушаніемъ или непокореніемъ собору. Непослушаніе и непокореніе собору есть намѣренное отрицаніе и нарушеніе прямыхъ его повелѣній и постановленій. Соборъ постановилъ, что новоисправленныя церковно-богослужебныя книги право исправишася и повелѣлъ считать ихъ таковыми: утверждать напротивъ, что новоисправленныя книги

неправо исправишася, искажени и наполнены ересями, — это есть непослушание и непокорение собору, подвергающее непокорника соборному отлучению и клятвѣ. Соборъ постановилъ и повелѣлъ не гнушаться новоисправленными книгами, подъ ложнымъ предлогомъ мнимаго ихъ еретичества, и принять ихъ, какъ право исправленные, во всеобщее церковное употребленіе: гнушаться этими книгами, какъ еретическими, извергать ихъ, какъ таковыя, изъ церковнаго употребленія, — это есть непослушание и непокорение собору, подвергающее непокорника соборному отлучению и клятвѣ. Соборъ не издалъ прямого повелѣнія и постановленія, чтобы книги старопечатныя ни въ какомъ уже случаѣ и никѣмъ не были употребляемы, даже и тѣми, кто, повинувся собору, будетъ признавать книги новоисправленные право исправленными и вполне достойными къ церковному употребленію, но у церкви же испросить благословеніе употреблять книги старопечатныя: такое употребленіе старопечатныхъ книгъ не есть непослушание и непокорение собору, и такъ употребляющіе сіи книги не суть непокорники и не подлежатъ соборному отлучению и клятвѣ.

Теперь ясно само собою, что на вопросъ: клятвы собора 1667 г. на кого положены, за что, и на комъ онѣ лежатъ въ настоящее время? — отвѣтъ долженъ быть слѣдующій:

Клятвы собора положены на тѣхъ, кто въ противность соборному повелѣнію и постановленію признаетъ новоисправленные церковно-богослужебныя книги и совершаемыя по нимъ таинства, чины и обряды еретическими, и потому не признаетъ возможнымъ ни въ какомъ случаѣ допущеніе ихъ въ церковное употребленіе.

Соборныя клятвы за то именно и положены на сихъ противниковъ собора, что они, вопреки его повелѣнію и опредѣленію, признаютъ новоисправленные книги и по нимъ совершаемыя таинства, чины и обряды поврежденными, нечестивыми, еретическими, и, какъ таковыя, при-

знають безусловно невозможнымъ допускать въ церковное употребленіе.

Соборныя клятвы лежатъ и нынѣ на тѣхъ же самыхъ непокорникахъ собора, то-есть на тѣхъ лицахъ, которыя и теперь, въ противность соборному повелѣнію и опредѣленію, признають новоисправленныя церковныя книги и по нимъ совершаемыя таинства, чины и обряды неправо исправленными, нечестивыми, еретическими, и не допускають оныя въ церковное употребленіе, требуютъ же исключительнаго употребленія въ церкви такъ называемыхъ старопечатныхъ книгъ и только по симъ старопечатнымъ книгамъ совершаемыя таинства, чины и обряды считаютъ правильными, законными, дѣйствительными и благодатными.

А на тѣ лица, которыя хотя употребляютъ тѣ же старопечатныя книги и изложенные въ оныхъ чины и обряды, но употребляютъ ихъ по благословенію самой церкви и не въ противность соборному повелѣнію и опредѣленію, т.-е. не почитая сіи книги, чины и обряды исключительно правыми и достойными къ употребленію, напротивъ признавая и книги новоисправленныя и совершаемыя по нимъ таинства, чины и обряды не поврежденными, тѣмъ паче не еретическими, а право исправленными, дѣйствительными, благодатными и спасительными, — на таковыя лица соборная клятва не простирается и не простирается.

Вопросъ второй.

Для совершения богослуженія по обрядамъ церкви русской дониконовскаго времени (?) достаточно ли будетъ (?) къ успокоенію совѣсти (?) разрѣшенія (?) одного русскаго Синода, безъ участія греческихъ патріарховъ?

Разъясненіе втораго вопроса.

И здѣсь, во второмъ вопросѣ, слѣдуетъ прежде всего указать допущенныя вопросителями неточности, нарушающія правильное понятіе о дѣлѣ.

Спрашивается „о богослуженіи по обрядамъ русской церкви дониконовскаго времени“. Этимъ предполагается дѣленіе богослужебной русской обрядности на двѣ половины — до патріарха Никона и послѣ патріарха Никона, то-есть предполагается, что съ самаго начала церкви русской и до лѣтъ Никонова патріаршества постоянно и неизмѣнно употреблялись въ ней одни и тѣ же богослужебные обряды, а со временъ патріарха Никона эти неизмѣнно и постоянно употреблявшіеся обряды оставлены и замѣнены новыми. Но это очевидная неправда. Утверждать, будто обряды, изложенные въ іосифовскихъ богослужебныхъ книгахъ, суть тѣ же самые, которые были введены у насъ при св. Владимірѣ и съ тѣхъ поръ неизмѣнно были у насъ употребляемы, могутъ только люди совершенно невѣжественные, съ исторіею русской церкви и церковными древностями вовсе незнакомые, или же фанатики раскола, не желающіе внимать никакимъ свидѣтельствамъ исторіи и памятниковъ древности. Напротивъ, безпристрастное изученіе исторіи и древностей несомнѣнно показываетъ, что такъ называемые старые обряды начали входить у насъ въ употребленіе около временъ Стоглаваго собора и наиболѣе распространились въ патріаршество Іосифа, хотя и въ это время большинство народа, люди престарѣлые, женщины и всѣ вообще поселяне, по старой памяти и по обычаю своихъ предковъ, употребляли еще наримѣръ троеперстіе, какъ засвидѣтельствовалъ это соборъ 1667 года и подтверждаютъ современные ему писатели¹⁾. Тѣ же

¹⁾ Вотъ что говорится въ соборномъ актѣ: „и нынѣ видится въ Россіи, яко мужіе поселяне неизмѣнно изъ древняго обычая знаменуются тремя первыми персты“ (л. 6). А патріархъ Никонъ, въ словѣ отвѣчательномъ, и Игнатій м. Тобольскій, въ своихъ посланіяхъ, свидѣтельствуютъ, что люди престарѣлые, даже не изъ поселянъ, и жены продолжали креститься троеперстно, какъ научены были въ юности. Свидѣтельства эти, не подлежащія сомнѣнію, въ смыслѣ историческихъ показаній, получаютъ особенную важность и убѣди-

историко-археологическія изысканія показываютъ, что соборное исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, совершенное по древнимъ славянскимъ и греческимъ, имѣло свою цѣлю и своимъ послѣдствіемъ не введеніе новыхъ обрядовъ, а возстановленіе старыхъ, и потому соборнѣ исправленные и нынѣ употребляемые въ русской церкви обряды ближе соотвѣтствуютъ введеннымъ при св. Владимірѣ и употреблявшимся у насъ издревле, нежели обряды ближайшихъ къ патріарху Іосифу временъ. Итакъ, дѣлать богослужебную обрядность церкви русской на двѣ различныя половины — дониконовскую и послѣ-никоновскую совершенно несправедливо, и спрашивать о „богослуженіи по обрядамъ церкви русской дониконовскаго времени“, разумѣя подъ сими обрядами собственно изложенные въ такъ называемыхъ старопечатныхъ книгахъ, никакъ не слѣдовало. Вопросъ долженъ быть только о богослуженіи по обрядамъ, употреблявшимся въ церкви русской при п. Іосифѣ и въ ближайшія, предшествовавшія ему, времена, или, еще точнѣе, о богослуженіи по обрядамъ, изложеннымъ въ такъ называемыхъ старопечатныхъ книгахъ.

Можно было бы указать неточности и въ дальнѣйшемъ изложеніи вопроса. Такъ можно спросить, почему говорится: „достаточно ли будетъ?“ Рѣчь идетъ о дѣлѣ уже совершившемся и существующемъ; надлежало спрашивать поэтому: „достаточно ли было и достаточно ли?“

тельность въ сопоставленіи съ свидѣтельствами ученыхъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію въ послѣдніе годы XVI и въ первыя десятилѣтія XVII вв. (Петрей и Олеарій): эти иностранцы, тщательно наблюдавшіе обычай русскаго народа, свидѣлствуютъ также, что тогда россияне полагали на себѣ крестное знаменіе, слагая три первые перста. Итакъ, и въ патріаршество Іосифа, когда книжные люди, познакомившіеся въ Псалтири и другихъ изданныхъ тогда книгахъ съ мнимо-Феодоритовымъ словомъ, крестились уже и требовали креститься двумя перстами, престарѣлые люди и простой народъ, по старой памяти, „изъ древняго обычая“, употребляли еще троеперстіе.

Еще говорится: „къ успокоенію совѣсти“. Но чьей совѣсти? кого имѣють здѣсь въ виду вопросители? — они обязаны были сказать это. И дальше: „достаточно ли къ успокоенію совѣсти разрѣшенія одного рускаго Синода“. Опять, — о разрѣшеніи чего и о какомъ именно разрѣшеніи идетъ здѣсь рѣчь? Наконецъ, можно было бы сдѣлать замѣчаніе и о томъ, что напрасно вопросители не показали, какую связь имѣеть второй вопросъ ихъ съ первымъ: ибо связь эта должна предполагаться. Всѣ разумно предлагаемые вопросы должны имѣть между собою внутреннюю связь и обыкновенно имѣють; въ настоящемъ же случаѣ связь эта не представляется достаточно ясною и намъ самимъ придется выяснять ее. Но дабы не показаться придирчивыми, не станемъ обращать особеннаго вниманія на всѣ эти неточности, предоставивъ себѣ право объяснить и устранить ихъ далѣе.

Немедленнаго замѣчанія и исправленія необходимо требовала только первая, указанная выше, неточность, или неправильность выраженія: „обряды церкви русской дониконовскаго времени“, — неточность, лишающая вопросъ всякаго значенія и дѣлающая его не заслуживающимъ отвѣта. Исправивъ эту неточность, мы признаемъ подлежащимъ рѣшенію собственно вопросъ „о богослуженіи по обрядамъ, употреблявшимся въ церкви русской при п. Іосифѣ и въ ближайшія къ нему предшествовавшія времена, или о богослуженіи по обрядамъ, изложеннымъ въ такъ называемыхъ старопечатныхъ книгахъ“, а вовсе не вопросъ „о богослуженіи по обрядамъ церкви русской дониконовскаго времени“.

Итакъ, спрашивается: Для совершенія богослуженія по обрядамъ, изложеннымъ въ старопечатныхъ книгахъ, достаточно ли будетъ къ успокоенію совѣсти разрѣшенія одного рускаго Синода безъ участія греческихъ патріарховъ?“

Чтобы дать надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ, не-

обходимо сначала выяснитъ сокрытую, но предполагаемую вопросителями связь его съ предыдущимъ (первымъ) вопросомъ, равно какъ дѣйствительный его смыслъ, не съ достаточной опредѣленностію ими выраженный.

Предлагая предыдущій (первый) вопросъ, вопросители считали единственно возможнымъ и правильнымъ, по ихъ мнѣнію, такой отвѣтъ на него, что якобы соборныя клятвы 1667 г. положены на чины и обряды, изложенные въ старопечатныхъ книгахъ, или по крайней мѣрѣ на употребляющихъ эти чины и обряды и за ихъ употребленіе. Но съ учрежденіемъ Единовѣрія русская церковь „разрѣшила“ единовѣрцамъ „совершать богослуженіе по обрядамъ“, изложеннымъ въ книгахъ старопечатныхъ, то есть, по мнѣнію вопросителей, „разрѣшила“ то, что будто бы съ клятвою воспрещено соборомъ 1667 г. Совѣсть получившихъ такое разрѣшеніе должна, по мнѣнію вопросителей, смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что обряды, якобы воспрещенные, и даже съ клятвою, соборомъ, на которомъ предсѣдательствовали вселенскіе патріархи, разрѣшены къ употребленію однимъ чиноначаліемъ церкви россійской, или, какъ говорятъ они, „однимъ русскимъ Синодомъ“, безъ сношенія съ греческими патріархами. Отсюда и возникаетъ вопросъ: для совершения богослуженія по обрядамъ, изложеннымъ въ старопечатныхъ книгахъ, достаточно ли къ успокоенію совѣсти (употребляющихъ сіи обряды единовѣрцевъ) разрѣшенія (употреблять оныя) отъ одного русскаго Синода, безъ участія греческихъ патріарховъ?

Такое подлинный смыслъ подлежащаго рѣшенію вопроса.

Отвѣтъ на второй вопросъ.

Изложенный сейчасъ вопросъ, очевидно, держится на неправильномъ понятіи о постановленіяхъ и клятвахъ собора 1667 г. И такъ какъ въ отвѣтъ на первый вопросъ мы уже показали настоящій, дѣйствительный смыслъ со-

борнаго опредѣленія 13 мая 1667 г., то и этотъ второй вопросъ разрѣшается легко.

Прямымъ постановленіемъ собора (какъ мы показали уже) требуется признавать новоисправленныя книги право исправленными и принять оныя въ церковное употребленіе, а соборное отлученіе и клятва положены на непокорниковъ церкви и собора, продолжающихъ напротивъ утверждать, что новоисправленныя церковно-богослужбеныя книги неправо исправлены, искажены, наполнены ересями, что онѣ не могутъ и не должны быть употребляемы въ церкви. Но (какъ было также показано) соборъ ничего рѣшительно не говоритъ собственно о книгахъ старопечатныхъ и не дѣлаетъ прямого постановленія, безусловно возбраняющаго ихъ употребленіе, а потому соборное отлученіе и клятва не простираются на тѣхъ, кто пожелалъ бы употреблять сіи книги не въ „противленіе“ церкви и собору, напротивъ подъ условіемъ полного имъ подчиненія, съ признаніемъ, согласно соборному опредѣленію, дѣйствительной правильности книгъ соборнѣ исправленныхъ, святости и спасительности совершаемыхъ по онымъ таинствъ, чиновъ и обрядовъ, наконецъ съ испрошеніемъ у самой же церкви разрѣшенія употреблять подъ сими условіями книги старопечатныя. Отсюда само собою явствуется, что это разрѣшеніе употреблять старопечатныя книги именно съ такою мыслию и подъ такими условіями, какъ не противное подлинному смыслу того самаго соборнаго постановленія, которое издано и утверждено вселенскими патріархами, Святѣйшій Синодъ церкви російской могъ дать (и даетъ) вполнѣ законно безъ новыхъ сношеній съ греческими патріархами, или „безъ ихъ участія“, а потому и разрѣшенія сего вполнѣ достаточно для успокоенія совѣсти тѣхъ, которые имъ пользуются.

Могутъ сказать, что въ вопросѣ идетъ рѣчь не вообще о книгахъ старопечатныхъ, а въ частности о такъ называемыхъ старыхъ обрядахъ.

Но именуемые старые обряды изложены именно въ старопечатныхъ книгахъ, и потому соборъ, не воспрещая прямо и безусловно употребленія старопечатныхъ книгъ, чрезъ это уже самое не воспрещаетъ безусловно и употребленія именуемыхъ старыхъ обрядовъ.

Скажутъ еще: въ соборномъ актѣ содержится точное и подробное исчисленіе именно обрядовъ, которые соборъ повелѣлъ и опредѣлилъ принять во всеобщее церковное употребленіе. Повелѣвалось: „символъ пріимати и глаголати безъ прилога истиннаго... аллилуіа глаголати трижды, сирѣчь аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже... знаменіе честнаго и животворящаго креста творити на себѣ тремя первыми перты десныя руки... просфоры печатати печатію креста четвероконечнаго... священникамъ благословляти народъ“ перстосложеніемъ именованнымъ; слѣдовательно воспрещалось употреблять символъ съ прилогомъ истиннаго, сугубое аллилуіа, двуперстное сложеніе руки для крестнаго знаменія и священническаго благословенія, печать съ четвероконечнымъ крестомъ на просфорахъ?

Въ соборномъ актѣ, послѣ опредѣленія и повелѣнія о томъ, чтобы книги новоисправленныя признавать право исправленными и принять во всеобщее церковное употребленіе, дѣйствительно излагается въ частности опредѣленіе и повелѣніе о тѣхъ, внесенныхъ въ новоисправленныя книги, обрядахъ, которыми „соблазнялись“ расколоучители, которые огласили они еретическими, богопротивными, недостойными къ церковному употребленію, именно о перстосложеніи троеперстнымъ и именованнымъ, о трегубой аллилуіа, о печати съ четвероконечнымъ крестомъ, — излагается опредѣленіе и повелѣніе именно о томъ, чтобы, вопреки мнѣнію расколоучителей, признавать обряды сіи, какъ и новоисправленныя книги, православными и спасительными, и употреблять безъ всякаго сомнѣнія и прекословія. Но и здѣсь, какъ выше въ опредѣленіи о новоисправленныхъ книгахъ, не излагается также прямого,

рѣшительнаго, безусловнаго повелѣнія никогда и ни въ какомъ случаѣ не употреблять двуперстное сложене, сугубое алилуїа, печать съ крестомъ осмиконечнымъ, вообще такъ называемые старые обряды. Посему противники и непокорники церкви и собора, подлежащіе соборному отлученію и клятвѣ, суть тѣ, которые признають исчисленные выше и всѣ изложенные въ новоисправленныхъ книгахъ обряды неправильными, еретическими, душевредными, и утверждаютъ, что они не могутъ быть допущены, какъ таковые, къ церковному употребленію, а не тѣ, которые, во всемъ покоряясь церкви и собору, признавая, согласно соборному постановленію, новоисправленные чины и обряды вполнѣ правильными, спасительными и достойными къ употребленію, стали бы только, съ благословенія же церкви, употреблять именуемые старые обряды, къ которымъ пріобыкли. Слѣдственно, Св. Синодъ церкви російской, разрѣшая таковымъ употреблять старые обряды, поступилъ и поступаетъ согласно смыслу самаго постановленія, изданнаго соборомъ 1667 года, и значить могъ и можетъ давать имъ сіе разрѣшеніе безъ новыхъ сношеній съ греческими патріархами, а потому и разрѣшенія, даннаго однимъ Св. Синодомъ, вполнѣ достаточно для успокоенія совѣсти получившихъ оное.

Предвидится и еще возраженіе, или новый вопросъ: тѣ лица, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, то-есть старообрядцы, присоединяющіеся къ церкви на правилахъ Единовѣрія, находясь въ расколѣ, вмѣстѣ со всѣми раскольниками состояли несомнѣнно подъ клятвою и отлученіемъ собора 1667 г., утвержденными властію предсѣдательствовавшихъ на ономъ вселенскихъ патріарховъ; могъ ли поэтому одинъ російскій Синодъ, „безъ участія греческихъ патріарховъ“, разрѣшить ихъ отъ сей клятвы и отлученія, и даннаго однимъ російскимъ Синодомъ разрѣшенія „достаточно ли для успокоенія совѣсти“ получившихъ оное?

И въ семь случаѣ, то-есть разрѣшая старообрядцевъ, пріемлющихъ Единовѣріе, отъ дѣйствительно лежавшей на нихъ клятвы и отлученія, Св. Синодъ церкви російской дѣйствовалъ и дѣйствуетъ не въ нарушеніе, а въ полномъ соотвѣтствіи точному смыслу и даже буквѣ постановленій собора 1667 года. Въ соборномъ актѣ сказано, что отлученіе и клятва изрекаются на противниковъ или непокорниковъ церкви и собора, которые, не повинуваясь соборному постановленію и повелѣнію, будутъ упорно утверждать, что якобы новоисправленные книги, чины и обряды неправо исправлены, искажены, заражены многими ересями и потому не должны быть употребляемы въ церкви; и вслѣдъ за симъ говорится, что отлученіе и клятва неизмѣнно должны лежать на такихъ непокорникахъ „дондеже уразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ“. Старообрядцы, ищущіе единенія съ церковію на правилахъ Единовѣрія, именно „уразумляются“, — сознають, что незаконно противились церкви и собору, почитая новоисправленные книги и по нимъ совершаемые чины и обряды неправо исправленными, еретическими, недостойными къ церковному употребленію, „приходятъ въ правду“, — увѣряются, что соборъ справедливо призналъ новоисправленные книги, чины и обряды право исправленными и законно повелѣлъ принять ихъ въ церковное употребленіе, „каются“ предъ церковію въ своей винѣ, и только просятъ снисходительнаго дозволенія употреблять не воспрещенныя прямо и безусловно самимъ соборомъ старопечатныя книги, по которымъ привыкли служить, и старые обряды, которые привыкли употреблять. Значить, настаетъ для нихъ то дондеже, за предѣлами котораго, по точному и буквальному смыслу соборнаго постановленія, находившіеся подъ клятвою и отлученіемъ собора освобождаются отъ оныхъ. Поэтому Св. Синодъ церкви російской, разрѣшая вступающихъ въ Единовѣріе отъ клятвы, положенной соборомъ вселенскихъ патріарховъ, и пріемля ихъ въ церковное общеніе,

поелику дѣйствоваль и дѣйствуетъ по точному и буквальному смыслу соборнаго постановленія, имѣль и имѣеть полное право разрѣшать единовѣрцевъ отъ соборной клятвы и принимать въ церковное общеніе безъ новыхъ сношеній съ греческими патріархами, и разрѣшенія сего должно быть вполнѣ достаточно для успокоенія ихъ совѣсти.

Мало того. И въ томъ и другомъ случаѣ, и дозволяя единовѣрцамъ употреблять именуемая старыя книги и обряды, и разрѣшая ихъ отъ соборной клятвы, Св. Синодъ церкви россійской дѣйствоваль и дѣйствуетъ не только на основаніи подлиннаго акта, изданнаго соборомъ 1667 года, но и согласно древней практикѣ церкви вселенской, представляющей примѣры того, какъ предстатели частныхъ, помѣстныхъ церквей, не сносясь съ прочими церквами, не обращаясь за разрѣшеніемъ ко вселенскому, и даже помѣстному, собору, иногда дѣлали у себя, по благословнымъ винамъ, послабленія и исключенія изъ общепринятыхъ въ церкви правилъ даже по предметамъ несравненно большей важности, чѣмъ разрѣшеніе употреблять въ общеніи съ церковію и съ благословенія церкви обряды, нѣсколько отличающіеся отъ общецерковныхъ; и вселенская церковь такія дѣйствія предстателей частныхъ церквей не поставляла имъ въ вину. Въ доказательство приведемъ примѣръ, наиболѣе заслуживающій вниманія.

Богословенныя столпы церкви, св. Василій Великій и св. Григорій Богословъ, во вѣранныхъ имъ паствахъ, для христіанъ, недостаточно утвержденныхъ въ православномъ ученіи о Св. Духѣ, дѣлали великое снисхождение: требуя настоятельно, чтобы они не называли Духа Святаго тварію, то-есть признавали его божественную природу, тотъ и другой святитель снисходительно дозволяли имъ, говоря о Святомъ Духѣ, не употреблять наименованія: Богъ. „Уступите Духу Святому силу божества, говоритъ св. Григорій Богословъ, обращаясь къ не-

правомудрствующимъ о Св. Духѣ, — и мы вамъ уступимъ слово Богъ. Ниже вы обвиняйте насъ въ высшемъ словѣ (т.-е. въ употребленіи слова Богъ о Св. Духѣ), ниже мы васъ осудимъ въ понятіяхъ вашихъ“¹⁾. „Прошу васъ, — писалъ св. Василій Великій пресвитерамъ тарсійскимъ, — прошу васъ не утверждающихъ, что Духъ Святой есть тварь, принять въ общеніе... Надобно требовать, чтобъ Духа Святаго не именовать тварію. Болѣе сего я прошу ничего не спрашивать“²⁾. Такимъ образомъ, ради мира церковнаго, ради привлеченія неправомыслящихъ въ еди

1) Слово на пятидесятницу. Приведемъ здѣсь полнѣе слова вселенскаго учителя: „Вы на слогѣ негодуете и претыкаетесь на словѣ Богъ, и сіе бываетъ вамъ камнемъ претыканія и камнемъ соблазна... Уступите Св. Духу силу Божества, то и мы вамъ уступимъ слово Богъ. Признайте божественное естество поне въ иныхъ глаголахъ, яже почитаете больше, и мы яко немощныхъ васъ уврачуемъ, нѣчто и въ удовольствіе ваше ухищряюще (по новому русск. пер.: даже скрывъ иное въ ваше удовольствіе): срамно бо, поистинѣ срамно и зѣло безумно то, что вы, здравствуя душою, малодушствуете въ разсужденіи звука словъ и скрываете сокровище, акибы завидуя другимъ или устрашаяся, да не освятите и языка. Срамнѣе же намъ страдати тѣмъ, чѣмъ васъ порицаемъ, и обвиняющимъ малодушіе ваше, самимъ малодушствовать въ разсужденіи письменъ (по русск. пер.: и осуждая споры о звукахъ, самимъ стоять за букву)... И да реку сице яснѣе и сокращеннѣе: ниже вы обвиняйте насъ въ высшемъ словѣ (русск.: за реченіе болѣе возвышенное), ни кая же бо зависть да участвуетъ въ такомъ восхожденіи (русск.: ибо не должно завидовать возвышенію), ниже мы васъ осудимъ въ понятіяхъ вашихъ (русск. ни мы не будемъ васъ осуждать за то реченіе, которое вамъ до времени по силамъ) дондеже достигнете къ тому же обиталищу, аще и инымъ путемъ. Не бо побѣдити ищемъ, но пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся“ (Св. Вас. богодухн. тр. изд. 1787 г., л. 159).

2) Значеніе приведеннаго нами примѣра нимало не ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что свв. Василій Великій и Григорій Богословъ допускали такое снисхожденіе раньше втораго вселенскаго собора: ибо догматъ о божествѣ третіяго лица св. Троицы, ясно выраженный въ словѣ Божіемъ, имѣлъ и прежде втораго вселенскаго собора не меньшую силу и обязательность, какъ послѣ собора, который въ своемъ исповѣданіи основался на томъ же словѣ Божіемъ.

неніе съ церковію, св. Василій Великій и св. Григорій Богословъ дѣлали для нихъ уступку даже въ исповѣданіи одного изъ основныхъ догматовъ православной вѣры, со всею ясностью изложенныхъ въ Словѣ Божіемъ, — дѣлали своею властью, не обращаясь за разрѣшеніемъ къ общецерковному собору, — и церковь вселенская не осудила ихъ за это¹⁾. Тѣмъ паче Св. Синодъ церкви российской могъ безъ сношенія съ греческими патріархами сдѣлать снисхожденіе для старообрядцевъ, ищущихъ единенія съ церковью, относительно предметовъ не догматическаго свойства, — могъ дозволить имъ совершеніе церковныхъ службъ, чиновъ и обрядовъ по старопечатнымъ книгамъ, лишь бы только они признавали соборнѣ одобренные къ церковному употребленію новоисправленные книги, чины и обряды вполнѣ правильными, святыми и спасительными, а также и разрѣшить ихъ отъ соборной клятвы, дѣйствуя притомъ въ обоихъ случаяхъ согласно духу и буквѣ самого собора 1667 г.

Наконецъ, слѣдуетъ сказать и то, что церковь российская имѣетъ уже отъ вселенскаго патріарха и факти-

¹⁾ Посл. къ пресвит. въ Тарсѣ. Вотъ болѣе полное извлеченіе изъ этого посланія: „Сколько нужно великое раченіе, чтобъ въ настоящее время какое-нибудь оказать благодѣяніе церквамъ. *Благодѣяніе же состоитъ въ томъ, чтобы члены, прежде расторгенные, соединить; но соединеніе тогда послѣдуетъ, если мы захотимъ въ томъ, въ чемъ не повреждаемъ души, сообразоваться съ немощнѣйшими.* Того ради, когда многихъ уста отверсты противъ Св. Духа и многихъ языки на хулу его изострились, то просимъ васъ, чтобъ, сколько можете, уменьшить число богохульниковъ, и не утверждающихъ, что Духъ Св. есть тварь, принять въ общеніе, дабы одни хулители остались и, усрамившись отъ стыда, возвратились къ истинѣ, или, пребывая въ грѣхѣ, ничего не значили по своей малости. Изъ сего видно, что мы болѣе ничего не должны требовать, а предлагать желающимъ съ нами общенія братіямъ Никейскій символъ вѣры: когда съ нимъ они согласны, то надобно требовать, чтобъ Духа Святаго не именовать тварію, и не сообщаться съ тѣми, которые то утверждаютъ. *Болѣе сего я прошу ничего не спрашивать*“ (Гв. св. Григ. Богосл. изд. 1843 г., стр. 239).

ческое подтвержденіе законности учиненныхъ ею, на основаніи соборнаго постановленія 1667 года, дѣйствию относительно Единовѣрія, то-есть подтвержденіе законности и даннаго единовѣрцамъ дозволенія употреблять именуемые старые книги и обряды, и даннаго имъ разрѣшенія отъ соборной клятвы: ибо патріархъ Константинопольскій дозволилъ въ своей собственной области открыть у майноскихъ старообрядцевъ единовѣрческую церковь, нынѣ тамъ существующую. Иное дѣло желать, чтобы для вящшаго утвержденія законности учрежденнаго російскою церковію Единовѣрія издано было формальное его признаніе соборною властію вселенскихъ патріарховъ (такое желаніе можно признать вполне уважительнымъ), и совсѣмъ иное дѣло утверждать, будто безъ сношенія съ греческими патріархами російская церковь не могла учреждать у себя Единовѣріе и будто поэтому учрежденіе его незаконно. Полную его законность, повторимъ еще, фактически призналъ уже и патріархъ Константинопольскій: этого признанія должно быть достаточно къ успокоенію совѣсти даже тѣхъ единовѣрцевъ, которые могли бы смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что Единовѣріе учреждено „безъ участія греческихъ патріарховъ“.

Итакъ, на второй вопросъ краткій и точный отвѣтъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Для успокоенія совѣсти старообрядцевъ, принявшихъ Единовѣріе, то-есть признавшихъ, согласно постановленію собора 1667 г., новоисправленные книги, чины и обряды „право исправленными“, святыми, спасительными и вполне достойными къ церковному употребленію, но испросившихъ у церкви дозволеніе совершать богослуженіе по обрядамъ, употреблявшимся при п. Іосифѣ и въ ближайшія къ нему предшествовавшія времена, или, что то же, по обрядамъ такъ называемыхъ старопечатныхъ книгъ, которые и самимъ соборомъ 1667 г. не воспрещены безусловно, — потому разрѣшенныхъ отъ

клятвы и принятыхъ въ единеніе съ церковію, — для успокоенія совѣсти таковыхъ исполнѣ достаточно полученнаго ими на все сіе разрѣшенія „отъ одного російскаго Синода безъ участія греческихъ патріарховъ“: ибо разрѣшеніе сіе исполнѣ согласно духу и буквѣ утвержденныхъ вселенскими же патріархами постановленій собора 1667 г., согласно святоподобіямъ, обрѣтающимся въ древней исторіи церкви вселенской, и признано законнымъ и дѣйствительнымъ отъ Константинопольскаго патріарха Іоакима.

Вопросъ третій.

Цари и князи (?), святители и вообще всѣ пастыри и пасомые русской церкви, держащіеся (т.-е. державшіеся?) извѣстныхъ обрядовъ, двуперстія и проч. дониконовскаго времени, то-есть до 1656 (?) года, какимъ образомъ усвоили тѣ обряды, въ области ли православія (?), или извнѣ, отъ какихъ-либо еретиковъ?

Разъясненіе третьяго вопроса.

Требуется не малый трудъ, чтобы понять о чемъ собственно спрашиваютъ въ этомъ вопросѣ: до такой степени смыслъ его затемняется неточностію и неясностію выраженія.

Спрашиваютъ о „царяхъ и князьяхъ (?), святителяхъ и вообще всѣхъ пастыряхъ и пасомыхъ русской церкви, державшихся извѣстныхъ обрядовъ, двуперстія и проч. дониконовскаго времени, то-есть до 1656 года“.

Но какъ невозможно обряды русской церкви раздѣлять на дониконовскіе и послѣниконовскіе, такъ же точно невозможно утверждать, что будто бы „извѣстныхъ обрядовъ, двуперстія и проч.“, т.-е. обрядовъ, изложенныхъ въ такъ называемыхъ старопечатныхъ книгахъ, держались всѣ цари, пастыри и пасомые русской церкви, жив-

шіе до Никоновскаго времени, которое притомъ началось будтобы съ 1656 года. Не понятно, почему вопросители начало „Никоновскаго времени“ приурочиваютъ къ 1656 г., между тѣмъ какъ, надобно полагать, и имъ извѣстно, что Никонъ вступилъ на патріаршество въ 1652 году. Спрашивать же они могутъ и должны только о тѣхъ „царяхъ и святителяхъ, пастыряхъ и пасомыхъ русской церкви“, которые прежде Никонова патріаршества, или, точнѣе, прежде соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и введенія сихъ соборнѣ исправленныхъ книгъ въ церковное употребленіе, именно же во время изданія и употребленія книгъ старопечатныхъ, также въ ближайшія къ нему предшествовавшія времена, „держались извѣстныхъ обрядовъ, двуперстія и прочихъ“, внесенныхъ въ старопечатныя книги. Вотъ какъ надлежало, ради соблюденія точности, выразить первую половину настоящаго вопроса¹⁾; а въ сдѣланномъ вопросителями изло-

1) Впрочемъ надобно замѣтить, что и здѣсь еще нѣтъ совершенной точности выраженія. Ибо никакъ нельзя сказать, что всѣ служившіе по старопечатнымъ книгамъ, изданнымъ при первыхъ пяти патріархахъ Россійскихъ, держались *однихъ и тѣхъ же*, якобы „извѣстныхъ“ чиновъ и обрядовъ. Извѣстно напротивъ, что книги эти, какъ показываетъ взаимное ихъ сличеніе (см. Опытъ такого сличенія, сдѣланный іеромонахомъ Филаретомъ, изд. Брат. Петра м.), представляютъ великое между собою несходство въ изложеніи чиновъ и обрядовъ, такъ что отправлявшіе службу по книгамъ Іоасафовскаго изданія исполняли чины и обряды, отправляли чинопослѣдованія, читали молитвы не такъ и не тѣ, какія и какъ читались и отправлялись служившими по книгамъ Іосифовскаго изданія, — даже отправлявшіе службу по книгамъ, изданнымъ въ первое лѣто Іосифова патріаршества, служили не такъ, какъ отправлявшіе службу по книгамъ, изданнымъ въ пятое лѣто того же патріаршества. А что касается двуперстія, почитаемаго первѣйшимъ изъ „извѣстныхъ“ „дониконовскихъ“ обрядовъ, то мы говорили уже, что и въ послѣдніе годы Іосифова патріаршества люди престарѣлые, женщины и всѣ поселяне держались стараго обычая — креститься троеперстно, такъ что употреблявшіе двуперстіе, ревнителями котораго были по преимуществу книжники, или грамотники, познакомившіеся съ Θεодо-

женіи она представляетъ очевидную историческую неправду, почему не заслуживаетъ и разсмотрѣнія.

Затѣмъ, во второй половинѣ вопроса, что значать слова: „какимъ образомъ (жившіе до Никонова патріаршества) усвоили себѣ извѣстные обряды, — въ области ли православія, или извнѣ отъ какихъ-нибудь еретиковъ?“ Понятенъ вопросъ: „какимъ образомъ“ усвоены къ-мъ - либо тѣ или другіе обряды, — иначе сказать, какъ явились первоначально, какъ распространились и вошли въ употребленіе тѣ или другіе обряды? Но трудно понять дальнѣйшія, повидимому, объяснительныя слова: „въ области ли православія, или отъ какихъ-нибудь еретиковъ“. Что значитъ „усвоить обряды въ области православія?“ Только принявъ въ соображеніе противоположаемое этому выраженіе: „или извнѣ отъ какихъ-нибудь еретиковъ“, можно догадываться, что предлагается вопросъ о томъ, откуда ведутъ свое начало (а вовсе не о томъ, какимъ образомъ усвоены) извѣстные обряды, или, чтобъ выразиться еще точнѣе, спрашивается о томъ, православны или неправославны по своему происхожденію извѣстные, изложенные въ старопечатныхъ книгахъ, обряды, а также и лица, употреблявшія сіи обряды, цари и святители, пастыри и пасомые, по тому самому, что употребляли ихъ, православны ли были, или неправославны.

Таковъ долженъ быть, по нашему крайнему разумѣнію, дѣйствительный смыслъ подлежащаго рѣшенію, третьяго, вопроса, весьма неточно и невразумительно выраженаго вопросителями.

Итакъ, спрашивается: пастыри и пасомые церкви рус-

ритовымъ словомъ и подобными сочиненіями, — составляли даже не большинство, а меньшинство въ общемъ числѣ членовъ церкви русской дониконовскаго времени. Итакъ, говоря о лицахъ, державшихся обрядовъ, изложенныхъ въ такъ называемыхъ старопечатныхъ книгахъ, и особенно двуперстія, никакъ нельзя разумѣть подъ ними *всѣхъ* „пастырей и пасомыхъ церкви русской“, даже ближайшаго къ Никонову патріаршеству времени.

ской, жившіе прежде соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и введенія сихъ соборнѣ исправленныхъ книгъ въ церковное употребленіе, потому державшіеся двуперстія и иныхъ обрядовъ, изложенныхъ въ употреблявшихся дотолѣ книгахъ старопечатныхъ, откуда заимствовали сіи обряды, — отъ православныхъ, или отъ какихъ-либо еретиковъ, и сами, употребляя оныя, православны ли были, или неправославны?

Отвѣтъ на третій вопросъ.

Такъ называемыя старопечатныя церковно-богослужебныя книги печатались по благословенію російскихъ патріарховъ, которые несомнѣнно были православны, какъ несомнѣнно православна была при нихъ (остающаяся таковою и доселѣ) російская церковь. Потому и всѣ тѣ лица, которыя, до соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, употребляли чины и обряды, изложенные въ книгахъ старопечатныхъ, заимствуя ихъ именно отсюда, очевидно, заимствовали оныя отъ православныхъ, а не отъ какихъ-либо еретиковъ, и сами были несомнѣнно православными (если только сами лично не усвоили тѣмъ обрядамъ какого-либо еретическаго смысла и значенія).

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ: откуда первоначально заимствованы въ самыя старопечатныя книги и вообще въ церковное тогда употребленіе „извѣстные обряды, двуперстіе и прочія?“ — изъ православныхъ, или неправославныхъ источниковъ? Историческія изысканія не опредѣлили еще со всею точностію и рѣшительностію, когда и откуда именно явился первоначально каждый изъ сихъ обрядовъ. Но если мы возьмемъ во вниманіе наиболѣе несомнѣнное въ семъ отношеніи и особенно уважаемое старообрядцами свидѣтельство Стоглава о появленіи у насъ (но не о всеобщемъ употребленіи) двухъ важнѣйшихъ именуемыхъ старыхъ обрядовъ — двуперстія и сугубаго аллилуіа, то найдемъ, что указанные въ этомъ свидѣтельствѣ источники, изъ которыхъ заимствуются, и основанія,

на которыхъ утверждаются двуперстіе и сугубое аллилуіа, имѣють достоинство весьма сомнительное, нѣкоторые же являются совершенно ложными, а иные даже противными православію. Такъ основаніемъ для употребленія двуперстія полагается: 1) ложная, нигдѣ въ соборныхъ постановленіяхъ и несомнѣнно отеческихъ писаніяхъ не обрѣтающаяся, клятва якобы св. отецъ на не крестящихся двѣма персты: „аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христось, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, святіи отцы речекоша¹⁾); 2) подложное, блаженному Θεодориту совсѣмъ не принадлежащее, но подъ его именемъ выданное кѣмъ-либо изъ русскихъ книжниковъ, такъ называемое Слово Θεодорита, которое притомъ въ своей первоначальной редакціи приведенной и Стоглавымъ соборомъ, представляетъ свидѣтельство болѣе въ защиту троеперстія, не-

1) Защитники Стоглаваго собора говорятъ, что онъ имѣлъ здѣсь въ виду чинъ пріятія отъ яковитской, или моноелитской ереси. Чинъ этотъ, названный чиномъ пріятія отъ хвалисинъ, дѣйствительно, встрѣчается въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ Требника и славянской Кормчей (XV и XVI вв.); но достойно замѣчанія, что здѣсь или совсѣмъ не находится, какъ и въ греческомъ текстѣ, упоминанія о двуперстіи (см. ркп. Синод. библ. XV в. № 310, л. 134—137, еще ркп. Хлудов. библ. XVI в. № 119, л. 490—496), или же говорится только о *не крестящихся*, т.-е. не благословляющихъ двѣма персты.

Въ редакціи же приведенной Стоглавомъ (т.-е. гдѣ говорится и о *некрестящихся*), чинъ этотъ встрѣчается уже въ спискахъ ближайшаго къ Стоглавому собору времени. И такъ какъ 1) *чинъ*, даже правильно изложенный, не есть *изреченіе* или *постановленіе* свв. отецъ: ибо отеческія постановленія или изреченія должны находиться въ правилахъ и актахъ соборовъ, или въ отеческихъ правилахъ, принятыхъ вселенскою церковію въ употребленіе; такъ какъ 2) по изысканіямъ ученыхъ, приведенная Стоглавомъ редакція упомянутого чина (или та часть его, гдѣ содержится проклятіе на некрестящихся двѣма персты) имѣетъ русское происхожденіе, и притомъ ближайшее ко времени Стоглаваго собора: то и слѣдуетъ несомнѣнно, что слова, приведенныя Стоглавомъ, несправедливо названы здѣсь изреченіемъ, или постановленіемъ *свв. отецъ*.

жели двуперстія; 3) искаженное и неправильно истолкованное сказаніе о св. Мелетіи¹⁾. А „извѣстнѣйшимъ“ якобы, т.-е. несомнѣннымъ основаніемъ для употребленія сугубаго аллилуіа поставляется сказаніе писателя житія пр. Евфросина Псковскаго чудотворца о явленіи ему (писателю) Пресвятыя Богородицы²⁾, — сказаніе не только лживое, но и содержащее еретическія мудрованія: ибо въ немъ, по справедливому замѣчанію архипастырей, присутствовавшихъ на соборѣ 1667 года, „писана отъ соннаго мечтанія велія и несказанная хула на святую и живоначальную Троицу, ея же и писанію предати не подобаеть: толкуя бо аллилуіа, глаголетъ воплотившася Бога Отца, и паки глаголетъ воплотившася Святаго Духа, и паки и воскресша Бога Отца и Святаго Духа“³⁾. Обряды, утверждающіеся на такихъ сомнительныхъ, ложныхъ и частію даже противныхъ православію источникахъ или основаніяхъ, могутъ внушать справедливое опасеніе относительно правильности и чистоты ихъ происхожденія. Но во всякомъ случаѣ, даже и въ томъ, если бы какой-либо изъ обрядовъ, внесенныхъ въ старопечатныя книги, имѣлъ происхожденіе неправославное, церковъ, принявшая ихъ въ употребленіе по невѣдѣнію дѣйствительнаго источника ихъ происхожденія и съ правою о нихъ мыслию, не повреждала чрезъ то своего православія, напротивъ оставалась, какъ и была, православною; тѣмъ паче оставались православными ея пасомые, употреблявшіе сіи обряды согласно ея примѣру и указанію.

Твердыя основанія для такого заключенія даетъ намъ и древлевселенская церковъ, и церковъ древлерусская.

Исторія древней вселенской церкви представляетъ примѣры того, что даже великіе отцы и учителя въ нѣкоторыхъ частныхъ мнѣніяхъ уклонялись иногда отъ чистоты православія, не думая впрочемъ оказать въ семъ проти-

¹⁾ См. гл. 31 Стоглава; по казан. изд., стр. 133—134.

²⁾ Гл. 42 Стогл.; по казан. изд., стр. 202.

³⁾ Соб. Дѣян. по брат. изд., л. 35.

вленіе общему голосу церкви, напротивъ, будучи всегда готовы подчиниться ему и пребывая въ неразрывномъ общеніи съ церковію. Но чрезъ такое уклоненіе нѣкоторыхъ ея предстоятелей въ неправыя мнѣнія сама церковь нимало не повреждала своего православія, и отвергнувъ сіи мнѣнія, даже самихъ уклонившихся въ оныя отцевъ и учителей не исключала изъ лика православныхъ святителей и не лишала подобающаго имъ почитанія. Не упоминая другихъ извѣстныхъ свидѣтельствъ объ этомъ, считаемъ достаточнымъ привести здѣсь изъ уважаемыхъ старообрядцами Четвѣхъ-Миней митрополита Макарія слѣдующія слова патріарха Фотія: „Обстоянія вещей того времени многихъ (блаженнѣйшихъ отецъ) понуждаху, ова убо смотрителнѣ глаголати, ова же и ради нудящихъ непослушающихъ, иная же и невѣднїемъ, якоже обыкоша человѣческая поползатися. Овъ бо нѣчто на ересь боря, овъ же немощи слышателей сходя, инъ же ино что дѣйствуя и время имѣя понуждающе его, и глагола и дѣйствова, яже ни глаголати намъ ни дѣйствовати лѣпо есть... Мы же нѣкихъ блаженныхъ отецъ и учителей нашихъ во многихъ многожды отъ извѣстія правыхъ догматъ отведенныхъ обрѣтающе, отведенія убо ихъ не приємлемъ, мужей же облобызаемъ. Ибо и Діонисія Александрійскаго архіепископа въ лицѣ святыхъ отецъ соучиняюще, глаголаныхъ же отъ него аріанскихъ словесъ на ливинѣскаго Савелія никакоже приємлемъ, но и отнюдь отбѣгаемъ¹⁾. Тако же и великаго въ мученицѣхъ Меодія Патрскаго, такожде и Иринея епископа Лугдунейскаго, мужей апостольскихъ бывшихъ и житія и нравы удивленія блистающихъ, но обаче, зане отъ истины нѣвако уклонишася и отведошася глаголати кромѣ общаго и церковнаго учительства, въ сихъ убо (имъ) не послѣ-

¹⁾ О св. Діонисіи см. отзывъ св. Василія Великаго въ письмѣ его къ Максиму философу (Тв. св. Вас. В., ч. 6-я, стр. 44).

дуюмъ, отъ отеческія же славы и чести ихъ ничто же отсѣкаемъ¹⁾.

Подобнаго рода, но еще болѣе близкіе къ разсматриваемому вопросу, примѣры представляетъ и исторія церкви россійской.

Извѣстно, что преподобный Максимъ Грекъ, приступая къ исправленію богослужебныхъ книгъ, употреблявшихся въ церкви русской, нашель въ нихъ не малое количество погрѣшностей, даже повреждающихъ чистоту православнаго ученія вѣры, о которыхъ говоритъ подробно въ своемъ „Словѣ о книжномъ исправленіи“²⁾; но употреблявшихъ сіи книги православныхъ россіянъ, церковь и самъ преподобный Максимъ Грекъ не подвергли за сіе никакому сомнѣнію относительно правоты ихъ вѣры, напротивъ Максимъ говорилъ прямо: „ни едино убо отсюду досады прибудеть преподобнымъ чудотворцемъ русскимъ“³⁾.

Патріархъ Филаретъ отмѣнилъ въ молитвѣ на освященіе воды въ день Богоявленія, употреблявшееся прежде, неправильно прибавленное слово: и огнемъ, строго воспретивъ на будущее время употреблять сіе выраженіе. О семъ прибавочномъ словѣ святѣйшій Теофанъ патріархъ Іерусалимскій писалъ ему: „не вѣмъ како, отъ древняго ли обычая или отъ неукровъ и неписьменнымъ мужей и неискусныхъ, множицею книги любодѣйствующихъ, удержася и случися сей прилогъ“, и даже сдѣлалъ такое замѣчаніе: „приложеніемъ бываемымъ огня четверицу (въ Троицѣ) глаголатися сотворяете“⁴⁾. Однакоже ни патріархъ Теофанъ, ни патріархъ Филаретъ употреблявшихъ

1) Макарь. Чет.-Мин. Авг. 31 день. „Посланіе Фотія патріарха, къ архіепископу венеційскому“ (Ркп. Синод. библ. № 997, стр. 2809—2813).

2) Напечатано въ Грамматикѣ, изданной по благословенію п. Іосифа въ лѣто 7156 (1648).

3) Грам., напеч. при п. Іосифѣ, л. 33.

4) Посланіе п. Теофана къ п. Филарету: въ ркп. Тр.-Сергіевой Лавры, № 700, л. 419 и 424.

прежде оный прилогъ въ молитвѣ освященія воды не признали отступившими отъ православія.

Чинъ особаго священническаго погребенія, по благословенію патріарховъ россійскихъ напечатанный въ прежнихъ Потребникахъ, патріархъ Іоасафъ (первый) призналъ имѣющимъ еретическое происхожденіе и исключилъ изъ Потребника, напечатаннаго въ шестое лѣто его патріаршества, положивъ отпѣвать священника мірскимъ погребеніемъ¹⁾; но употреблявшихъ прежде, признанный теперь еретическимъ, чинъ священническаго погребенія онъ не призналъ за сіе повредившими свое православіе²⁾.

Если же въ церкви россійской нѣкоторыя, долгое время употреблявшіеся, богослужебныя чины и молитвы были признаваемы потомъ имѣющими „еретическое“ происхожденіе и чуждыми православію, но употреблявшіе, по невѣдѣнію, эти чины и молитвы православныя христіане за то не причислялись къ числу неправославныхъ; если въ древней вселенской церкви даже нѣкоторыя великіе отцы и учителя погрѣшали противъ православія въ своихъ частныхъ мнѣніяхъ, но церковь не лишены за то принадлежащей святымъ отцамъ и учителямъ чести: тѣмъ паче пастыри и пасомые россійской церкви, содержавшіе въ свое время „извѣстные“ въ старопечатныхъ книгахъ изложенные обряды (именно обряды, а не какія-либо мнѣнія, касающіяся догматовъ вѣры), впоследствии отмѣненные за ихъ несовершенную правиль-

1) Вотъ что сказано объ этомъ въ Потребникѣ п. Іоасафа: „А поповское погребеніе отставлено по повелѣнію великаго святѣйшаго Іоасафа, патріарха Московскаго и всея Русіи, *потому что то погребеніе учинено отъ еретика* Еремѣя, попа Болгарскаго, а въ греческихъ переводахъ его нѣтъ“.

2) Хотя мнѣніе п. Іоасафа о еретическомъ происхожденіи священническаго погребенія несправедливо и впоследствии чинъ сей опять внесенъ въ наши богослужебныя книги; но въ настоящемъ случаѣ для насъ важно то, что за употребленіе чина, которому рѣшительно усвоено было еретическое происхожденіе, употреблявшіе сей чинъ не были призваны причастными ереси.

ность при Никоновскомъ или, точнѣе, соборномъ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, не могутъ быть заподозрѣны въ поврежденіи православія, хотя бы нѣкоторые изъ сихъ обрядовъ (какъ сугубое аллилуія) и утверждались на источникахъ, которые по своему содержанию (какъ сочиненіе писателя житія Евфросінова) имѣли неправославный характеръ.

Такъ и поступила въ отношеніи къ нимъ православная церковь. Соборъ 1667 года, опредѣливъ отселѣ употреблять новоисправленные книги, чины и обряды, подвергъ отлученію и клятвѣ тѣхъ, кто вѣдѣй не подчинится сему опредѣленію, не будетъ признавать сіи новоисправленные книги и обряды право исправленными, станетъ гнушаться ими, какъ еретическими, и не допускать ихъ къ церковному употребленію; но не произнесъ никакого осужденія, тѣмъ паче отлученія и клятвы на тѣхъ, которые дотолѣ употребляли „извѣстные“ неисправленные чины и обряды, — употребляли не въ противленіе церкви, но въ согласіе существовавшему въ ней, хотя и не вполне правильному, обычаю. Хорошо раскрылъ этo въ отношеніи къ крестившимся двуперстно одинъ изъ писателей, жившихъ еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Здѣсь будетъ неизлишне привести его слова. Соборная клятва, говоритъ онъ, „восходитъ на раскольниковъ (въ противленіе и похуленіе церкви крестящихся двуперстно), святыхъ же россійскихъ чудотворцевъ, тако крестившихся, не касается: понеже проклинаются како крестящіися съ сопротивленіемъ святой церкви, а не древле крестившіися, егда и сама церковь тотъ же обычай имаше и содержаше. Сіе проклинаніе подобно тому, аще бы кто по преданіи святаго сѣмвола, на первомъ соборѣ сочиненнаго, не восхотѣлъ сѣмвола сего пріяти, хотя содержати прежній сѣмволъ, егоже святіи Апостоли изложиша и предаша. И таковой аще бы и проклятію преданъ былъ отъ церкви, обаче оное проклятіе не восходило бы на святыя Апостолы, ниже на сѣмволъ ихъ, но на самомъ ономъ раз-

дорницѣ лежало бы. Якоже убо тогда церковь святая премѣнила есть символъ Апостольскій, предала же есть символъ собора никейскаго, въ немже, символѣ, иными реченми тоежде благочестія таинство исповѣдуется, и православнии христіане церкви не противишася, но благоговѣнно покоришася: тако и нынѣ церковь святая премѣнила есть преданіе въ Россіи бывшаго перстосложенія, еже аще и древнѣе было бы, и отъ греческія церкви російскимъ апостоломъ княземъ Владиміромъ пріятое (якоже сказуютъ расколницы), но не можетъ быти непремѣнный догматъ, понеже не болше есть апостольскаго символа, иже премѣнися первымъ соборомъ, не болше есть литургіи святаго Іакова Брата Господня, яже премѣнися Василиемъ Великимъ, не болше есть литургіи Василія Великаго, яже премѣнися святымъ Іоанномъ Златоустымъ. Аще ли же перстосложеніе сіе новое есть, якоже при благочестивомъ царѣ Алексіѣ Михайловичѣ сказаша вселенстіи патріарси: то и весьма достойно есть премѣненія¹⁾.

Выразимъ теперь кратко отвѣтъ на третій вопросъ:

Пастыри и пасомые церкви русской, жившіе прежде соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и введенія сихъ соборнѣ исправленныхъ книгъ въ церковное употребленіе, посему державшіеся двуперстія и другихъ обрядовъ, изложенныхъ въ употреблявшихся старопечатныхъ книгахъ, заимствовали сіи обряды изъ этихъ самыхъ, употреблявшихся тогда книгъ, изданныхъ по благословенію православныхъ російскихъ патріарховъ; и хотя въ самыя книги и вообще въ первоначальное церковное употребленіе нѣкоторые изъ сихъ обрядовъ были заимствованы изъ источниковъ, которые не могутъ быть признаны въ строгомъ смыслѣ вполне чистыми и православными, но поелику употреблявшіе ихъ

¹⁾ Протоіерея Алексія Иродіонова „Весѣдсловіе о расколѣ російскомъ“. См. *Брат. Сл.* 1884 г., т. II, стр. 66—67.

употребляли, не вѣдая дѣйствительнаго достоинства сихъ источниковъ, поелику употребляли, не усвоивъ имъ никакого противнаго православію значенія, поелику употребляли ихъ, слѣдуя обычаю и въ полномъ подчиненіи православної церкви, были несомнѣнно и сами православны.

Вопросъ четвертый.

По какимъ причинамъ и правильно ли патріархомъ Никономъ и за нимъ (?) соборами 1656, 1666 и 1667 года обрядъ двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія признанъ не православнымъ, а еретическимъ преданіемъ; и изъ православныхъ, кто бы онъ ни былъ, знаменующійся двуперстно, подверженъ отлученію отъ Отца и Сына и Св. Духа и, какъ еретикъ, преданъ проклятію (Въ Скрижали — отвѣтъ патріарха Макарія на вопросъ патріарха Никона, „Слово отвѣщательно“ патріарха Никона, „Дополн. къ актамъ историч.“, томъ 5, стр. 572 (472?), 502, 503 и 507)?

Разъясненіе четвертаго вопроса.

Въ подтвержденіе исторической достовѣрности того, о чемъ предлагается настоящій вопросъ, приведены вопросителями, какъ видимъ, ссылки на нѣкоторые историческіе документы. Можно было бы поэтому считать вопросъ сей болѣе тщательно и основательно составленнымъ, нежели предыдущіе. Но по внимательномъ разсмотрѣніи приведенныхъ ссылокъ, большая часть ихъ оказывается неподтверждающими то, что вопросители хотятъ ими подтвердить, и самый вопросъ поэтому является требующимъ, какъ и прежніе, предварительнаго указанія и устраненія содержащихся въ немъ неточностей и невѣрностей.

Въ вопросѣ утверждается, что „обрядъ двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія признанъ не православнымъ, а еретическимъ преданіемъ, и изъ православныхъ, кто бы онъ ни былъ, знаменающійся двуперстно, подверженъ отлученію и, какъ еретикъ, преданъ проклятію“ 1) патріархомъ Никономъ, и за нимъ 2) соборомъ 1656 г., 3) соборомъ 1666 г. и 4) соборомъ 1667 года, въ подтвержденіе чего и приведены историческія ссылки.

Исчисленіе это нельзя назвать правильнымъ; оно даже не соотвѣтствуетъ тѣмъ ссылкамъ, которыя приводятся самими вопросителями: въ немъ частію пропущены лица, о которыхъ слѣдовало упомянуть, частію говорится о тѣхъ и о томъ, о комъ и о чемъ говорить не слѣдовало.

Укажемъ прежде всего пропускъ. Въ ряду ссылокъ приводится и даже поставляется на первомъ мѣстѣ „отвѣтъ патріарха Макарія патріарху Никону“, утвержденный подписью не только п. Макарія, но и бывшихъ одновременно съ нимъ въ Москвѣ Гавріила патріарха Сербскаго, Григорія митрополита Никейскаго и Гедеона архіепископа Сучавскаго; мало того, — приводятся даже вопросителями, въ текстѣ вопроса, нѣкоторыя подлинныя выраженія этого отвѣта, въ которомъ дѣйствительно усвоится двуперстію неправославное значеніе и произносится отлученіе на крестящихся двуперстно. А между тѣмъ въ самомъ вопросѣ п. Макарій и прочіе съ нимъ не поименованы въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя такъ судили о двуперстіи. Вопросители должны были напротивъ прежде всѣхъ назвать здѣсь именно Макарія Антиохійскаго, Гавріила Сербскаго, Григорія Никейскаго и Гедеона Сучавскаго.

Затѣмъ 1) что касается патріарха Никона, то онъ дѣйствительно выразилъ свое мнѣніе о неправославномъ значеніи двуперстія (какъ именно выразилъ, увидимъ послѣ) и приведенная въ подтвержденіе того ссылка на его „слово отвѣщательное“ (хотя надлежало бы еще, и притомъ прежде, указать на „вопросъ“ его п. Макарію) приведена правильно; а что якобы онъ же, единолично,

предалъ отлученію и проклятію всякаго крестящагося двуперстно, это вопросители утверждаютъ произвольно и „слово отвѣщательное“ не даётъ къ тому никакого основанія. Несправедливо также говорятъ вопросители, что за нимъ, т.-е. за патріархомъ Никономъ, признали двуперстіе еретическимъ преданіемъ и подвергли проклятію крестящихся двуперстно соборы 1656, 1666 и 1667 гг. Здѣсь, конечно, разумѣется не простая преемственность событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ, а внутренняя, такъ сказать, родственная между ними связь, — т.-е. утверждается, что соборы 1656, 1666 и 1667 гг. поступили въ данномъ случаѣ, слѣдуя примѣру п. Никона, какъ бы дѣйствуя подъ его вліяніемъ. Но если и можно еще (какъ утверждаютъ обыкновенно старообрядческіе писатели) допускать какое-либо вліяніе п. Никона на соборъ 1656 г., то соборы 1666 и 1667 гг., какъ понятно само собою, не могли находиться подъ вліяніемъ Никона, а скорѣе имѣли побужденіе дѣйствовать вопреки ему. Выраженіе за нимъ должно быть поэтому устранено изъ вопроса, равно какъ и увѣреніе, будто патріархъ Никонъ единолично предалъ проклятію крестящихся двуперстно.

2) Отъ собора 1656 г. не сохранилось какого-либо особаго, имъ изданнаго, акта, — да едва ли и изданъ былъ соборомъ какой-либо особый актъ. Но въ заключеніи своего „отвѣщательнаго слова“ патріархъ Никонъ упоминаетъ, что соборъ сей дѣйствительно призналъ двуперстіе неправославнымъ обычаемъ и подвергъ крестящихся двуперстно отлученію. А такъ какъ слово сіе, напечатанное въ Скрижали, имѣетъ подписи присутствовавшихъ на соборѣ архіереевъ и прочихъ духовныхъ лицъ, то и можетъ быть признаваемо если не подлиннымъ актомъ собора 1656 г., то по крайней мѣрѣ несомнѣннымъ памятникомъ его занятій¹⁾). Поэтому вопросители имѣли осно-

¹⁾ Соборъ 1656 г. открытъ былъ 23-го апрѣля, а „слово отвѣщательное“ подписано присутствовавшими на соборѣ архіереями и архи-

ваніе, ссылаясь на то же „отвѣщательное слово“ патриарха Никона, утверждать въ своемъ вопросѣ, что соборъ 1656 г. призналъ двуперстіе неправославнымъ преданіемъ и подвергъ отлученію крестящихся двуперстно.

3) Но вопросители не имѣли никакого права говорить въ своемъ вопросѣ то же самое о соборѣ 1666 года. Въ подлинномъ и единственномъ актѣ этого собора, какъ мы сказали уже, отвѣчая на первый вопросъ, никакого порицанія на именуемые старые обряды, въ томъ числѣ и на двуперстіе, не содержится, и никакого суда надъ употребляющими эти обряды, въ томъ числѣ на крестящихся двуперстно, не произносится. Сами вопросители, очевидно, знали это, ибо въ подтвержденіе своего указанія на соборъ 1666 г. не привели (и не могли привести) ссылки на соборный актъ. Зачѣмъ же было и упоминать о соборѣ 1666 года?

4) Наконецъ, точно такъ же и въ основномъ, главнѣйшемъ актѣ собора 1667 г., изданномъ 13-го мая, который именно по причинѣ такого своего значенія одинъ изъ всѣхъ актовъ этого собора положенъ былъ „въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе въ дому Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, въ патриархіи богохранимаго царствующаго великаго града Москвы и всея Россіи“, — и здѣсь, въ этомъ актѣ (какъ мы и это показали

мандритами 2-го іюня. Протекшее между этими числами время и было употреблено на разсмотрѣніе представленной патриархомъ Никономъ книги „Скрижаль“, которую здѣсь, по свидѣтельству „отвѣщательнаго слова“, „соборнѣ чтоша во многи дни съ великимъ прилежаніемъ, всяку вещь и всяко слово со опасствомъ разсуждающе“, потомъ на подробное же разсмотрѣніе вопроса о перстосложеніи, по которому и состоялось извѣстное соборное опредѣленіе. Извѣщеніемъ объ этихъ дѣйствіяхъ собора и точнымъ изложеніемъ самаго соборнаго опредѣленія по вопросу о перстосложеніи, было, при окончаніи собора, дополнено „отвѣщательное слово“ патриарха Никона, читанное при открытіи собора, и въ такомъ видѣ это „слово“, именно какъ памятникъ соборныхъ занятій, или какъ соборное дѣланіе, подписанъ присутствовавшими на соборѣ отцами.

уже, отвѣчая на первый вопросъ) не содержится никакого пореченія на именуемые старые обряды, въ томъ числѣ и на двуперстіе, а также не произносится безусловно клятвы на всякаго, употребляющаго эти обряды, въ томъ числѣ и двуперстіе. Ссылки, приводимыя вопросителями, относятся совсѣмъ не къ этому основному законодательному акту собора 1667 г., а къ другимъ, которые хотя и вошли въ Книгу соборныхъ дѣяній, хотя и подписаны вселенскими патріархами и прочими присутствовавшими въ соборѣ лицами, но имѣютъ каждый свое особое надписаніе и заглавіе, изъ котораго, какъ и изъ самаго ихъ содержанія, не трудно видѣть, что они по своему значенію не могутъ быть почитаемы равносильными основному акту собора, изданному „въ вѣчное утвержденіе“, а служатъ только къ его дополненію или разъясненію. Именно же первая ссылка дѣлается на вторую главу книги соборныхъ дѣяній, имѣющую заглавіе: „Правиль(а), яже предложаша на освященномъ соборѣ блаженнѣйшіи (патріархи) кѹръ Паисій... и кѹръ Макарій... о исправленіи нѣкоторыхъ нуждныхъ вещей¹⁾“; вторая и третья — на третью главу, имѣющую заглавіе: патріарховъ Паисія и Макарія „толкованіе о аллилуіи и о знаменіи честнаго и животворящаго креста²⁾“; четвертая — на главу десятую, имѣющую заглавіе: „Увѣщаніе о бывшемъ соборѣ въ лѣто 7059 въ царство царя Іоанна Васильевича всея Россіи“³⁾.

1) Въ ссылкѣ указано „Допол. къ Акт. истор. т. V, страница 572“ (надобно полагать 472: ибо и всѣхъ страницъ въ V-мъ томѣ *Дополненій* только 510). Здѣсь разумѣется, конечно, правило 22 о Феодоритовомъ словѣ. Изданіе соборныхъ дѣяній въ *Допол. къ ист. Акт.* сдѣлано весьма неисправно: такъ и вторая глава напечатана безъ заглавія. По изд. Братства св. Петра м. приведенная въ вопросѣ ссылка относится къ л. 15—15 об.

2) *Допол. къ Акт. ист.* т. V, стр. 502 и 503. По изд. Братства л. 32—32 об. Здѣсь имѣется въ виду, конечно, „толкованіе“ о крестномъ знаменіи.

3) *Допол. къ Акт. ист.* т. V, стр. 509. (Здѣсь гл. 10-я напечатана подъ № XI и безъ всякаго заглавія); по изд. Братства л. 93 об.

Въ тѣхъ мѣстахъ второй и третьей главъ Книги соборныхъ дѣяній, которыя указаны первыми тремя ссылками вопросителей, дѣйствительно содержится мнѣніе, что крестящіеся двуперстно выражаютъ симъ перстосложеніемъ неправославное ученіе о св. Троицѣ и воплощеніи Сына Божія; но это мнѣніе нельзя со всей рѣшительностью усвоить собору 1667 г., а слѣдуетъ признать его сужденіемъ собственно патріарховъ Паисія и Макарія, „правила“ и „толкованіе“ которыхъ излагаются въ двухъ указанныхъ главахъ; проклятія же на крестящихся двуперстно здѣсь и вовсе не находится, какъ можетъ убѣдиться въ этомъ всякій, прочитавши указанные мѣста въ Книгѣ соборныхъ дѣяній. Итакъ, приводя три первыя ссылки на соборныя дѣянія, вопросители должны были говорить собственно о патріархахъ Паисіи и Макаріи, а не о соборѣ 1667 г., и притомъ должны были только сказать, что патріархи Паисій и Макарій, въ своихъ „правилахъ“ и „толкованіи“, выразили (какъ выразили, объ этомъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ) мнѣніе о двуперстїи, какъ обычай неправославномъ, а вовсе не должны были говорить и объ нихъ, будто они произнесли здѣсь проклятіе на крестящихся двуперстно. Что же касается того мѣста въ десятой главѣ Книги соборныхъ дѣяній, на которое указываетъ послѣдняя, четвертая ссылка, то на него и еще менѣе могли ссылаться вопросители въ подтвержденіе своей неправой мысли, что якобы соборъ 1667 г. призналъ двуперстіе еретическимъ преданіемъ и произнесъ проклятіе на всѣхъ крестящихся двуперстно. Десятая глава Книги соборныхъ дѣяній, какъ видно изъ самаго ея заглавія, содержитъ „увѣщаніе“ о Стоглавомъ соборѣ 1551 г., или, точнѣе, изложеніе основаній, почему Великій Московскій соборъ 1667 г. могъ отмѣнить извѣстныя постановленія прежняго, Стоглаваго собора; а въ заключительныхъ словахъ этой главы, которыя собственно и имѣются въ виду вопросителями, содержится только новое подтвержденіе соборнаго

постановленія, изданнаго въ 13-й день мая 1667 года. Приведемъ вполнѣ эти слова. „Аще ли кто отнынѣ начнетъ прекословити о изложенныхъ винахъ на соборѣ семъ великомъ отъ святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ, яже исправиша и узаконоположиша о аллилуи, и о крестѣ, и о прочихъ винахъ, яже писаны суть въ соборномъ изложеніи настоящаго сего собора, въ лѣто отъ Божія по плоти рожденія 1667-е, и въ книгѣ правленія Жезла, да будетъ по Апостолу въ правду самоосужденъ и наслѣдникъ клятвѣ сего собора, писаннѣй въ соборномъ дѣяніи его, яко преслушникъ Божій и святыхъ отецъ правиломъ противникъ“ (л. 93—93 об.)¹⁾. Для каждаго, кто внимательно и безпристрастно прочтетъ эти слова, должно быть ясно, что здѣсь не находится ни упоминанія о неправославномъ значеніи двуперстія, ни клятвы на крестящихся двуперстно; а содержится только подтвержденіе сказаннаго въ соборномъ изложеніи 13-го мая о сдѣланныхъ соборомъ исправленіяхъ и узаконеніяхъ, и еще подтвержденіе клятвы, „писанной“ въ томъ же соборномъ дѣяніи. Въ соборномъ же дѣяніи 13-го Мая, какъ мы показали въ предыдущихъ отвѣтахъ, не находится никакого пореченія на именуемые старопечатныя книги и совершаемые по онымъ чины и обряды, въ томъ числѣ и на двуперстіе, а только соборнѣ узаконяется и повелѣвается новоисправленные книги, чины и обряды признавать право исправленными и, какъ таковые, принять во всеобщее церковное употребленіе, равно какъ не изрекается клятвы безусловно на „всѣхъ православныхъ“, „кто бы онъ ни былъ“, употребляющихъ именуемые старые книги, чины и обряды,

1) Достойно особеннаго примѣчанія то обстоятельство, что здѣсь соборный актъ 13-го мая ясно отличается отъ прочихъ соборныхъ актовъ и по преимуществу называется *соборнымъ изложеніемъ* и *соборнымъ дѣяніемъ*. Такимъ образомъ сами присутствовавшіе на соборѣ архипастыри усвоили ему въ ряду всѣхъ другихъ соборныхъ актовъ главное и существенное значеніе.

въ томъ числѣ двуперстіе, а предаются проклятію противники собора, утверждающіе, вопреки его опредѣленію, что новоисправленные книги, чины и обряды суть не право-исправленные, растлѣнные, еретическіе, душевредные, и не должны быть допускаемы въ церковное употребленіе. Что въ соборномъ изложеніи или соборномъ дѣяніи 13-го мая не находится ни сужденія о двуперстіи, какъ еретическомъ преданіи, ни проклятія на всѣхъ безусловно крестящихся двуперстно, это признають, очевидно, и сами вопросители: ибо они и здѣсь не нашли возможнымъ сослаться на этотъ главнѣйшій изъ актовъ собора 1667 года въ подтвержденіе того, что якобы соборъ сей призналъ двуперстіе неправославнымъ преданіемъ и произнесъ проклятіе на всѣхъ крестящихся двуперстно, между тѣмъ какъ въ доказательство этого имъ слѣдовало сослаться именно на сей первый и существеннѣйшій актъ собора 1667 г. Поелику же 10-я глава книги соборныхъ дѣяній, въ своемъ заключеніи, содержитъ только подтвержденіе того же соборнаго акта, изданнаго 13-го мая, то не имѣли они права ссылаться здѣсь и на эту главу.

Такимъ образомъ изъ четвертаго вопроса должно быть совсѣмъ исключено упоминаніе о соборахъ 1666 и 1667 гг., какъ сдѣланное не только безъ достаточнаго основанія, но и совсѣмъ несправедливо. Вопросители имѣли основаніе указать только на патріарха Никона и отцевъ собора 1656 г., также на патріарховъ Макарія и Паисія съ другими восточными пастырями, какъ на лица, высказавшія въ означенныхъ выше сочиненіяхъ свое мнѣніе о неправославномъ значеніи двуперстія; и только о Макаріи Антиохійскомъ, Гавріилѣ Сербскомъ, Григоріи Никейскомъ, Гедеоиѣ Сучавскомъ и о соборѣ 1656 г. могли сказать, что первые въ своемъ „отвѣтѣ“ патріарху Никону, а послѣдній въ своемъ опредѣленіи, признавъ двуперстіе неправославнымъ преданіемъ, произнесли клятву на крестящихся двуперстно.

Итакъ, по устраненіи оказавшихся въ четвертомъ вопросѣ историческихъ невѣрностей и неточностей, вопросъ сей, дабы могъ заслуживать отвѣта, долженъ быть изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

По какимъ причинамъ и правильно ли патріархами Никономъ Московскимъ, Паисіемъ Александрійскимъ, Макаріемъ Антіохійскимъ и другими восточными пастырями, равно какъ отцами собора 1656 г., обрядъ двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія признанъ не православнымъ, а еретическимъ преданіемъ, патріархомъ же Макаріемъ съ тремя другими восточными іерархами и соборомъ 1656 г. изъ православныхъ, кто бы онъ ни былъ, знаменующійся двуперстно, подверженъ отлученію отъ Отца и Сына и Св. Духа и какъ еретикъ преданъ проклятію?

Отвѣтъ на четвертый вопросъ.

Вопросъ этотъ, очевидно, состоитъ изъ нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ: спрашивается 1) по какимъ причинамъ исчисленныя выше лица признали двуперстіе неправославнымъ преданіемъ? 2) правильно ли было такое ихъ мнѣніе о двуперстїи? 3) по какимъ причинамъ патріархъ Макарій съ сущими при немъ и соборъ 1656 г. подвергли отлученію крестящихся двуперстно? и 4) правильно ли они поступили въ этомъ случаѣ?

1. По какимъ причинамъ патріархи Никонъ, Паисій, Макарій и другіе, также отцы собора 1656 года признали двуперстіе неправославнымъ преданіемъ, объ этомъ, конечно, слѣдуетъ спрашивать ихъ самихъ, — другими словами: отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ тѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ они выразили такое мнѣніе о двуперстїи. Разсмотримъ эти сочиненія въ связи съ историческими обстоятельствами, которыми они вызваны, и въ хронологическомъ ихъ порядкѣ, чтобы вѣрно понять ихъ и правильно судить объ нихъ.

Трудно указать со всей опредѣленностью, кому принадлежатъ первыя замѣчанія о томъ, что распространившійся у насъ къ концу первой половины XVII-го столѣтія между грамотными людьми обычай креститься двумя перстами не согласенъ общепринятому, издревле существующему въ православной церкви обычаю перстосложенія. Патриархъ Никонъ въ свое время публично засвидѣтельствовалъ, что ему дѣлали замѣчанія, „зазираху и поношаху много“, о нѣкоторыхъ вкравшихся въ богослуженіе русской церкви неисправностяхъ, въ томъ числѣ и о двуперстіи, приходившіе въ Москву при патриархѣ Іосифѣ восточной церкви святители — Афанасій патриархъ Константинопольскій, Паисій патриархъ Іерусалимскій, Гавріиль митрополитъ Назаретскій и другіе. Весьма понятно, что на двуперстіе, какъ на обрядъ, отличный отъ общепотребляемаго въ православной церкви, прежде всѣхъ могли обратить вниманіе восточные архипастыри, нигдѣ не издавшіе его на православномъ Востокѣ, и именно тѣ, которые пріѣзжали къ намъ въ патриаршество Іосифа, когда обрядъ этотъ наиболѣе распространился въ Москвѣ среди духовенства и вообще среди книжныхъ русскихъ людей, усвоившихъ себѣ Слово Θεодорита и другія, внесенныя въ новоизданныя книги свидѣтельства и наставленія о двуперстіи¹⁾. Патриархъ Никонъ тѣмъ болѣе

¹⁾ То обстоятельство, что бывшіе въ Москвѣ ранѣе этого восточные іерархи — Константинопольскій Іеремія, Іерусалимскій Θεофанъ и др. не дѣлали замѣчаній о двуперстіи, можетъ служить свидѣтельствомъ, что двуперстіе тогда еще не было у насъ обычаемъ настолько распространеннымъ, чтобы могло неволью обращать на себя вниманіе. Старообрядцы, какъ извѣстно, дѣлаютъ совсѣмъ иное отсюда заключеніе, — изъ того, что патриархи Іеремія и Θεофанъ не обличали русскихъ за двуперстіе, они заключаютъ, что и сами патриархи, и всѣ вообще православные христіане на востокѣ тогда еще употребляли для крестнаго знаменія тоже двуперстное сложеніе. Но это заключеніе представляетъ очевидную несообразность: возможно ли, чтобы въ теченіе двадцати съ небольшимъ лѣтъ, протекшихъ отъ пріѣзда въ Москву п. Θεофана до пріѣзда п. Паисія, троеперстіе

долженъ былъ обратить вниманіе на замѣчаніе остальныхъ архипастырей и тѣмъ удобнѣе могъ оцѣнить всю ихъ справедливость, что имѣлъ у себя передъ глазами (какъ и всѣ россияне имѣли) несомнѣнные доказательства нововводности двуперстія, — самъ видѣлъ (какъ и всѣ видѣли), что и въ Россіи люди „престарѣлые“, женщины и простой народъ, не знакомые съ Θεодоритовымъ Словомъ и другими наставленіями о двуперстіи, крестятся троеперстно, по старому обычаю, какъ научились отъ отцевъ и дѣдовъ. И вотъ, слѣдуя указанію восточныхъ архипастырей и самъ лично убѣдившись въ нововводствѣ двуперстія, патріархъ Никонъ, вскорѣ же по вступленіи на патріаршество, прилагаетъ особенную заботу объ устраненіи нововводнаго, распространившагося въ Москвѣ обычая креститься двумя перстами, — заботится о возстановленіи стараго, еще крѣпко и повсемѣстно державшагося въ народѣ обычая креститься троеперстно: въ первый же годъ патріаршества, предъ великимъ постомъ 1653 г., онъ издалъ и разослалъ къ духовенству московскому „память“, или указъ о томъ, чтобы для крестнаго знаменія употребляли троеперстное сложеніе. Извѣстно, что эта „память“ и вызвала первыя открытыя проявленія раскола: главные ревнители и распространители двуперстія, протопопы, распорядившіеся при патріархѣ Іосифѣ и въ крестовой палатѣ и на печатномъ дворѣ, приложившіе столько старанія о внесеніи въ печатныя книги мнимаго Θεодоритова Слова, — сильно вооружились противъ „памяти“ Никона, и два изъ нихъ — юрьевоцкій протопопъ Аввакумъ и костромской Даніилъ, написали даже и подали царю Алексѣю Михайловичу жалобу, или челобитную на незаконное распоряженіе патріарха Никона, съ выписками „о сло-

до такой степени распространилось на Востокѣ, а двуперстіе до того пришло въ забвеніе, что встрѣтивъ это послѣднее въ Москвѣ, п. Паисій, п. Аванасій и др. обратили на него вниманіе, какъ на обрядъ новый для нихъ и невиданный у православныхъ ?

женіи персть¹⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что въ поданной царю челобитной эти ревнители двуперстія уже высказались съ свойственною имъ рѣзкостію противъ троеперстія, какъ обряда якобы еретическаго, а въ устныхъ бесѣдахъ съ разными лицами громко выражали тѣ свои мнѣнія о страшномъ еретичествѣ троеперстія, которыя мы находимъ въ ихъ сочиненіяхъ, — называли его и аріанскою, и несторіанскою, и арменскою, и римскою ересями. Вопросъ о перстосложеніи сдѣлался такимъ образомъ предметомъ споровъ, что и побудило патріарха Никона, вскорѣ послѣ собора 1654 г., предложить патріарху Константинопольскому Паисію, въ числѣ прочихъ, и вопросъ о томъ: какъ надлежитъ слагать персты для крестнаго знаменія? Въ Константинополѣ патріархъ Паисій составилъ соборъ для разсмотрѣнія полученныхъ изъ Москвы вопросовъ, и вотъ что соборнѣ отвѣтилъ на вопросъ о перстосложеніи: „мы вси имамы обычай древній по преданію поклонятися имуще три первые персты совокуплены вкупѣ во образъ св. Троицы“²⁾). Отвѣтъ патріарха Константинопольскаго и даже цѣлаго собора, имъ составленнаго, сдѣлавшись извѣстенъ въ Москвѣ, не прекратилъ однакоже возникшихъ здѣсь споровъ о перстосложеніи, и потому патріархъ Никонъ, воспользовавшись личнымъ присутствіемъ въ Москвѣ Антиохійскаго патріарха Макарія и трехъ другихъ восточныхъ іерарховъ, призналъ нужнымъ предложить и имъ тотъ же вопросъ о перстосложеніи, — просилъ ихъ устно и письменно засвидѣтельствовать предъ московскою церковію, какое перстосложеніе для крестнаго знаменія употребляется у нихъ, на православномъ Востокѣ, и какое поэтому должно употребляться у насъ, въ Россіи, гдѣ появилось два различныхъ перстосложенія. Для письменнаго рѣшенія вопросъ свой патріарху Макарію и

1) Объ этомъ повѣствуетъ самъ Аввакумъ въ своемъ „Житіи“: см. *Мат. для ист. раск.* т. V, стр. 18.

2) Отв. на 24 вопр. Скриж. л. 740.

прочимъ восточнымъ архипастырямъ патріархъ Никонъ изложилъ также письменно, и не отъ себя только, но отъ лица всѣхъ російскихъ пастырей, „всего освященнаго російскаго собора“, при чемъ отъ лица же „всего освященнаго російскаго собора“ высказалъ сужденіе о двуперстіи и троеперстіи.

„Вопросъ“ этотъ и составляетъ первый извѣстный намъ письменный памятникъ, въ которомъ мы находимъ выраженное патріархомъ Никономъ отъ имени освященнаго російскаго собора мнѣніе или сужденіе о двуперстіи. Какое же мнѣніе и какъ онъ высказалъ здѣсь?

Достойно вниманія то обстоятельство, что патріархъ Никонъ, приступая къ изложенію „вопроса“ и рѣшаясь высказать мнѣніе о перстосложеніи, самъ указалъ ясно причину, побудившую его къ тому и другому, — и именно указалъ ее въ возбужденныхъ тогда ревнителями двуперстія, уже упомянутыхъ нами, спорахъ о перстосложеніи. „Воздвизаютъ, — писалъ онъ, — нѣщыи въ насъ прю, како персты имѣти десницы и вообразати на лицѣ знаменіе креста“. Одни, — продолжалъ онъ, — утверждаютъ, что для крестнаго знаменія надобно слагать три первые большіе перста десныя руки во образъ святаго Троицы, другіе напротивъ требуютъ изображать крестное знаменіе двумя перстами — указательнымъ и среднимъ, совокупленными во образъ двухъ естествъ Богочеловѣка, во образъ же св. Троицы совокуплять великій перстъ и два послѣдніе. Здѣсь-то, по поводу этихъ разногласій, патріархъ Никонъ и дѣлаетъ замѣчаніе, что первые, т.-е. крестящіеся троеперстно, суть люди „искусніи и художніи“ и что онъ съ російскимъ освященнымъ соборомъ признаетъ ихъ „добрѣ творящими“; о послѣднихъ же, иначе слагающихъ персты для крестнаго знаменія, выражаетъ сомнѣніе, могутъ ли они своимъ перстосложеніемъ правильно образовать ученіе о св. Троицѣ и о воплощеніи Сына Божія: слагая три неравные перста, могутъ ли они свидѣтельствовать ими о равенствѣ лицъ св. Троицы? и

слагая два перста во образъ воплощеннаго Бога Слова не дають ли они поводъ заключать, что признають Богочеловѣка особымъ, четвертымъ лицомъ во св. Троицѣ? Изложивъ такимъ образомъ обстоятельства дѣла и выразивъ о немъ свое, нерѣшительное впрочемъ, мнѣніе, раздѣляемое и россійскимъ освященнымъ соборомъ, патріархъ Никонъ передаетъ вопросъ о перстосложеніи на рѣшеніе патріарха Макарія и трехъ другихъ восточныхъ архипастырей, — просить сказать ему, на какой сторонѣ истина, кто поступаетъ правильнѣе, — крестящіеся троеперстно, или крестящіеся двуперстно¹⁾?

Таково первое извѣстное намъ, письменное выраженное патріархомъ Никономъ отъ лица всего освященнаго россійскаго собора мнѣніе по вопросу о перстосложеніи, бывшему уже предметомъ жаркихъ споровъ, возбужденныхъ защитниками двуперстія. Въ отвѣтъ патріарха Константинопольскаго Паисія и сущаго съ нимъ собора патріархъ Никонъ имѣлъ достаточное основаніе произнести вполнѣ опредѣленное сужденіе по этому вопросу,

1) Вотъ подлинный текстъ „вопроса“: „Воздвизаютъ убо нѣщны въ насъ ирю, како персты имѣти десницы и воображати на лицѣ знаменіе креста. Ови убо, искусніи и художніи, три великія персты совокуивше, глаголю, великій палець и указательный и великій средній, во образъ святыхъ Троицы, начертываютъ на лицѣ своемъ образъ креста, ихже и мнимъ добрѣ творящихъ; ови же, совокуивше указательный и средній великій персть, начертываютъ на лицѣ своемъ знаменіе креста, глаголюще изображати два естества Богочеловѣка; трети же, первымъ великимъ пальцемъ, и двѣма малыма, глаголють образовати святую Троицу. И се указующе, какъ разумѣють гѣма трема персты о святѣй Троицѣ образъ неприличенъ имущъ, занеже неравенство имуть персты къ себѣ, великій съ малыми, якоже видимъ въ писаніи равенство трехъ ипостасей къ себѣ. И како разумѣти прочими двѣма, указательнымъ и среднимъ, смотрѣнія таинство, яко да не возмнится кому четвертое лице въ составѣхъ имѣти. Кѣи убо отъ сихъ истинніи: ти ли, иже первыми трети персты, или втори, иже двѣма персты, указательнымъ и среднимъ, знаменіе креста творящи, и три персты, великій и два малыя, глаголющи во образъ святыхъ Троицы? Молимся о семъ возвѣстите намъ, кое есть истина“.

и однакоже не рѣшился высказать его ни о двуперстіи, ни о троеперстіи: о крестящихся троеперстно, людяхъ „искусныхъ и художныхъ“, онъ, правда, говоритъ, что признаетъ ихъ „добрѣ творящими“; но и крестящихся двуперстно не предаетъ осужденію, не называетъ рѣшительно еретичествующими, а только высказываетъ сомнѣніе, не можетъ ли употребляемое ими сложеніе перстовъ служить выраженіемъ неправыхъ мудрованій о св. Троицѣ, каковыхъ дѣйствительно и держались, какъ увидимъ далѣе, тогдашніе расколоучители. Рѣшить вопросъ о томъ и другомъ перстосложеніи онъ предоставляетъ патріарху Макарію и тремъ другимъ, находившимся въ Москвѣ восточнымъ архипастырямъ, какъ представителямъ православной восточной церкви и вмѣстѣ какъ лицамъ непричастнымъ къ московскимъ спорамъ, могущимъ поэтому дать вполнѣ безпристрастное рѣшеніе вопроса.

Патріархъ Макарій въ своемъ „отвѣтѣ“ на вопросъ патріарха Никона говоритъ дѣйствительно съ полной рѣшительностію, что правильное перстосложеніе есть троеперстное, содержимое въ православной восточной церкви по преданію отъ самаго начала христіанской вѣры, и что крестящіеся иначе, т.-е. двуперстно, не по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, суть еретики, подражатели арменовъ¹⁾.

Гавріилъ патріархъ Сербскій, Григорій митрополитъ Никейскій и Гедeonъ митрополитъ Сучавскій подтвердили это сужденіе патріарха Макарія о троеперстіи и двуперстіи, и скрѣпили своими подписями. Особаго вниманія заслуживаютъ здѣсь свидѣтельства Гавріила Сербскаго

1) Приводимъ подлинныя слова и Макаріева отвѣта: „Преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ и святыхъ седми соборовъ творити знаменіе честнаго креста съ трети первыми персты десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, есть еретикъ и подражатель арменовъ“.

и Гедеона Сучавскаго, архипастырей двухъ родственныхъ намъ славянскихъ церквей, удостовѣряющія что и тамъ, согласно съ греческою церковію, искони употреблялось также троеперстіе.

Не довольствуясь письменнымъ „отвѣтомъ“, патриархъ Никонъ просилъ патриарха Макарія, чтобы то же свидѣтельство о троеперстіи и двуперстіи онъ высказалъ устно, предъ народомъ: и онъ дѣйствительно произнесъ его съ особенной торжественностію, при большомъ стеченіи народа, при царѣ и боярахъ, въ церкви Чудова монастыря за всенощнымъ бдѣніемъ подъ праздникъ святителя Алексія и св. Мелетія (12-го февраля)¹⁾.

Только теперь, послѣ столькихъ и столь торжественныхъ свидѣтельствъ, данныхъ патриархами Константинопольскимъ, Антиохійскимъ, Сербскимъ и другими архипастырями Востока, патриархъ Никонъ призналъ возможнымъ для себя высказаться рѣшительнѣе по вопросу о перстосложеніи и предложить собору россійскихъ архипастырей сдѣлать свое опредѣленіе по этому вопросу.

Открывъ 23-го апрѣля 1656 г. соборныя засѣданія онъ предложилъ вниманію присутствовавшихъ прежде всего свое „отвѣщательное слово“²⁾, въ которомъ дѣйствительно говоритъ о перстосложеніи, и именно двуперстнымъ, болѣе рѣшительно, нежели въ своемъ „вопросѣ“ патриарху Макарію. Но достойно примѣчанія, что и здѣсь онъ произноситъ свое мнѣніе не прямо о двуперстіи, а собственно

1) Въ „словѣ отвѣщательномъ“ повѣствуется, что патриархъ Макарій въ Чудовѣ монастырѣ произнесъ: „аще кто трети персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, по имать творити два послѣднія соединя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, таковой арменоподражатель есть, арменове бо тако воображаютъ на себѣ крестъ“ (Слово отвѣщ. л. 11 об.)

2) Указаніе на то, что „отвѣщательное слово“ было читано предъ соборомъ, находится въ самомъ его заглавіи: „Слово отвѣщательно... святѣйшаго Никона... глаголанное прежде отъ лица его къ собору, бывшему при немъ въ лѣто 7164-е“.

о главномъ основаніи, на которомъ утверждались тогда (и доселѣ утверждаются) защитники двуперстія, — о такъ называемомъ Θεодоритовомъ Словѣ, которое подвергъ разсмотрѣнію. „О его (мнимаго¹⁾ Θεодорита) мудрованіи, — говорилъ патріархъ Никонъ, — достоинъ ми нынѣ изложить, якоже печатано московскія печати во Псалтирехъ со возслѣдованіемъ, въ предисловіи тоя Псалтири, и во прочихъ, како онъ мудрствуетъ“. Изложивъ ученіе мнимаго Θεодорита о перстосложеніи, Никонъ продолжалъ: „Всячески по всему не прие́млется церковію сіе преданіе его, яко и всякому познати мощно есть, яко неправѣ сказуетъ обоа таинства: ни въ тріехъ бо перстахъ, во двою, глаголю, малыхъ и въ великомъ палцѣ, исповѣдуется добрѣ святыя Троицы таинство, ниже во дву, указательномъ, глаголю, и великосреднемъ извѣщается употребительнѣ таинство воплощенія Божія Слова. Яко во трехъ убо предреченныхъ перстахъ по его мудрованію веліе неравенство обряцется святыя Троицы“; а мудрствовать неравенство во св. Троицѣ, значить „Арію послѣдовати, — якоже и онъ умаляти Сына отъ Отца“. Въ двухъ же перстахъ, „по его мудрованію, два Сына и два состава о единомъ Христѣ Бозѣ вознепщуется имѣти, и будетъ по сему Несторію еретіку помогати“. Въ цѣломъ же его составѣ онъ назвалъ изложенное въ Θεодоритовомъ Словѣ ученіе о перстосложеніи „Θеодоритовымъ четверочпостаснымъ разумѣніемъ“. Такимъ образомъ патріархъ Никонъ прямо и уже съ полной рѣшительностью выразилъ свое мнѣніе о Словѣ Θεодорита, какъ содержащемъ неправославное ученіе. Упомянулъ онъ при этомъ и о тѣхъ, кто, послѣдуя сему слову, крестится двумя перстами; но упомянулъ только мимоходомъ и ограничился объ нихъ слѣдующимъ краткимъ замѣча-

¹⁾ Патр. Никонъ и тогда уже высказалъ сомнѣніе относительно принадлежности „Слова“ блаженному Θεодориту, хотя и въ выраженіяхъ не вполне рѣшительныхъ: „аще онъ есть писавый сіе преданіе“.

ніемъ, не содержащимъ прямого обвиненія въ еретичествѣ: „аще кто два простертая великосредняя перста имать въ крестномъ изображеніи слагати... всячески неприлично творить, сопротивное же паче“¹⁾). Вотъ все, что и теперь патріархъ Никонъ сказалъ лично отъ себя о двуперстномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія.

Вникая въ содержаніе „отвѣщательнаго слова“, мы находимъ, что въ немъ п. Никонъ, желалъ представить собору послѣдовательное и обстоятельное изложеніе своихъ изысканій по вопросу о перстосложеніи. Начавъ съ того, какъ „зазирали“ ему о двуперстїи приходившіе въ Москву патріархи Константинопольскій Аѳанасій и Іерусалимскій Паисій и какъ послѣ этого созналъ онъ настоятельную надобность подвергнуть тщательному пересмотру и исправленію употреблявшіяся у насъ богослужебныя книги, чины и обряды, упомянувъ о приобрѣтеніи съ сею цѣлю греческихъ книгъ и обративъ затѣмъ особенное вниманіе на содержащіяся въ нѣкоторыхъ греческихъ книгахъ свидѣтельства о троеперстномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія, именно по поводу одного изъ такихъ свидѣтельствъ²⁾ онъ подробно изложилъ, сейчасъ приведенное нами, свое мнѣніе о главнѣйшемъ свидѣтельствѣ въ защиту другаго, явившагося у насъ, на Руси, двуперстнаго сложенія руки для крестнаго знаменія. Послѣ этой вводной рѣчи, продолжая свой историческій разсказъ объ изысканіяхъ по вопросу о перстосложеніи, онъ подробно изложилъ, какъ обращался съ этимъ вопросомъ къ патріарху Константинопольскому Паисію (и привелъ подлинный соборный отвѣтъ его), какъ незадолго передъ симъ спрашивалъ находившихся въ Москвѣ патріарха Антиохійскаго Макарія и трехъ другихъ архипастырей Востока (и опять съ бук-

1) *Слово отвѣщ.* л. 4—9.

2) По поводу слова Дамаскина иподіакона.

важною точностью привелъ отвѣтъ ихъ, и какъ по его просьбѣ тотъ же патріархъ Макарій свидѣтельствовалъ предъ всѣмъ народомъ, что вся православная восточная церковь употребляетъ троеперстное сложеніе, которое и надлежитъ считать правильнымъ, обычай же креститься двумя перстами; „по Θεодоритову писанію и ложному преданію“, есть обычай неправославный. Изложивъ все это, патріархъ Никонъ представилъ собору на разсмотрѣніе всѣ упомянутыя имъ въ „отвѣщательномъ словѣ“ свидѣтельства о перстосложеніи вмѣстѣ съ новоотпечатанною книгою „Скрижаль“, при которой, въ видѣ приложенія, они были напечатаны, и предложилъ собору, по разсмотрѣніи сихъ свидѣтельствъ, произнести свое опредѣленіе относительно перстосложенія. По тщательномъ и долговременномъ обсужденіи дѣла соборъ и „изгласилъ“, что надлежитъ употреблять троеперстное сложеніе, какъ общесодержимое святою восточною церковію, а дуперстное, или, какъ онъ выразился, Θεодоритово сложеніе, коимъ выражается неправославное ученіе о св. Троицѣ и воплотившемся Словѣ Божіемъ, какъ не пріятное церкви, всячески отринуть¹⁾.

Произошло послѣ этого много важныхъ событій. Расколъ обнаружилъ себя во всей силѣ; ревнители его произносили и писали страшныя хулы на церковь и содержимыя церковію обряды, особенно на троеперстіе. Цер-

¹⁾ Вотъ подлинный текстъ соборнаго изглашенія, какъ оно излагается въ „отвѣщательномъ словѣ“: „Изгласихомъ вкупѣ и о крестномъ изображеніи утвердити, якоже святая восточная церковь содержитъ, еже трети первыми великими персты всякому христіанину изображати на себѣ крестъ, а еже Θεодоритово и Максимово, обрѣтаемое въ книзѣ Псалтирѣ со возслѣдованіемъ, московскія печати, и во иныхъ рукописанныхъ писано, еже два малыя послѣднія соединити съ великимъ пальцемъ, *имже неравенство св. Троицы показуется*, и есть аріанство, и еже ктому два великосредняя простерта имѣти, и *по сему два Сына и два состава о единомъ Христвѣ Божѣ исповѣдовати*, яко Несторію... сіе всячески отринуты повелѣхомъ“ (Слово отвѣщ. л. 15.).

ковная власть явилась вынужденною предать ихъ суду и подвергнуть отлученію: состоялись соборы 1666 и 1667 гг. Когда этотъ послѣдній произнесъ свое окончательное опредѣленіе о расколѣ, изложенное въ соборномъ актѣ 13-го мая, и тѣмъ, такъ сказать, завершилъ соборный судъ надъ нимъ, предсѣдательствовавшіе на соборѣ патріархи Паисій и Макарій, вмѣстѣ съ прочими греческими архіереями, оставаясь въ Москвѣ, продолжали по просьбѣ и предложенію россійскихъ пастырей, а также и по собственному побужденію, заниматься разсмотрѣніемъ разныхъ церковныхъ вопросовъ, въ числѣ которыхъ были и касающіеся нѣкоторыхъ частныхъ недавно рѣшеннаго вопроса о расколѣ. Эти ихъ мнѣнія и рѣшенія, изложенныя въ десяти отдѣльныхъ главахъ, какъ дополненіе къ главному соборному акту, вошли въ Книгу соборныхъ дѣяній. Въ первой изъ сихъ дополнительныхъ главъ¹⁾, въ ряду „правилъ“ и наставленій по разнымъ вопросамъ есть одно (пр. 22), касающееся двуперстія. Патріархи Паисій и Макарій даютъ здѣсь наставленіе, или повелѣніе не принимать Θεодоритово Слово, напечатанное въ Псалтиряхъ со возслѣдованіемъ, не вѣровать сему писанію, не держать его, — и вмѣстѣ съ симъ выражаютъ свое мнѣніе, что это сочиненіе, вовсе не принадлежащее Блаженному Θεодориту, „сложено отъ нѣкоего расколника и скрытаго еретика арменскія ереси“, ибо въ немъ находится наставленіе слагать персты для крестнаго знаменія, какъ слагаютъ армены²⁾. Очевидно, патріархи произнесли здѣсь

¹⁾ По общему счету гл. 2-я.

²⁾ Вотъ подлинный текстъ 23 правила: „Еще же и писаніе, еже есть сложено отъ нѣкотораго расколника и скрытаго еретика арменскія ереси и напечатана невѣжествомъ и неразумно въ книзѣ Псалтирь со возслѣдованіемъ и во иныхъ (сирѣчь о сложеніи перстовъ, яко знаменатися повелѣваетъ по обычаю, како еретики армени знаменаются крестомъ), да не примете сіе и да никто же отнынѣ сему писанію вѣруетъ, ниже да держитъ, но искоренити повелѣваемъ отъ таковыхъ печатныхъ и писменныхъ книгъ“. *Кн. дѣян. соб. 1667 г.* по Брат. изд. л. 15—15 об.

мнѣніе собственно о Θεодоритовомъ Словѣ и лишь косвенно замѣтили, что обычай знаменаться двумя перстами есть обычай арменскій¹⁾. Въ слѣдующей главѣ²⁾ патриархи Паисій и Макарій говорятъ гораздо подробнѣе о перстосложеніи, и троеперстномъ и двуперстномъ. Подтвердивъ, что первое есть преданіе святоотеческое, и объяснивъ истинный смыслъ его, извращаемый „нѣкими“ (т.-е., какъ должно полагать, раскольниковъ), они говорятъ дальше о тѣхъ „суемудрыхъ“, которые, писаша, и научиша и сказаша все таинство Божества и челоувѣчества въ перстахъ быти, и являтися пребеззаконно и хулно троичному таинству въ неравныхъ перстахъ... и глаголаша, яко тѣ три неравныя и разныя персты есть таинство св. Троицѣ. Всѣмъ убо явлено есть, яко исповѣдаша во св. Троицы неравенство, яко аріане, и несторіане, и духоборцы, и аполинаряне и прочіи проклятій еретицы, зане оніи сице исповѣдаша несравненіе и раздѣленіе во святѣй Троицѣ: Отца болша назваша и Сына менша и Духа Святаго еще менша, и яко раба.... А Θεодоритъ о томъ ничтоже писа.... но солгано на него Θεодорита отъ нѣкихъ суемудрыхъ и сокровенныхъ еретиковъ³⁾. Итакъ, и здѣсь патриархи Паисій и Макарій произносятъ мнѣніе не о самомъ двуперстїи и дѣйствительномъ его значеніи, а говорятъ во-первыхъ о нѣкоторыхъ суемудрыхъ, т.-е. тогдашнихъ расколоучителяхъ, писавшихъ и проповѣдовавшихъ, что въ трехъ неравныхъ и раздѣленныхъ перстахъ содержится самое существо св. Троицы, и въ этомъ-то ихъ ученіи находятъ ученіе древнихъ еретиковъ, проповѣдывавшихъ неравенство и раздѣльность въ св. Троицѣ; во-вторыхъ, опять говорятъ о блаженномъ Θεодоритѣ,

1) Замѣчаніе объ этомъ, какъ вводное, поставлено даже въ скобкахъ: см. текстъ правила въ предыдущемъ примѣчаніи.

2) По общему счету гл. 3-я.

3) *Кн. дьян. соб.* по Брат. изд. л. 31 об.—32.

что онъ о перстосложеніи ничтоже писа и что выданное подъ его именемъ Слово есть произведеніе „нѣкихъ сумудрыхъ и сокровенныхъ еретиковъ“.

Мы изложили въ послѣдовательномъ порядкѣ, въ связи съ современными обстоятельствами и въ самой строгой точности содержаніе всѣхъ указанныхъ вопросителями (и даже не указанныхъ) письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ приводятся сужденія и отзывы о двуперстии, выраженные патріархами Никономъ, Паисіемъ, Макаріемъ, Гаврииломъ и другими пастырями восточной церкви, также російскимъ соборомъ 1656 г. Изъ представленнаго изложенія не трудно видѣть какъ то а), въ чемъ собственно состояли эти отзывы, или сужденія, такъ и то б), на чемъ они основаны, или „по какимъ причинамъ“ произнесены.

а) Не трудно видѣть изъ него, что не ко всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ можетъ быть со всею точностію приложено употребленное въ вопросѣ выраженіе: „признали обрядъ двуперстнаго сложенія еретическимъ преданіемъ“.

По тщательномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи всего вышеизложеннаго каждый согласится, что въ отзывахъ о двуперстии, произнесенныхъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ, патріархами Никономъ, Паисіемъ, Макаріемъ и прочими, есть достойное вниманія различіе и по смыслу, и по степени ихъ рѣшительности. Именно же необходимо признать слѣдующее:

Патріархъ Никонъ, въ своемъ „вопросѣ“ патріарху Макарію, изложенномъ отъ лица всего священнаго російскаго собора, выразивъ мнѣніе о крестящихся троеперстно („ихже мнимъ“), что они добрѣ творять, замѣтилъ потомъ съ великой осторожностію и не о самомъ двуперстии, но о современныхъ ревнителяхъ двуперстія, воздвигшихъ прю изъ-за него, — не могутъ ли они внушить подозрѣніе, что слагая во образъ св. Троицы три неравные перста „имуть образъ неприличенъ равенству

впостасей св. Троицы“, и особно, двумя перстами изображая таинство смотрѣнія, мнѣть четвертое лице въ Троицѣ.

Онъ же патріархъ Никонъ, получивъ отвѣтъ патріарха Макарія и трехъ другихъ архипастырей восточныхъ, въ своемъ „отвѣщательномъ словѣ“, читанномъ по открытіи собора 1656 г., уже лично отъ себя произнесъ мнѣніе, опять не о самомъ двуперстіи, по существу его, но о такъ называемомъ Θεодоритовомъ Словѣ, содержащемъ несправедливо усвояемое блаженному Θεодориту наставленіе о двуперстіи: въ этомъ Словѣ онъ указалъ дѣйствительно слѣды ученія аріанскаго и несторіанскаго, и назвалъ еще Θεодоритово разумѣніе „четверопостаснымъ разумѣніемъ“; а вообще о крестящихся двуперстно, по Θεодоритову преданію, замѣтилъ только, что они „всячески неприлично творять, сопротивное же паче“.

Подобнымъ образомъ и патріархи Паисій и Макарій въ своихъ „правилахъ“ и „толкованіи“, вошедшихъ въ Книгу дѣяній собора 1667 г., говорятъ не о двуперстіи самомъ въ себѣ, или по существу его, но о томъ же Θεодоритовомъ Словѣ: Слово это они объявили здѣсь рѣшительно не принадлежащимъ блаженному Θεодориту и назвали произведеніемъ „нѣкоего скрытаго еретика арменскія ереси“; и еще говорятъ о „нѣкихъ суемудрыхъ“, т.-е. о тогдашнихъ расколуучителяхъ, которые „въ перстахъ заключали все таинство божества и челоувѣчества“, и „въ неравныхъ перстахъ заключали таинство св. Троицы“: въ такомъ ихъ ученіи (а не въ самомъ перстосложеніи) и указывали они слѣды аріанской, несторіанской и другихъ ересей.

Только прежде этого, въ „отвѣтъ“ своемъ на вопросъ патріарха Никона, тотъ же патріархъ Макарій, вмѣстѣ съ Гавріиломъ Сербскимъ, Григоріемъ Никейскимъ и Гедеономъ Сучавскимъ, выразились вообще о крестящихся не по преданію восточныя церкви, еже держа отъ начала вѣры, т.-е. о крестящихся не троеперстно, что таковой „есть еретикъ и подражатель арменовъ“.

И еще соборъ 1656 г. въ своемъ опредѣленіи о перстосложеніи выразился, что креститься не по преданію святыхъ восточныхъ церкви, а согласно Феодоритову Слову, „еже два малыя послѣднія (перста) соединяти съ великимъ, имиже неравенство святыхъ Троицы показуется, есть аріанство, и еще ктому два великосреднія простерта имѣти — есть два Сына и два состава въ единомъ Христѣ Бозѣ исповѣдовати яко Несторію“.

б) Изъ представленнаго изложенія письменныхъ памятниковъ, содержащихъ въ себѣ эти отзывы и сужденія о двуперстїи, не трудно видѣть и то, какія основанія, или по выраженію вопросителей, „какія причины“ къ ихъ произнесенію указаны были самими произнесшими ихъ лицами.

Патріархъ Никонъ для своего мнѣнія о крестящихся двуперстно, какъ творящихъ „супротивное“ церкви, указалъ основаніе въ очевидномъ несоотвѣтствіи, или „противности“ двуперстїи общеупотребляемому въ православной восточной изъ глубокой древности троеперстному сложенію, о дѣйствительной древности, правильности и общеупотребительности котораго онъ получилъ несомнѣнныя свидѣтельства отъ современныхъ верховныхъ пастырей Востока и изъ письменныхъ греческихъ памятниковъ. Антиохійскій патріархъ Макарій и сущіе съ нимъ, изрекая свой „отвѣтъ“ о двуперстїи, какъ неправославномъ преданіи, основались также на томъ, что оно не согласуется несомнѣнно извѣстному имъ общему обычаю православной церкви слагать для крестнаго знаменія три перста, — обычаю, идущему „отъ начала вѣры“: „кто не творитъ крестъ тако, по преданію восточныхъ церкви, еже держа отъ начала вѣры, есть еретикъ“. И соборъ 1656 года, только по тщательномъ и долговременномъ разсмотрѣніи всѣхъ представленныхъ патріархомъ Никономъ, полученныхъ имъ отъ вселенскихъ патріарховъ, свидѣтельствъ о несомнѣнной древности, правильности и всеобщемъ употребленіи православными троеперстнаго

сложенія, произнесъ свое опредѣленіе о двуперстіи, какъ обрядъ неправославномъ, и именно на томъ основаніи, что оно не имѣетъ согласія съ содержимымъ святою восточною церковію преданіемъ.

Итакъ, первымъ основаніемъ признать въ двуперстіи неправославный обычай для лицъ, произнесшихъ о немъ такое мнѣніе, служило, по ихъ собственному указанію, несоотвѣтствіе, или противность двуперстія несомнѣнно древнему, правильному, всею православною восточною церковію употребляемому троеперстному сложенію. Новое къ тому основаніе они нашли затѣмъ и указали въ самомъ двуперстіи, какъ оно принималось и понималось тогдашними его ревнителями. Эти ревнители утверждали двуперстіе (какъ и нынѣ утверждаютъ) главнымъ образомъ на мнимо Феодоритовомъ Словѣ, напечатанномъ въ Псалтиряхъ съ возслѣдованіемъ и другихъ незадолго предъ тѣмъ изданныхъ книгахъ, такъ что двуперстіе называлось по преимуществу Феодоритовымъ преданіемъ. На него поэтому обратили особенное вниманіе и патріархъ Никонъ, и соборъ 1656 г., и патріархи Паисій и Макарій въ своихъ „правилахъ“ и „толкованіи“. Всѣ они согласно признали Слово Феодорита подложнымъ сочиненіемъ и въ самомъ своемъ содержаніи представляющимъ признаки неправославнаго происхожденія, а отсюда заключали, что и самое двуперстіе, на немъ утверждающееся, имѣетъ неправославный характеръ. Что мнимое Феодоритово Слово не принадлежитъ блаженному Феодориту, объ этомъ предположительно говорилъ и патріархъ Никонъ; а патріархи Паисій и Макарій засвидѣтельствовали это со всей рѣшительностью. Потомъ слѣды неправославнаго ученія въ самомъ содержаніи Феодоритова Слова патріархъ Никонъ раскрылъ подробно: въ томъ наставленіи мнимаго Феодорита, чтобы слагать во образъ св. Троицы первый, великій перстъ съ двумя послѣдними и малыми, онъ указывалъ слѣды аріанскаго ученія о неравенствѣ лицъ св. Троицы, а въ наставленіи слагать

особно два перста во образъ двухъ естествъ во Христвъ указывалъ слѣды несторіанскаго ученія о двухъ Сынахъ Божіихъ — по естеству и благодати, утверждая притомъ, что чрезъ это вводится четвертое лице во св. Троицу. Патріархи же Паисій и Макарій въ своихъ „правилахъ“ еще рѣшительнѣе сказали, что Θεодоритово слово есть произведеніе „нѣкоего раскольника и скрытаго еретика“, при чемъ, находя сходство заповѣданнаго въ Словѣ перстосложенія съ употребляющимся у армянъ, назвали составителя его державшимся именно арменскія ереси. Отсюда и самое сложеніе перстовъ по наставленію Θεодоритова Слова, или по преданію мнимаго Θεодорита, соборъ 1656 г. призналъ имѣющимъ аріанскій и несторіанскій характеръ, а патріархъ Макарій, по предполагаемому сходству, назвалъ крестящихся двуперстно держащимися арменской ереси.

Наконецъ, еще одно и вящее основаніе судить такъ строго о перстосложеніи по мнимому Θεодоритову преданію патріархи Никонъ, Паисій и Макарій находили и указывали въ ученіи и дѣйствіяхъ самихъ тогдашнихъ ревнителей двуперстія. Сіи ревнители возбудили изъ-за сложенія перстовъ для крестнаго знаменія горячіе споры, усвоивъ обряду значеніе догмата вѣры, и именно троеперстіе огласили великою ересію, нововводствомъ, искажающимъ православную вѣру, а въ двуперстномъ сложеніи заключали самое таинство св. Троицы и воплощенія Сына Божія. Въ виду всего этого патріархъ Никонъ именно и говорилъ, что ревнители двуперстія воздвизаютъ въ церкви прю о перстахъ, и здѣсь указалъ главную причину, побудившую его самого войти въ ближайшее и тщательнѣйшее изслѣдованіе вопроса о перстосложеніи; потомъ онъ же говорилъ, что эти ревнители двуперстія своими объ ономъ толкованіями даютъ поводъ подозрѣвать, что воплощенное Слово Божіе они считаютъ особымъ, четвертымъ во св. Троицѣ лицомъ и проповѣдуютъ Троицу четверопостасную. А патріархи Паисій

и Макарій, въ своемъ „толкованіи“, рѣшительно говорили о сихъ „суемудрыхъ“ ревнителяхъ двуперстія, что они и писали, и учили, и проповѣдывали „все таинство Божества и челоувѣчества въ перстахъ быти и яко три неравные и разные перста есть таинство св. Троицы“, почему и признали ихъ послѣдователями древнихъ еретиковъ, проповѣдовавшихъ неравенство и раздѣльность во св. Троицѣ.

Итакъ, вотъ „по какимъ причинамъ“ патриархи: Никонъ, Паисій, Макарій и прочіе, также соборъ 1656 г. произнесли мнѣніе о двуперстіи, какъ „неправославномъ преданіи“. По ихъ собственному объясненію въ тѣхъ письменныхъ памятникахъ, гдѣ выражено ими такое мнѣніе о двуперстіи, основаніемъ къ тому служили:

а) несоотвѣтствіе двуперстія несомнѣнно древнему, правильному и всею православною восточною церковію употребляемому троеперстному сложенію руки для крестнаго знаменія;

б) ближайшая внутренняя связь двуперстія съ подложнымъ сочиненіемъ, ложно приписаннымъ блаженному Теодориту, которое притомъ въ самомъ способѣ и порядкѣ сложенія перстовъ, имъ узаконяемомъ, найдено не достаточно выражающимъ православное ученіе о св. Троицѣ и воплощеніи Сына Божія;

в) дѣйствія и сужденія современныхъ имъ ревнителей двуперстія, воздвигшихъ изъ-за него прю въ церкви, поносившихъ троеперстіе всякими хулами и своими толкованіями о самомъ двуперстіи располагавшихъ видѣть въ немъ обрядъ неправославный.

2. Всѣ эти основанія были несомнѣнно правильны; но есть въ нихъ нѣчто, имѣвшее подтвержденіе своей правильности только въ обстоятельствахъ того времени и съ устраненіемъ сихъ обстоятельствъ подлежащее измѣненію и исправленію.

а) Что троеперстіе есть обрядъ древній, правильный и употребляемый всею православною восточною церковію,

какъ свидѣтельствовали современные патріарху Никону архипастыри Востока и какъ утверждалъ, основываясь на ихъ свидѣтельствѣ, самъ патріархъ Никонъ, — это несомнѣнно справедливо, и сами старообрядцы при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могутъ сдѣлать противъ этого достаточно сильныхъ возраженій. Здѣсь не у мѣста было бы входить въ разсмотрѣніе ихъ возраженій; заслуживаетъ упоминанія только одно, высказанное еще первыми расколоучителями и доселѣ повторяемое ихъ учениками, какъ представляющееся наиболѣе сильнымъ. Говорятъ, что патріархи Паисій, Макарій и прочіе святители Востока, называя троеперстіе обычаемъ, идущимъ отъ начала вѣры, отъ св. Апостоловъ и св. отецъ, не указали однакоже ни одного Апостола и св. отца, въ писаніяхъ котораго обрѣталось бы наставленіе креститься тремя перстами. Но возражатели забываютъ, что патріархъ Макарій съ прочими въ „отвѣтѣ“ своемъ патріарху Никону говорилъ не о писаніяхъ апостольскихъ и отеческихъ, но о преданіи: „преданіе пріяхомъ“; и онъ же вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, въ „толкованіи“, еще яснѣе сказалъ, что обычай слагать три перста для крестнаго знаменія принять церковію „изначала неписаннымъ преданіемъ“. Православная восточная церковь, мать церкви россійской, приняла и сохранила обрядъ троеперстія отъ начала вѣры не чрезъ писанное и, можно сказать, даже не чрезъ устное преданіе, но чрезъ преданіе живаго примѣра, дѣятельнаго наученія, непрерывною нитью идущаго отъ отцевъ и матерей къ дѣтямъ, отъ учителей вѣры къ ученикамъ ихъ: непрерывность и всеобщность употребленія троеперстія въ православной церкви служитъ непререкаемымъ доказательствомъ и его древности, и совершенной его правильности. Для патріарха Никона свидѣтельства объ этомъ, полученныя отъ восточныхъ архипастырей, имѣли тѣмъ больше несомнѣнности и убѣдительности, что подтвержденіе имъ онъ находилъ, какъ мы говорили уже, и въ самой русской церкви, сохранившей осязательныя, живыя свидѣ-

тельства того, что и она, какъ вѣрная дочь церкви восточной, издревле употребляла троеперстное сложеніе: ибо онъ самъ видѣлъ, что большая половина русскаго народа, именно всѣ простолюдины и изъ числа непростолюдиновъ— престарѣлые люди и женщины, продолжали еще, „по древнему обычаю“, креститься троеперстно, на что и указалъ въ своемъ „отвѣщательномъ словѣ“, читанномъ предъ соборомъ русскихъ пастырей¹⁾, которые съ своей стороны не только не возразили противъ этого указанія (что не преминули бы сдѣлать, если бъ оно было несправедливо), но подтвердили его и внесли въ число основанийъ для своего опредѣленія о перстосложеніи²⁾, равно какъ подтвердили потомъ и соборы 1666 и 1667 гг. Если же троеперстіе справедливо признано было обрядомъ древнимъ, правильнымъ и общепринятымъ въ православной восточной церкви: то въ отступленіи отъ сего обряда, и не только отступленіи, но даже въ отрицаніи и порицаніи его, такъ же справедливо было находить основаніе къ тому, чтобы подозрѣвать здѣсь отступленіе отъ самого православія, отъ православной церкви, и въ самомъ обрядѣ, который принимался и выставлялся какъ отрицаніе обряда общеправославнаго, несомнѣнно древняго и истиннаго, справедливо было подозрѣвать характеръ неправославный. Въ отношеніи къ двуперстію, принятому и выставленному расколоучителями именно какъ отрицаніе троеперстія, это подозрѣніе дѣлали вполне достовѣрнымъ

1) Вотъ подлинныя слова п. Никона: „прежде того (т.-е. прежде внесенія Феодоритова Слова въ печатныя книги) вси (у насъ) тремя первыми персты изображаю (крестное знаменіе) во образъ св. Троицы: якоже и нынѣ многихъ еще видѣти есть, елицы не вѣдаютъ Феодоритова Слова, якоже въ простыхъ мужехъ, и во всѣхъ женахъ, отъ древняго обычая держащихъ“. *Скриж.* Слово отвѣщ. л. 2.

2) „Къ тому же и отъ содержащагося еще древняго обычая... яко первыми великими персты изображаю на лицѣ своемъ образъ креста, якоже и нынѣ многихъ видѣти есть, иже не вѣдаютъ Феодоритова Слова, изгласихомъ“... Тамъ же л. 13.

б) подложность, равно какъ и самое содержаніе Θεодоритова Слова, на которомъ оно главнымъ образомъ утверждалось, и особенно в) дѣйствія и сужденія тогдашнихъ его защитниковъ и ревнителей.

б) Подложность такъ называемаго Θεодоритова Слова также вполне справедливо заподозрѣна была патріархомъ Никономъ и потомъ рѣшительно объявлена патріархами Паисіемъ и Макаріемъ. Археологическія разысканія позднѣйшаго времени вполне подтвердили справедливость ихъ отзыва объ этомъ сочиненіи: они показали именно, что Θεодоритово Слово есть произведеніе неизвѣстнаго русскаго писателя, что въ своей первоначальной или древнѣйшей редакціи оно содержало наставленіе о троеперстномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія, и уже впоследствии кѣмъ-то изъ неразумныхъ ревнителей двуперстія искажено дополненіями, сдѣланными съ худо скрытымъ намѣреніемъ измѣнить его въ наставленіе о двуперстіи. А несомнѣнная подложность сочиненія, на которомъ утверждался главнымъ образомъ обрядъ двуперстія, давала вполне законное основаніе не только усумниться въ православіи неизвѣстнаго сочинителя, дерзновенно прикрывшагося или прикрытаго именемъ блаженнаго Θεодорита, но и утвердиться еще болѣе въ мысли о неправославномъ характерѣ употребляемаго по его наставленію двуперстія, которое своимъ несоотвѣтствіемъ общецерковному, древнему и несомнѣнно православному перстосложенію располагало уже такъ думать о немъ. Потомъ и самое содержаніе Θεодоритова Слова, въ той благопріятствующей двуперстію редакціи, которая принята была и горячо защищалась современными расколуучителями, давало въ свою очередь достаточное также основаніе утвердиться въ такой мысли о двуперстіи. Въ томъ наставленіи мнимаго Θεодорита, чтобы слагать во образъ св. Троицы три неравные (большой и два меньшихъ) и раздѣленные, не по порядку слѣдующіе (первый, четвертый и пятый) перста, патріархи Никонъ, Паисій и Макарій

справедливо находили основаніе указывать слѣды неправославнаго ученія о неравенствѣ и раздѣленіи въ упостасяхъ св. Троицы; а въ наставленіи слагать особно два перста во образъ двухъ естествъ во Христѣ — слѣды неправославнаго ученія о двухъ Сынахъ, и о четвертомъ лицѣ во св. Троицѣ. Впрочемъ для того, чтобы такъ именно разумѣть наставленіе мнимаго Θεодорита о сложеніи перстовъ, чтобы видѣть и указывать въ уставленномъ отъ него перстосложеніи слѣды аріанскаго, несторіанскаго и арменскаго ученій, наиболѣе сильное и вѣрное основаніе имѣли они въ дѣйствіяхъ и мнѣніяхъ современныхъ имъ ревнителей двуперстія, явившихся первыми расколоучителями.

в) Патріархи Никонъ, Паисій и Макарій засвидѣтельствовали, что современные имъ ревнители двуперстія „воздвигли прю“, возбудили споры о перстосложеніи, и въ этихъ спорахъ троеперстіе поносили великими хулами и о самомъ двуперстіи учили неправославно. Свидѣтельство это вполне справедливо, ибо подтверждается современными историческими памятниками. То обстоятельство, что протопопы Аввакумъ и Даниилъ еще въ 1653 году подали царю Алексію Михайловичу челобитную „о сложеніи персть“, служить яснымъ указаніемъ, какъ рано и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ рѣшительно выступили первые расколоучители съ своими препирательствами за двуперстіе. А что говорили, проповѣдовали и писали они во время этихъ препирательствъ, и прежде всего, какія хуленія изрыгали на троеперстное сложеніе, — непререкаемымъ и печальнымъ памятникомъ этого служатъ сохранившіяся доселѣ ихъ собственныя сочиненія. Мы не станемъ оскорблять слухъ и чувство православныхъ читателей тѣми возмутительно-гнустными хулами и ругательствами на православное перстосложеніе, какія постоянно встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Аввакума и нѣкоторыхъ другихъ, подобныхъ ему, первоучителей раскола; достаточно привести болѣе спокойное и вмѣстѣ довольно полное

изложеніе раскольническихъ мнѣній о троеперстїи, сдѣланное въ челобитной одного изъ Аввакумовыхъ сотрудниковъ — инока Аврамїа, чтобы дать понятіе о томъ, что дѣйствительно писали и проповѣдовали о православномъ перстосложенїи современные патріарху Никону расколочители. Крестьящійся тремя перстами, — пишетъ онъ, „отмѣтникъ есть Христовъ, не исповѣдаяй Христа, воплотившагося насъ ради, совершенна Бога и совершенна человѣка въ сложенїи своемъ по церковному преданїю, и есть таковой богострастникъ и еретикъ, Троицу на крестѣ пригвождая, арменинъ, и Фармоса папы еретика ученикъ, и со Евтихіемъ и Діоскоромъ, отматающими вочеловѣченїе Сына Божїа, единомудренъ, едину волю во Христвъ Бозѣ нашемъ блядословящимъ, Сергію и Павлу и Пиру еретикомъ единовѣренъ и отъ всѣхъ св. отецъ проклятъ“¹⁾. И еще: „Кто тремя персты крестится, щепотью, таковой богострастникъ есть, и чюжь вѣры во Христа Ісуса, и врагъ креста Христова, и отметатель воплощенїа Христова. То мудрованїе, въ трехъ перстахъ сокровенное, арменское, и Фармоса папы еретика, и прелукаваго Афеса, и злокозненнаго Никона, и прочихъ еретикъ. И якоже древле (сатана) скрився во змію, и Адама прельсти и изгна изъ рая: тако и нынѣ во своя ему скрився, въ три простыя перста. Намъ же не буди того прїяти льстиваго и прелукаваго бѣса, скрившагося въ три персты. Аще ли кто сего прїиметь и вознесеть его на главу свою, и будетъ на немъ печать звѣрина“²⁾. Люди, такъ говорившіе, проповѣдывавшіе и писавшіе о древнемъ, истинномъ и всею православною церковїю употребляемомъ перстосложенїи, находившіе въ немъ всяческія ереси, называвшіе его даже печатью антихриста и печатью сатаны, такими своими дѣйствїями и

1) Ркп. Хлуд. библ. въ 8-ю д. л. (не вошедшая въ Каталогъ) л. 65 об. — 66.

2) Тамъ же, л. 118 об. — 119.

ученіями давали вполнѣ законное основаніе современнымъ православнымъ пастырямъ признавать ихъ самихъ отступниками православія, врагами церкви, и въ самомъ перстосложеніи, которое они употребляли вмѣсто несомнѣннаго древняго, истиннаго, всею православною церковію содержимаго, и на защиту котораго ополчились съ такимъ безумнымъ ожесточеніемъ, видѣть съ полною увѣренностью и основательностью слѣды неправославныхъ ученій. Ихъ собственныя мнѣнія о двуперстіи давали къ тому еще новыя, вполнѣ твердыя основанія. Патріархъ Никонъ говорилъ, что современные ему ревнители двуперстія возбуждали симъ перстосложеніемъ мысль о четвертомъ лицѣ во св. Троицѣ, проповѣдовали Троицу четверопостасную, — и это вполнѣ подтверждается достовѣрными извѣстіями о нѣкоторыхъ расколоучителяхъ того времени: объ Аввакумѣ и Лазарѣ другъ и союзникъ ихъ дьяконъ Ѳедоръ пишетъ, что они именно проповѣдовали Троицу четверопостасную. Въ посланіи къ своему сыну онъ говоритъ: „Протопопъ Аввакумъ и попъ Лазаръ начали Троицу на трехъ престолѣхъ исповѣдовати... и Христа четверта Бога глаголють быти и на четвертомъ престолѣ сѣдяща... Лазаръ попъ часто, пряся со мною, вопить, глаголя: Троица рядкомъ сидитъ, — Сынъ одесную, а Духъ Святой ошуюю Отца на небеси, на разныхъ престолѣхъ, а Христосъ на четвертомъ престолѣ особномъ сѣдитъ предъ Отцемъ небеснымъ. И Аввакумъ отъ него пріялъ той злой толкъ, еже четверити Троицу трисвятую“¹⁾. Столь же справедливо, безъ сомнѣнія, говорили и патріархи Паисій и Макарій о современныхъ имъ ревнителяхъ двуперстія, что они въ перстахъ, извѣстнымъ образомъ сложенныхъ, заключали самое таинство божества и челоуѣчества, — „глаголаша, яко три персты (первый и два послѣднихъ) есть таинство св. Троицы“, т.-е. что они своему перстосложенію усвоили значеніе не только обряда, служащаго

1) Матеріалы для ист. раск. т. VI, стр. 96, 107—108.

къ означенію извѣстнаго догматическаго ученія, но значеніе самаго догмата вѣры въ извѣстныхъ перстахъ и извѣстнымъ образомъ сложенныхъ заключали самое таинство св. Троицы и воплощенія Сына Божія¹⁾). Самая ожесточенность, съ какою выступили на защиту двуперстія тогдашніе его ревнители, ясно показываетъ, что они держались именно такихъ, противныхъ православію, воззрѣній на обрядъ перстосложенія. Зная все это, — видя, слыша и читая, — имѣя дѣло съ такими лжеучителями и столь ожесточенными хулителями православнаго обряда, патріархи Никонъ, Паисій и Макарій и прочіе архипастыри имѣли законныя, „правильныя“ основанія, признать ихъ отступниками православія и указывать слѣды неправославія въ самомъ перстосложеніи, которое они употребляли вмѣсто отвергнутаго и похуленнаго ими древняго, истиннаго, всею православною церковію содержимаго, и которое однакоже главнымъ образомъ утверждали на подложномъ и по своему содержанію крайне сомнительномъ сочиненіи.

Итакъ, патріархи Никонъ, Паисій, Макарій и прочіе архипастыри имѣли въ свое время вполнѣ законныя и „правильныя“ основанія, или „причины“ признать двуперстіе „неправославнымъ преданіемъ“, а потому и поступили тогда правильно, признавъ его таковымъ. Если, далѣе, мы будемъ судить объ этихъ основаніяхъ независимо отъ обстоятельствъ времени, при которыхъ они были высказаны, внѣ всякой съ ними связи, то найдемъ, что

1) Въ отличіе отъ такого неправильнаго и неправославнаго воззрѣнія на перстосложеніе, распространявшагося расколуучителями (*писаша и научиша и сказаша*), патріархи Паисій и Макарій устанавливаютъ здѣсь же, въ своемъ „толкованіи“, такое правильное понятіе о сложеніи перстовъ: мы слагаемъ три персты, „не яко хоцемъ въ сихъ трехъ перстахъ показати божество, якоже блядословниша нѣдци, — не буди! — но токмо число покажемъ Троицы и единицы: три перста за Троицу, совокупленіе же перстовъ ради единицы, сирѣчь яко Богъ въ Троицѣ и во единицѣ“ (л. 31 об.).

и теперь, по минованіи тѣхъ обстоятельствъ, указанные основанія сохраняютъ вполнѣ свою правильность и лишь одно изъ нихъ, получившее свою силу въ обстоятельствахъ того времени (именно то, что сами ревнители ~~двуперстія~~ соединяютъ съ симъ перстосложеніемъ неправославныя мудрованія о св. Троицѣ и воплотившемся Словѣ Божіемъ) должно быть устранено теперь, какъ утратившее свою правильность.

Что обрядъ троеперстія есть древній, правильный и содержимый всею православною церковію, и что тѣ, которые намѣренно, съ явнымъ противленіемъ общепринятому въ церкви обычаю, отступаютъ отъ сего обряда, отрицаютъ его древность, правильность, общеупотребительность, и именно въ знакъ этого отрицанія и въ знакъ противленія церкви приняли въ исключительное употребленіе иной обрядъ, — что таковыя совершаютъ дѣйствіе, противное православію или церкви православной, — это остается и останется непререкаемою истиною.

Что именуемое Θεодоритово Слово есть подложное сочиненіе, принадлежащее какому-то русскому сочинителю и несправедливо усвоенное блаженному Θεодориту, а въ позднѣйшей своей редакціи искаженное какимъ-либо „лжесловесникомъ“, ревновавшимъ о двуперстіи, — это остается также истиною, достаточно доказанною.

Что въ несомнѣнно древнемъ, истинномъ и всею православною церковію содержимомъ перстосложеніи находить всевозможныя ереси, обносить его тяжкими хуленіями, наконецъ видѣть въ немъ печать антихриста и знаменіе сатаны (какъ проповѣдывали и писали первые расколоучители и какъ доселѣ учатъ въ большинствѣ своемъ глаголемые старообрядцы) ¹⁾, значить тяжело оскорблять православіе, хулить православную церковь, — и это остается и останется несомнѣнною истиною.

¹⁾ Подтверженіе того, что не только безпоповцы, но даже и противуокружники продолжаютъ считать троеперстіе печатію сатаны, см. въ недавней бесѣдѣ Я. Королева съ представителемъ

Что обрядъ перстосложенія (троеперстнаго или двуперстнаго) есть именно обрядъ, а не догматъ вѣры, что отождествлять его съ догматомъ, и именно въ тѣхъ, а не другихъ перстахъ, въ томъ, а не иномъ ихъ сложении заключать самое таинство вѣры, значить дѣйствовать и учить противно православію, — и это остается и останется истиною, подлежащею сомнѣнію.

Даже и то, наконецъ, что тремя неравными (большимъ и двумя меньшими) и раздѣленными, не по порядку слѣдующими (первымъ, четвертымъ и пятымъ) перстами менѣе удобно, нежели тремя равными и по порядку слѣдующими, изображать ученіе о равенствѣ и нераздѣльности лицъ св. Троицы, — и это остается и останется для всѣхъ очевидною истиною.

Но если патріархи Никонъ и Макарій и прочіе архипастыри, кромѣ всего этого, находили еще въ самыхъ толкованіяхъ современныхъ расколоучителей о двуперстіи основаніе признать его обрядомъ неправославнымъ, и, по преимуществу основываясь на этихъ толкованіяхъ, именно указывали въ немъ слѣды аріанскаго, несторіанскаго и арменскаго ученій, то послѣдующіе и даже ближайшаго къ нимъ времени защитники двуперстія, со всею рѣшительностью отрицали всякую связь его съ указанными лжеученіями и убѣдительно доказывали, что соединяютъ съ своимъ перстосложеніемъ православное ученіе о св. Троицѣ и воплощеніи Сына Божія. Принимая во вниманіе рѣшительность и искренность такихъ заявленій, нельзя уже болѣе утверждать, что крестящіеся двуперстно соединяютъ съ симъ перстосложеніемъ неправославныя понятія, а потому и самое двуперстіе, какъ обрядъ, служащій только къ выраженію того или инаго ученія, хотя обрядъ и менѣе совершенный, или правильный, не-

подмосковныхъ противоокружниковъ — Тарабантовымъ, который имѣлъ дерзость такъ именно выразиться о троеперстіи, и тѣмъ заслужилъ одобреніе присутствовавшихъ противоокружниковъ (См. *Брат. Сл.* 1884 г. т. II, стр. 375).

жели троеперстіе, нельзя уже считать неправильнымъ по самому, такъ сказать, существу его. Такимъ образомъ изъ современныхъ обстоятельствъ и именно изъ толковъ современныхъ расколоучителей заимствованное патріархами Никономъ, Макаріемъ и прочими архипастырями основаніе находить въ двуперстіи слѣды еретическихъ мнѣній, съ устраненіемъ сихъ обстоятельствъ должно быть устранено, а съ тѣмъ вмѣстѣ устранится основаніе и для отзыва о двуперстіи, основаннаго на тѣхъ обстоятельствахъ.

Когда двуперстіе, утверждаемое по преимуществу на подложномъ сочиненіи, употребляется какъ прямое, намѣренное отрицаніе древняго, правильнаго, всею православною церквію содержимаго перстосложенія, и притомъ еще съ тяжкими на сіе послѣднее хуленіями и клеветами, когда оно почитается неприкосновеннымъ догматомъ вѣры: тогда, именно въ такомъ значеніи употребляемое (въ какомъ и употребляютъ его глаголемые старообрядцы) вполне справедливо признавалось оно, признается и должно быть признаваемо имѣющимъ неправославный характеръ; но независимо отъ этого, само въ себѣ, какъ обрядъ, извѣстнымъ способомъ сложенія перстовъ служащій къ выраженію православнаго ученія о св. Троицѣ и воплощеніи Сына Божія, порицанію въ неправославіи оно не подлежитъ и подлежать не можетъ.

Такое именно возрѣніе на обрядъ двуперстія православная церковь выразила еще на соборахъ 1666 и 1667 г. Хотя присутствовали здѣсь патріархъ Макарій и митрополитъ Григорій, въ своемъ „отвѣтѣ“ патріарху Никону такъ рѣшительно осудившіе двуперстіе, хотя присутствовали и нѣкоторые изъ россійскихъ архіереевъ, бывшіе на соборѣ 1656 г., также рѣзко осудившемъ двуперстіе, но, какъ надобно полагать, въ виду сдѣланныхъ уже къ тому времени раскольниками заявленій, что они не соединяютъ съ своимъ перстосложеніемъ никакихъ еретическихъ понятій, ни тотъ ни другой соборъ не объявилъ двуперстіе само по себѣ обрядомъ непра-

вославленнымъ и употребляющихъ двуперстіе не предаль осужденію собственно за его употребленіе. Признавъ исправленный обрядъ перстосложенія, т.-е. троеперстіе, право-исправленнымъ (какъ и всѣ вообще соборнѣ исправленные чины и обряды), заповѣдавъ принять его, какъ право-исправленный, въ церковное употребленіе (вмѣстѣ со всѣми чинами и обрядами) ¹⁾, предавъ строгому осужденію тѣхъ, кто будетъ „не покоряться“ сему соборному опредѣленію, т.-е. не будетъ считать обрядъ троеперстнаго сложенія (какъ и всѣ прочіе исправленные чины и обряды) право-исправленнымъ, издревле всюю православною церковію употребляемымъ, напротивъ будетъ почитать его (какъ и прочіе исправленные чины и обряды) неправо исправленнымъ, новымъ, еретическимъ, даже поносить тяжкими хулами, называть печатію антихриста, и потому будетъ считать не возможнымъ допустить его въ церковное употребленіе, — изложивъ и опредѣливъ все это, соборъ 1667 г., какъ прежде и соборъ 1666 г., не произнесъ однакоже на самый обрядъ двуперстія (какъ и вообще на такъ называемые старые чины и обряды) никакого пореченія, не назвалъ неправославнымъ или еретическимъ и не изрекъ безусловнаго запрещенія употреблять его, какъ несомнѣнно явствуетъ сіе изъ подлинныхъ актовъ, изданныхъ тѣмъ и другимъ соборомъ (2-го іюня 1666 г. и 13-го мая 1667 г.) и положенныхъ въ дому Пресвятыя Богородицы, честнаго ея успенія, „въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе“ ²⁾.

1) Вотъ какъ именно соборъ 1667 г. изложилъ свое опредѣленіе о перстосложеніи: „И знаменіе честнаго и животворящаго креста творити на себѣ тремя первыми персты десныя руки... по предаію св. Апостоль и святыхъ отецъ. Тако бо имуть вси народи христіанстін, мнози язцы, иже суть въ православіи, отъ востока и до запада, предаіе издревле, и донынѣ неизмѣнно держать, якоже и нынѣ видится и въ Россіи, яко мужіе поселяне неизмѣнно, изъ древняго обычая, знаменуются тремя первыми персты“. *Кн. соб. дѣян.* л. 6, втораго счета.

2) Здѣсь нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что въ своихъ „правилахъ“, вошедшихъ въ составъ „Книги собор-

То же самое возрѣніе на двуперстіе православная церковь выразила и въ учрежденіи Единовѣрія, дозволивъ единовѣрцамъ употреблять его, какъ обрядъ, который самъ въ себѣ не заключаетъ что-либо противное православію и удобно можетъ быть дозволенъ къ употребленію, если будетъ употребляемъ (какъ и должны употреблять его единовѣрцы) не въ отрицаніе, тѣмъ паче не въ порицаніе и похуленіе троеперстія, слѣдовательно не въ противленіе постановленію собора 1667 г. Мы уже доказали (отвѣчая на первый и второй вопросы), что единовѣрцы не суть „непокорники“ и „противники“ опредѣленій большаго Московскаго собора. О перстосложеніи (какъ и

ныхъ дѣяній 1667 г. патріархи Пасіи и Макарій подтвердили напечатанную въ скрижали „епистолю“ Константинопольскаго патріарха Пасіа, т.-е. соборную грамоту его къ патріарху Никону, въ которой содержится между прочимъ наставленіе не быть слишкомъ строгимъ къ различіямъ въ обрядѣ, „въ вещехъ, яже не суть собственная и существительная и составы вѣры“ (Скр. л. 703), „якоже отъ нашего брата, святѣйшаго Пасіа патріарха и отъ того вященнаго собора писано есть (въ епистоли), тако и мы согласно повелѣваемъ и утверждаемъ“ (Пр. 26, *Кн. дѣян.* л. 16). „Отвѣтъ“ же самого Макарія, п. Никону, по смыслу своему не соответствующій изложенному въ „епистоли“ наставленію, не нашли нужнымъ подтвердить, хотя онъ также напечатанъ въ Скрижали. Если бы и послѣ собора 1667 г. патріархъ Макарій признавалъ „отвѣтъ“ свой имѣющимъ полную силу и достойнымъ подтвержденія во всей его полнотѣ, то онъ, вмѣстѣ съ патріархомъ Пасіемъ, не преминулъ бы, конечно, подтвердить его, какъ и посланіе патріарха Константинопольскаго; а поелику они этого не сдѣлали, то очевидно, „Отвѣтъ“ сей не считали безусловно и во всей полнотѣ его правильнымъ. И напротивъ, то самое, что они подтвердили „епистолю“ патріарха Константинопольскаго, требующую полагать различіе между догматомъ, или „составомъ“ вѣры и обрядомъ, и къ различію въ обрядѣ не относиться со всею строгостію, — это самое показываетъ, что соборъ 1667 г. не находилъ требующимъ безусловнаго воспрещенія и не воспретилъ дѣйствительно употребленіе обряда, хотя бы и не согласнаго общепринятому въ православной церкви, но по существу своему не противнаго православному ученію вѣры (каково именно двуперстіе само въ себѣ).

о всѣхъ прочихъ обрядахъ), согласно симъ опредѣленіямъ, они разумѣютъ (по крайней мѣрѣ должны разумѣть по идеѣ Единовѣрія), что троеперстіе есть несомнѣнно древній, правильный и всею православною церковію содержимый обрядъ, и что вполне справедливо соборъ 1667 г. сдѣлалъ его употребленіе для всѣхъ обязательнымъ: людямъ, имѣющимъ такое понятіе о троеперстіи и такъ послушно принимающимъ соборное опредѣленіе, церковь снисходительно дозволяетъ, по ихъ желанію и просьбѣ, употребленіе и двуперстія, какъ обряда, не заключающаго въ самомъ себѣ что-либо противное православію, какъ признаннаго таковымъ и не воспрещеннаго безусловно самимъ соборомъ 1667 года.

Тотъ же взглядъ на двуперстіе выразилъ Святѣйшій Синодъ православной російской церкви и въ томъ случаѣ, когда, на основаніи „долгимъ временемъ дознанной“ увѣренности, что старообрядцы не соединяютъ съ симъ перстосложеніемъ какихъ-либо неправославныхъ мудрованій, исключилъ изъ предисловія къ Псалтири содержавшіеся здѣсь порицательные о немъ отзывы, составленные нѣкогда подъ вліяніемъ раскольническихъ хуленій на троеперстіе. Этимъ самымъ Святѣйшій Синодъ засвидѣтельствовалъ и то, что православная церковь не признаетъ правильными подобнаго рода порицанія на двуперстіе, встрѣчающіяся и въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола, принадлежація именно писателямъ сихъ сочиненій и вызванныя также тяжкими, возмутительными хуленіями раскольниковъ на употребляемое православною церковію перстосложеніе.

Такое же возрѣніе на обрядъ двуперстнаго сложенія выразилъ, еще прежде исправленія предисловія къ Псалтири, потрудившійся надъ симъ исправленіемъ великій учитель церкви русской митрополитъ Филаретъ въ своихъ „Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу“. Онъ говоритъ: „Когда ревнители мнимой старины упорно стали за перстосложеніе двуперстное противъ троеперстнаго,

принятаго издревле въ знаменіе Пресвятыя Троицы, тогда настояло опасеніе и подозрѣніе, не есть ли, или не окажется ли двуперстное знаменіе выраженіемъ какого-либо новаго неправаго ученія о Божествѣ: и потому предосторожность требовала употребить сильную мѣру, чтобы пресѣчь неправильное и не допустить распространяться злу... Потомъ опытъ показалъ, что старообрядцы отъ православнаго ученія о Пресвятой Троицѣ и о воплощеніи Сына Божія, не отпали, и что въ крестномъ знаменіи образуютъ таинство Пресвятыя Троицы и воплощенія Сына Божія, какъ и православная церковь, только не такимъ расположеніемъ перстовъ, какое она издревле употребляетъ. Измѣненіе знаменія перестало быть важнымъ, когда оказалось, что существо таинствъ сохранено“ (Изд. 6-е, стр. 117—118). И въ другомъ мѣстѣ: „святая церковь говоритъ тебѣ: вѣруй православно въ таинство Пресвятыя Троицы и Богочеловѣка Іисуса: изображай сію вѣру знаменіемъ привычнымъ, доколѣ научишься изображать ее знаменіемъ достовѣрно древнимъ: только не будь якоже язычникъ и мытарь, не преслушай церкви, не подвергни себя суду Слова Божія“ (стр. 188).

3—4. Теперъ ясенъ отвѣтъ и на остальные два вопроса: по какимъ причинамъ и правильно ли патріархъ Макарій съ сущими при немъ и соборъ 1656 г. произнесли проклятіе на крестящихся двуперстно?

Патріархъ Макарій въ своемъ „отвѣтѣ“ патріарху Никону, подтвержденномъ и тремя другими архипастырями Востока, дѣйствительно писалъ въ заключеніе: „кто отъ православныхъ не творитъ крестъ тако (треми первыми персты) по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала православныя вѣры даже дондесъ, есть еретикъ и подражатель арменовъ: и сего ради имамы его отлучена отъ Отца, Сына и Св. Духа, и проклята“. Онъ же патріархъ Макарій и съ тѣми же архипастырями вскорѣ послѣ того, въ Успенскомъ соборѣ, въ недѣлю православія, торжественно провозгласилъ: „иже кто по Θεодоритову

писанію и ложному преданію творить, той проклятъ есть¹⁾. Потомъ и соборъ 1656 года, изложивъ основанія, почему двуперстіе признаеть обрядомъ неправославнымъ, „изрекъ правило о семъ сице: аще кто отселѣ въѣдый не повинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле святая восточная церковь пріяла есть, и якоже нынѣ четыре вселенстіи патріарси со всѣми сущими подъ ними христіаны, повсюду вселенныя обрѣтающимся, имѣють, и якоже здѣ прежде православніи содержаша до печатанія Слова Феодоритова во Псалтырехъ со возслѣдованіемъ московскія печати, еже трети первыми великими персты десныя руки изображати во образъ святыхъ и единосущныхъ и нераздѣльныхъ и равнопоклоняемыхъ Троицы, но имать творити сіе непріятное церкви, еже соединя два малые персты съ великимъ палцемъ, въ нихже неравенство св. Троицы извѣщается, и два великосредняя простерта суца, въ нихже заключати два Сына и два состава по Несторіевѣ ереси, якоже прежде рекохомъ, или инако изображати крестъ, сего имамы, послѣдующе святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ помѣстныхъ правиломъ, и святыхъ восточныхъ церкве четверемъ вселенскимъ патріархомъ, всячески отлучена отъ церкви и съ писаніемъ Феодоритовымъ“²⁾.

Вотъ подлинныя слова произнесенной патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г. клятвы на крестящихся двуперстно. Изъ нихъ явствуетъ, что для того и для другаго „причинами“ или основаніями къ произнесенію сей клятвы послужили: признаніе двуперстія отступленіемъ отъ содержимаго всею православною церковію древняго и несомнѣнно правильнаго обряда и замѣченные въ немъ признаки или слѣды неправославнаго ученія о св. Троицѣ и воплотившемся Сынѣ Божіемъ. Поелику двуперстіе несогласно преданію восточныхъ церкви и имѣеть признаки арменскаго обычая, сего ради, говорилъ патріархъ Ма-

1) Скриж. Слово отвѣщ. л. 12 об. 2) Тамъ же л. 15 об. — 16 об.

карій, всякій употребляющій такое перстосложеніе отлучается и проклиняется. Соборъ же 1656 г. съ особенною ясностію и опредѣленностію указаль, что подвергаетъ проклятію крестящихся двуперстно потому именно, что они не послѣдуютъ издревле повсюду существующему въ православной восточной церкви и въ самой церкви російской обычаю креститься троеперстно, но творять противное, „непріятное“ церкви, и что своимъ перстосложеніемъ неправославно изображаютъ ученіе о св. Троицѣ и воплотившемся Сынѣ Божіемъ. Словомъ, „причины“ или основанія къ произнесенію клятвы на крестящихся двуперстно, по объясненію самихъ произнесшихъ оную, были тѣ же самыя, какія прежде указаны ими къ признанію двуперстія неправославнымъ преданіемъ, о чемъ соборъ 1656 г. даже прямо упомянулъ въ словахъ: „якоже прежде рѣхомъ“.

Проклятіе произнесено на крестящихся двуперстно потому, что двуперстіе, по изложеннымъ выше основаніямъ, или „причинамъ“, было признано неправославнымъ преданіемъ. Поелику же эти основанія или „причины“, какъ мы показали выше, для своего времени и въ отношеніи къ лицамъ, которыя по преимуществу имѣлись притомъ въ виду, были вполне правильны: то и самое произнесеніе клятвы для своего времени и въ отношеніе къ извѣстнымъ лицамъ было также правильно. Кто и теперь употребляетъ двуперстіе въ явное противленіе церкви, въ знакъ отрицанія правильности содержимаго церковію обряда, въ порицаніе и хулу на сей обрядъ, почитая притомъ двуперстіе неизмѣняемымъ догматомъ вѣры, — въ отношеніи къ такимъ лицамъ произнесенное патриархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г. проклятіе и теперь сохраняетъ свою правильность и силу, будучи въ этомъ смыслѣ подтверждено и соборомъ 1667 года. Равнымъ образомъ, если бъ нашлись теперь и такіе въ числѣ крестящихся двуперстно, которые соединяли бы съ симъ перстосложеніемъ не только понятіе догмата вѣры, но и уче-

нія о св. Троицѣ и воплотившемся Сынѣ Божіемъ несогласныя православной вѣрѣ, то въ отношеніи къ такимъ произнесенная патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г. клятва и теперь оставалась бы также правильною и законною. Но такъ какъ это основаніе къ признанію двуперстія неправославнымъ преданіемъ (т.-е. соединеніе съ нимъ неправославныхъ ученій), заимствованное патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г. собственно изъ современныхъ обстоятельствъ, изъ дѣйствій и проповѣди тогдашнихъ ревнителѣй двуперстія, съ минованіемъ сихъ обстоятельствъ, когда выяснилось, что крестящіеся двуперстно не соединяють съ симъ перстосложеніемъ неправославныхъ понятій, утратило свою правильность и силу: то и самое проклятiе противъ крестящихся двуперстно, въ томъ своемъ значеніи, которое утверждалось собственно на этомъ основаніи, т.-е. въ значеніи клятвы на всѣхъ вообще крестящихся двуперстно, какъ соединяющихъ якобы съ симъ перстосложеніемъ неправославныя ученія, тоже утратило свою правильность и силу. Посему-то соборъ 1667 года, на которомъ предсѣдательствовалъ и патріархъ Макарій, а въ числѣ присутствовавшихъ находились и нѣкоторые изъ русскихъ пастырей, бывшихъ на соборѣ 1656 года, предавъ проклятiю тѣхъ „непокорниковъ“, которые, въ противность его опредѣленію, будутъ считать троеперстіе (какъ и прочіе новоисправленные чины и обряды) неправо-исправленнымъ, еретическимъ и недостойнымъ къ употребленію, тѣмъ паче поносить его и хулить, въ знакъ же такого противленія церкви и такихъ хуленій на содержимый ею обрядъ перстосложенія будутъ употреблять въ значеніи обряда, исключительно достойнаго къ употребленію, двуперстіе, и, симъ произнесеніемъ клятвы подтвердивъ произнесенную прежде патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г. въ томъ, въ чемъ она заслуживала подтвержденія, не осудилъ однако самый обрядъ двуперстія, какъ не содержащій по существу своему чего-либо неправославнаго, и не

произнесъ проклятiя вообще и безусловно на всѣхъ крестящихся двуперстно, въ той формѣ или въ тѣхъ выраженiяхъ, какъ произнесли его патрiархъ Макарiй и соборъ 1656 года. Таковымъ дѣйствiемъ Московскiй соборъ 1667 г., какъ великiй и большiй прежде бывшихъ, отмѣнилъ клятву патрiарха Макарiя и собора 1656 г. въ томъ, въ чемъ она подлежала отмѣненiю съ минованиемъ обстоятельствъ времени, которыми условленъ былъ первоначальный ея смыслъ, — отмѣнилъ ее въ значенiи клятвы, безусловно простирающейся на всѣхъ крестящихся двуперстно.

Изложимъ теперь нашъ пространный отвѣтъ на четвертый вопросъ въ краткихъ и по возможности точныхъ выраженiяхъ.

Патрiархи Никонъ Московскiй, Паисiй Александрiйскiй и Макарiй Антиохiйскiй съ другими восточными и росси́йскими пастырями признали обрядъ двуперстнаго сложения руки для крестнаго знаменiя неправославнымъ преданиемъ потому, что видѣли въ немъ отступленiе отъ несомнѣнно древняго, правильнаго и всею православною церковiю употребляемаго перстосложенiя; потому, что онъ утверждался главнымъ образомъ на подложномъ сочиненiи, несправедливо приписанномъ блаженному Теодориту; потому, что тогдашнiе ревнителi двуперстiя своими крайне враждебными отношенiями къ троеперстiю, которое поносили нестерпимыми хуленiями, и своими толкованiями о самомъ двуперстiи, которому усвоили значенiе неизмѣняемаго догмата вѣры, заключивъ въ персты, извѣстнымъ способомъ сложенные, самое таинство св. Троицы и воплощенiя Сына Божiя, — такими своими дѣйствiями и толкованiями давали основанiе находить въ семъ перстосложенiи слѣды неправославiя.

И такъ какъ всѣ сiи „причины“ или основанiя къ признанию двуперстiя неправославнымъ преданиемъ были вполне правильны для своего времени и въ отношенiи къ лицамъ,

ратовавшимъ за двуперстіе, какъ за догматъ вѣры, даже до обвиненія православной церкви, употребляющей троеперстіе, въ поврежденіи ересями: то и признаніе двуперстія неправославнымъ преданіемъ было для своего времени и въ отношеніи къ такимъ ревнителямъ также вполне правильно. Будучи разсматриваемо безъ отношенія къ симъ обстоятельствамъ времени, частію уже миновавшимъ теперь, оно утрачиваетъ нѣкоторую долю своей правильности, — и именно нельзя назвать двуперстія само по себѣ, или по самому существу своему, обрядомъ неправославнымъ: ибо въ послѣдствіи выяснилось, что оно не служить и не употребляется къ выраженію какихъ-либо неправославныхъ мудрованій (почему и дозволено къ употребленію единовѣрцамъ). Но и непротивное въ существѣ своемъ православію двуперстіе получаетъ неправославный характеръ, когда признается не обрядомъ, а догматомъ вѣры, когда почитается единственно и исключительно достойнымъ къ употребленію, когда употребляется какъ отрицаніе издревле употребляемаго всею православною церковію вполне правильнаго обряда, съ тяжкими укоризнами и хулами на него и на православную церковь (въ каковомъ значеніи именно и употребляютъ его раскольники, но въ какомъ не употребляютъ и не должны употреблять единовѣрцы).

Потому же и на тѣхъ же основаніяхъ, почему двуперстіе признано было неправославнымъ преданіемъ, патріархъ Макарій съ сущими при немъ и соборъ 1656 года произнесли проклятіе на крестящихся двуперстно, какъ употребляющихъ неправославный обрядъ. И если ихъ мнѣніе о двуперстіи, какъ неправославномъ преданіи, въ свое время и въ отношеніи къ тогдашнимъ ревнителямъ двуперстія имѣло полную правильность: то и произнесенная ими клятва на крестящихся двуперстно была также правильна для своего времени и въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ. Равнымъ образомъ, если разсматриваемое само въ себѣ, независимо отъ обстоятельствъ времени и безъ

отношенія къ извѣстнымъ лицамъ, ихъ мнѣніе о неправославіи двуперстія теряетъ нѣкоторую долю своей правильности: то и самая ихъ клятва на крестящихся двуперстно, разсматриваемая также безотносительно, не можетъ быть признана безусловно и во всей полнотѣ своей правильною. Именно же: клятва не можетъ простираться безусловно на всякаго крестящагося двуперстно, т.-е. употребляющаго перстосложеніе, по самому существу своему не соединяемое ни съ какими неправославными мудрованіями; но вполне законно и справедливо она падаетъ на тѣхъ, которые сему обряду, въ существѣ своемъ не нарушающему православія, придаютъ въ своемъ употребленіи неправославный характеръ, т.-е., признавъ его не обрядомъ, а неизмѣняемымъ догматомъ вѣры, считаютъ единственно и исключительно достойнымъ употребленія, и употребляютъ въ прямое отрицаніе, осужденіе и порицаніе истинно древняго, правильнаго и всею православною церковію употребляемаго обряда, въ явное противленіе церкви, съ тяжкими хулами на него и на церковь. Въ такомъ, нѣсколько ограниченномъ, болѣе тѣсномъ значеніи клятва патріарха Макарія и собора 1656 года, подтверждена и опредѣленіемъ собора 1667 года, и какъ подтвержденная симъ послѣднимъ, бѣльшимъ соборомъ, доселѣ имѣетъ силу въ отношеніи къ именуемымъ старообрядцамъ, употребляющимъ двуперстіе именно въ значеніи непреложнаго догмата вѣры, въ знакъ отрицанія и порицанія употребляемаго церковію обряда и въ явное противленіе церкви, но отнюдь не простирается на единовѣрцевъ, не усвоющихъ двуперстію такого значенія, употребляющихъ оное не въ отрицаніе и похуленіе троеперстія, не въ противленіе церкви, напротивъ по ея благословенію.

Могутъ спросить: не противорѣчитъ ли нашъ отвѣтъ на вопросъ четвертый отвѣту на третій вопросъ? Въ отвѣтѣ на третій вопросъ было сказано, что пастыри и

пасомые русской церкви, жившіе прежде исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и введенія сихъ соборнѣ исправленныхъ книгъ въ церковное употребленіе, посему державшіеся двуперстія и прочихъ обрядовъ, изложенныхъ въ неисправленныхъ, старопечатныхъ книгахъ, были несомнѣнно православны; а теперь, въ отвѣтъ на четвертый вопросъ, утверждается, что современные патриарху Никону россияне, употреблявшіе двуперстіе, слѣдовали неправославному преданію, потому были неправославны и достойно подлежали клятвѣ. Не признается ли такимъ образомъ двуперстное сложеніе и православнымъ и неправославнымъ обрядомъ? Нѣтъ ли дѣйствительно противорѣчія между отвѣтами третьимъ и четвертымъ?

Нѣтъ никакого противорѣчія въ двухъ предыдущихъ отвѣтахъ; напротивъ, они находятся въ полномъ взаимномъ согласіи и одинъ другимъ подкрѣпляются и дополняются. Не должно забывать, что въ отвѣтъ на третій вопросъ идетъ рѣчь о лицахъ, жившихъ прежде исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, когда вопросъ о перстосложеніи и вообще о именуемыхъ старыхъ обрядахъ не подвергался еще обстоятельному разсмотрѣнію и рѣшенію; а въ отвѣтъ на четвертый вопросъ говорится о людяхъ современныхъ соборному исправленію богослужебныхъ книгъ при патриархѣ Никонѣ, когда именно вопросъ о перстосложеніи былъ подвергнутъ церковною властію тщательному разсмотрѣнію и послѣдовало его рѣшеніе. Различіемъ положенія тѣхъ и другихъ лицъ собственно и условливалась ихъ виновность или невинность, опредѣлялось ихъ православіе или неправославіе, что и указали мы со всею точностью въ томъ и другомъ отвѣтѣ. Почему признали мы православными употреблявшихъ двуперстіе до соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ? и что указали неправославнаго въ современныхъ патриарху Никону ревнителяхъ двуперстія? Первыхъ мы признали православными потому, что они употребляли двуперстіе, не вѣдая дѣйствительнаго

достоинства источниковъ, изъ которыхъ оно заимствовано; современнымъ же патріарху Никону ревнителямъ двуперстія была указана и доказана лживость и погрѣшительность Θεодоритова Слова, на которомъ двуперстіе по преимуществу утверждалось: продолжая со всѣмъ упорствомъ держаться и этого Слова и на немъ основаннаго перстосложенія, они давали вполне законное основаніе считать ихъ неправославными. Первыхъ мы признали православными потому, что они употребляли двуперстіе, не усвоивъ ему никакого противнаго православію значенія; современные же патріарху Никону ревнители двуперстія, возведя обрядъ сей на степень неизмѣняемаго догмата вѣры, въ самые персты, извѣстнымъ образомъ сложенные, заключали таинство св. Троицы и воплощенія Сына Божія, при чемъ и о самой Троицѣ учили неправославно: это служило также вполне законнымъ основаніемъ признать ихъ неправославными. Первыхъ мы признали православными потому, что они, употребляя двуперстіе, слѣдовали временно существовавшему въ русской церкви обычаю и находились въ полномъ подчиненіи ея священноначалію; современные же патріарху Никону ревнители двуперстія рѣшительно возстали противъ возстановленія древняго, правильнаго, всею православною восточною церковію содержамаго обряда, и объявили себя противниками церковной власти, — употребляли двуперстіе уже въ явное противленіе церкви и въ порицаніе содержамаго ею обряда, съ тяжкими хуленіями и на обрядъ сей и на самую церковь: въ этихъ своихъ дѣйствіяхъ они являются рѣшительными противниками православія, являются очевидно неправославными. Т. о. въ нашихъ отвѣтахъ на третій и четвертый вопросы не только нѣтъ противорѣчій, но оба они взаимно дополняются и объясняются одинъ другимъ: ибо въ своей совокупности они представляютъ раскрытіе того правильнаго возрѣнія на двуперстное сложеніе, что употребленіе его не въ значеніи неизмѣняемаго догмата вѣры, а въ значеніи обряда, служащаго къ вы-

раженію православнаго ученія о св. Троицѣ и воплощеніи Сына Божія, — употребленіе не въ противность церкви, не въ порицаніе и похуленіе содержимаго ею обряда, а въ полномъ съ церковію согласіи (какъ употребляли его многіе россияне до соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ). наипаче же по благословенію самой церкви и съ признаніемъ несомнѣнной правильности принятаго церковію троеперстнаго сложенія (какъ употребляютъ единовѣрцы), — что такое употребленіе двуперстія не представляетъ въ себѣ ничего противнаго православію, и что напротивъ оно получаетъ неправославный характеръ, когда двуперстію усвоится значеніе неизмѣняемаго догмата вѣры, когда съ упорствомъ защищаются его лживыя основанія, когда употребляется оно въ явное противленіе церкви, съ тяжкими укоризнами и хуленіями и на церковь и на содержимый ею обрядъ (какъ именно употребляли современные патріарху Никону ревнители двуперстія и какъ употребляютъ нынѣшніе ихъ единомысленники — именуемые старообрядцы).

Сказаннымъ здѣсь вполне разрѣшается и другое возраженіе, которое могутъ сдѣлать намъ по поводу послѣднихъ двухъ отвѣтовъ: клятва на крестящихся двуперстно, произнесенная патріархомъ Макаріемъ съ сущими при немъ и соборомъ 1656 года, не падаетъ ли на тѣхъ, несомнѣнно православныхъ русскихъ людей, которые употребляли двуперстіе, руководясь церковно-богослужебными книгами, изданными до соборнаго ихъ исправленія, а также и на самое священноначаліе церкви російской, по благословенію коего печатались тѣ книги съ наставленіемъ о двуперстіи?

Такъ какъ употребленію двуперстія не усвоили они неправославнаго характера, — употребляли это перстосложеніе, не вѣдая дѣйствительно достоинства источниковъ, изъ которыхъ оно заимствовано, употребляли съ правою мыслию о св. Троицѣ и воплощеніи Сына Божія, въ общеніи съ православною вселенскою церковію:

то на нихъ не падала и не могла падать клятва, произнесенная патриархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г. собственно на тѣхъ, которые, употребляя двуперстіе, усвоили ему неправославный характеръ.

При этомъ необходимо еще помнить, во-первыхъ, что соборъ 1656 г., произнося клятву на крестящихся двуперстно, со всею ясностію и опредѣленностію выдѣлилъ изъ нея всѣхъ, дотолѣ употреблявшихъ двуперстное сложеніе: „Аще кто отселѣ, вѣдый не повинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле святая восточная церковь пріяла есть, и якоже нынѣ четыре вселенстіи патриарси, со всѣми сущими подъ нимъ христіаны, повсюду вселенныя обрѣтающимися, имѣютъ, и якоже здѣ прежде православніи содержаша до печатанія Слова Θεодоритова въ Псалтырехъ со возслѣдованіемъ московскія печати, еже трети первыми великими персты десныя руки изображати во образъ святыхъ и единосущныхъ и нераздѣльныхъ и равнопоклоняемыхъ Троицы, но имать творитѣ сіе непріятное церкви, еже соединя два малые перста съ великимъ пальцемъ... и два воликосредняя простерта суща... сего имамы... всячески отлучена отъ церкви вкупѣ и съ писаніемъ Θεодоритовымъ“¹⁾. Соборъ отлучаетъ отъ церкви не тѣхъ, которые доселѣ по невѣденію крестились двуперстно, но тѣхъ, которые отселѣ будутъ употреблять двуперстіе, вѣдая, что церковь признала его противнымъ общеупотребительному у православныхъ, древнему и правильному троеперстному сложенію, употреблявшемуся и въ церкви российской до изданія Θεодоритова Слова, — будутъ употреблять не повинуюсь, противясь церкви. Здѣсь достойно замѣчанія и то обстоятельство, что соборъ 1656 г. своимъ столь точнымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ: аще кто отселѣ вѣдый не повинится... упразднялъ, такъ сказать, клятву, произнесенную прежде, въ выраженіяхъ болѣе

1) Скриж. *Слово отвѣщ.*, л. 15 об.—16 об.

общихъ, патріархомъ Макаріемъ съ сущими при немъ. Теперь и тѣ, на кого произнесъ клятву патріархъ Макарій, какъ доселѣ крестившіеся двуперстно, не подлежатъ уже клятвѣ: она простирается лишь на тѣхъ, которые отселѣ будутъ держаться такого перстосложенія, вѣдая, что оно запрещено, и не повинуюсь сему запрещенію. Такимъ образомъ клятва патріарха Макарія, незадолго передъ тѣмъ произнесенная, въ общемъ ея смыслѣ теряла свою силу послѣ собора 1656 года.

Во-вторыхъ, необходимо помнить, что самъ Никонъ, въ своемъ Отвѣщательномъ Словѣ, а съ нимъ и соборъ 1656 года, подписавшій сіе Слово, съ священноначалія церкви русской предшествовавшего имъ времени снимаютъ вину за распространеніе Θεодоритова Слова, бывшее, по многократнымъ и рѣшительнымъ указаніямъ патріарха Никона и его современниковъ, главною причиною распространенія между грамотными русскими людьми и самаго двуперстія. Въ „Отвѣщательномъ Словѣ“ онъ именно говоритъ, что „Θеодоритово писаніе“, послужившее основаніемъ къ употребленію двуперстія, есть „невѣдѣніемъ внесшееся въ печатныя книги, въ великія Псалтири со возслѣдованіемъ и малыя, и прочія рукописныя, а не повелѣніемъ коего царя, или патріарха, ниже соборомъ когда сошедшихся архіерей?“¹⁾ Засвидѣтельствовавъ такъ ясно, что въ рукописныя и печатныя книги Слово Θεодоритово внесено не повелѣніемъ какого-либо патріарха или собора сошедшихся архіереевъ, что и тѣми, которые внесли его въ сіи книги, оно внесено по невѣдѣнію его дѣйствительнаго достоинства, т.-е. подложности и неправильности, патріархъ Никонъ, и соборъ 1656 года этимъ самымъ давали знать, что они съ своей стороны не считаютъ священноначаліе русской церкви повиннымъ за изданіе и распространеніе Θεодоритова Слова, а также не считаютъ винов-

1) Скриж. Слово отвѣт., л. 2.

ными и подлежащими клятвѣ и всѣхъ, кто читалъ это сочиненіе и слѣдовалъ ему, какъ дѣйствовавшихъ невѣдѣніемъ.

Итакъ, на лица, употреблявшія двуперстіе до соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, не простиралась клятва собора 1656 года.

Наконецъ, отвѣтимъ и еще на возраженіе, которое могутъ намъ сдѣлать. Скажутъ: вы и сами однако признали произнесенную патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г. клятву на крестящихся двуперстно не во всемъ и не вполне вѣрною; а если такъ, то не подлежатъ ли они осужденію за произнесеніе незаконной клятвы и не падаетъ ли вина за сіе и на церковь, отъ лица которой они дѣйствовали?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо припомнить и взять во вниманіе, что собственно нашли и указали мы невѣрнаго и подлежащаго отмѣненію въ клятвѣ на крестящихся двуперстно, произнесенной патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 года. Мы нашли, что сія клятва должна быть признана вполне правильною въ значеніи клятвы, произнесенной на тѣхъ, которые, почитая двуперстіе за неизмѣняемый догматъ вѣры, употребляютъ оное въ знакъ отрицанія и похуленія издревле всею православною церковію употребляемаго, несомнѣнно правильного троеперстнаго сложенія, въ противленіе церкви и съ тяжкими укоризнами на употребляемый ею обрядъ, и что въ такомъ значеніи сія клятва, какъ вполне правильная, подтверждена и опредѣленіемъ собора 1667 года. Мы нашли, что сія клятва была также вполне правильною и въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, которыя, какъ Аввакумъ и Лазарь, проповѣдывали Троицу четверолицную, — Христа, сѣдящаго съ Троицею на особомъ четвертомъ престолѣ, и своимъ перстосложеніемъ выражали такое грубое еретическое ученіе. Если бы среди ревнителѣй двуперстія находились и теперь послѣдующіе такому нечестивому ученію первоучителей раскола,

такъ же мудрствующіе о Троицѣ, какъ Аввакумъ и Лазарь (а исторія свидѣтельствуесть, что на Керженцѣ были именно горячіе приверженцы и защитники такого ученія — Онуфрій и прочіе, составившіе особую секту Аввакумовщины), то въ отношеніи къ такимъ, какъ соединяющимъ еретическія мудрованія съ двуперстіемъ, клятва произнесенная патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г., сохранила бы и доселѣ свою силу во всей полнотѣ. Долю невѣрности мы указали здѣсь только въ томъ, что соединяющими съ двуперстіемъ неправыя мудрованія признаны были всѣ, крестящіеся двуперстно, къ чему впрочемъ подавалъ основаніе самый способъ сложенія перстовъ, ими употребляемый, тогда какъ надлежало выдѣлить изъ клятвы тѣхъ, которые (какъ особенно оказалось впослѣдствіи) не соединяють съ двуперстіемъ никакихъ неправославныхъ мудрованій, что и сдѣлалъ соборъ 1667 г. не произнесшій клятвы безусловно на всѣхъ крестящихся двуперстно. Итакъ, вотъ въ чемъ заключается вся доля неправильности въ клятвѣ патріарха Макарія и собора 1656 года. И поелику тогда, при современныхъ обстоятельствахъ, не легко было сдѣлать различіе между двуперстниками право-мудрствовавшими и неправо-мудрствовавшими, то произнесшіе клятву на всѣхъ крестящихся двуперстно, какъ дѣйствовавшіе по невѣдѣнію и съ другой стороны по ревности въ защиту правильнаго, всею православною церковію употребляемаго перстосложенія, не подлежатъ отвѣтственности, или осужденію за указанную долю неправильности въ произнесенной ими клятвѣ. Тѣмъ паче не подлежитъ за сіе осужденіе сама церковь православная: ибо она не замедлила исправить и эту долю неправильности. Соборъ 1656 года, какъ мы видѣли, исправилъ уже смыслъ клятвы, въ томъ же году и незадолго передъ тѣмъ произнесенной патріархомъ Макаріемъ, ограничивъ ея приложеніе только тѣми, которые отселѣ, вѣдая, не повинуюсь повелѣнію и примѣру церкви, будутъ креститься двуперстно. Соборъ же 1667 года огра-

ничилъ и эту клятву собора 1656 года: въ своемъ опредѣленіи отъ 13 мая, повелѣвъ подѣ страхомъ клятвы безпрекословно принимать соборнѣ исправленные чины и обряды, въ томъ числѣ троеперстіе, онъ не произнесъ однакоже клятвы прямо на крестящихся двуперстно и не назвалъ сего обычая повреждающимъ православіе.

Но если бы сужденіе о двуперстіи и судъ на крестящихся двуперстно, произнесенные патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 г., были неправильны даже и во всей полнотѣ своей, а не въ малой только части своей (какъ было дѣйствительно): и тогда винить самую церковь за ихъ мнѣніе и судъ, а тѣмъ паче считать ее погрѣшившею и падшею (какъ готовы считать и считаютъ именующіеся старообрядцы), было бы рѣшительною несправедливостію, когда церковь на послѣдующемъ, притомъ большемъ и поистинѣ великомъ соборѣ, произнесла по тому же предмету свое рѣшительное, вполне правильное опредѣленіе, которое собственно и должно быть почитаемо для всѣхъ обязательнымъ. Исторія церкви представляетъ много подобныхъ сему примѣровъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ, что неправильныя, даже погрѣшительныя мнѣнія и распоряженія, исходившія отъ пастырей церкви и отъ цѣлыхъ соборовъ пастырей, были потомъ признаваемы дѣйствительно такими и отмѣняемы церковною властію, но церковь отъ такихъ мнѣній и постановленій не терпѣла ущерба въ чистотѣ и православіи. Не приводя примѣровъ изъ исторіи церкви вселенской, укажемъ опять на тѣ же, особенно близкіе старообрядцамъ, примѣры изъ исторіи церкви російской.

Произведенное преподобнымъ Максимомъ Грекомъ исправленіе нѣкоторыхъ славянскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ митрополитъ Даниилъ съ своимъ соборомъ призналъ повреждающимъ православную вѣру, и самого Максима, какъ „еретика, бого-духовенныя книги растлѣвающа“, предалъ суду и подвергъ тяжелому наказанію, отлучивъ отъ приобщенія св. таинъ и отъ общенія съ вѣрными

въ молитвѣ. Но православная церковь смотритъ иначе на труды Максима Грека по исправленію церковно-богослужебныхъ книгъ, не находитъ въ нихъ „растлѣнія книгъ богодухновенныхъ“, и самого Максима не только не признаетъ „еретикомъ“, но и причла его къ лику преподобныхъ. Такъ же, безъ сомнѣнія, смотрятъ на труды Максима Грека и на него лично сами глаголемые старообрядцы. Что же, по ихъ мнѣнію, — россійская церковь временъ митрополита Даниїла погрѣшила-ли и утратила-ли православіе отъ того, что митрополитъ Даниїль съ цѣлымъ соборомъ тогдашнихъ архипастырей несправедливо призналъ Максимова исправленіе богослужебныхъ книгъ не исправленіемъ оныхъ, а растлѣніемъ, и самого Максима несправедливо осудилъ за сіе какъ еретика?

Точно также архимандрита Діонисія съ его сотрудниками по исправленію книги Потребника митрополитъ Іона и его соборъ за исключеніе слова и огнемъ изъ чина освященія воды въ день Богоявленія призналъ еретиками и подвергъ отлученію отъ церкви; но патріархъ Іерусалимскій Теофанъ, а потомъ и прочіе вселенскіе патріархи, также Филаретъ патріархъ Московскій на своемъ соборѣ признали ихъ осужденіе незаконнымъ, а исключеніе слова и огнемъ изъ молитвы на освященіе воды вполне правильнымъ. Что же, по мнѣнію старообрядцевъ, — россійская церковь временъ митрополита Іоны впала-ли въ погрѣшность и повредила-ли православіе отъ того, что митрополитъ Іона съ своимъ соборомъ несправедливо призналъ ересью вполне вѣрное исправленіе молитвы и незаконно подвергъ отлученію исправителей.

И еще: когда патріархъ Іоасафъ (первый) призналъ имѣющимъ еретическое происхожденіе и исключилъ изъ Требника цѣлый чинъ священническаго погребенія, имѣющій несомнѣнно православное происхожденіе, употреблявшійся прежде и опять принятый потомъ въ церковное употребленіе, православная россійская церковь его времени, какъ должны признать и сами старообрядцы, чрезъ

сіе неправильное его мнѣніе и дѣйствіе не подверглась никакому поврежденію, и не утратила чистоту православія.

Если же церковь російскую временъ митрополита Даниила, митрополита Іоны и патріарха Іоасафа признають и сами старообрядцы ни мало не повредившею православіе чрезъ такія неправильныя дѣйствія сихъ архипастырей и ихъ соборовъ, то должны они признать, что и церковь російская временъ патріарха Никона не могла быть виновною, или повредить чистоту своего православія чрезъ произнесенное патріархомъ Макаріемъ и соборомъ 1656 года мнѣніе о двуперстии и осужденіе на крестящихся двуперстно, еслибъ даже это мнѣніе и осужденіе, подобно указаннымъ дѣйствіямъ митрополита Даниила, митрополита Іоны и патріарха Іоасафа, были неправильны во всей полнотѣ своей, а не въ малой только части.

Вопросъ пятый.

Виновны ли и насколько виновны всѣ тѣ русскіе православные христіане, которые научены отъ православныхъ пастырей всѣмъ обрядамъ русской православной церкви, конечно и сему православному обряду, еже творити на себѣ знаменіе честнаго и животворящаго креста двуперстнымъ сложеніемъ руки, и, оставаясь вѣрными сему ученію, рѣшили не послѣдовать патріарху Никону и его собору, торжественно въ Успенскомъ соборѣ провозгласившему анаѹему на всѣхъ безъ исключенія, кои совершаютъ на себѣ крестное знаменіе двоеперстнымъ сложеніемъ („Слово отвѣщательно“ патріарха Никона въ Скрижали)?

Разъясненіе пятаго вопроса.

И сей послѣдній вопросъ не менѣе всѣхъ предыдущихъ нуждается въ объясненіи.

Необходимо уяснить прежде всего, о комъ это, о какихъ „русскихъ православныхъ христіанахъ“, идетъ здѣсь рѣчь.

Говорится „о всѣхъ тѣхъ русскихъ православныхъ христіанахъ, которые... рѣшили не послѣдовать патріарху Никону и его собору, торжественно въ Успенскомъ соборѣ провозгласившему анаѹему на всѣхъ безъ исключенія, кои совершаютъ на себѣ крестное знаменіе двуперстнымъ сложеніемъ руки“. Но если бы мы приняли эти слова въ ихъ точномъ, буквальномъ смыслѣ, то оказалось бы, что насъ спрашиваютъ о такихъ „православныхъ русскихъ христіанахъ“, какихъ не существовало никогда и не существуетъ, почему и самый вопросъ могли бы оставить безъ отвѣта.

Вопросители въ подтвержденіе сказаннаго ими хотя и сослались на „Отвѣщательное Слово патріарха Никона въ Скрижали“, но отъ того нисколько не меньше, а даже еще болѣе, сказанное ими является несправедливымъ, страннымъ и неизвинительнымъ. Ссылка на „Отвѣщательное Слово“ яснымъ образомъ показываетъ, что говоря о „патріархѣ Никонѣ и его соборѣ“, они разумѣютъ соборъ 1656 года, на которомъ предсѣдательствовалъ патріархъ Никонъ и которымъ подписано самое „Слово отвѣщательное“, составлявшее какъ бы актъ, или памятникъ его занятій. Но когда же соборъ 1656 года или патріархъ Никонъ съ симъ его соборомъ „торжественно въ Успенскомъ соборѣ провозглашалъ анаѹему на всѣхъ безъ исключенія“, крестящихся двуперстно, и даже на кого бы то ни было изъ крестящихся двуперстно? Въ „Словѣ отвѣщательномъ“ патріархъ Никонъ дѣйствительно упомянулъ исторически о томъ, что Антиохійскій патріархъ Маркарій съ тремя другими, находившимися тогда въ Москвѣ, восточными архипастырями, еще до собора 1656 года¹⁾,

¹⁾ Это было именно за мѣсяць до открытія собора и болѣе чѣмъ за два мѣсяца до составленія соборнаго опредѣленія о перстосложеніи, или до подписанія „Отвѣщательнаго Слова“.

въ недѣлю православія „въ велицѣй соборнѣй церкви Пресвятыя Богородицы Успенія“, показавъ три по обычаю православныя церкви сложенные персты, провозгласилъ: „сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; а иже кто по Θεодоритову писанію и ложному преданію творить, той проклятъ есть“¹⁾. А самъ патріархъ Никонъ съ своимъ соборомъ этого не дѣлалъ и относительно происходившаго въ Успенскомъ соборѣ въ недѣлю православія нѣтъ положительнаго извѣстія, чтобы патріархъ Макарій на сей разъ дѣйствовалъ даже по указанію и настоянію Никона²⁾. Если же „патріархъ Никонъ съ своимъ соборомъ“ никогда не „провозглашалъ торжественно въ Успенскомъ соборѣ анаѹему на всѣхъ безъ исключенія“ крестящихся дуперстно, то не могло быть и такихъ „русскихъ православныхъ христіанъ“, на которыхъ бы падала такая небывалая клятва, и нечего объ нихъ спрашивать.

Нельзя не удивляться, какъ вопросители могли допустить такое странное смѣшеніе лицъ и событій, — сказанное и сдѣланное Антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ съ сущими при немъ, сказанное и сдѣланное еще ранѣе собора 1656 года, приписать патріарху Никону и этому „его собору“. Казалось бы достаточно было со вниманіемъ и спокойствіемъ прочесть въ Скрижали „Отвѣщательное Слово“, чтобы не допустить такой странной несообразности. Что могъ допустить ее дѣйствительный авторъ вопросовъ — Пафнутій, это мы понимаемъ: въ санѣ

1) Скриж. *Слово отвѣщательное*, л. 12.

2) Говоря о другомъ подобномъ событій, о произнесеніи тѣмъ же патріархомъ Макаріемъ клятвы на крестящихся дуперстно въ Чудовомъ монастырѣ, въ день памяти св. Мелетія, патріархъ Никонъ замѣтилъ, что Макарій дѣйствовалъ по его предложенію: „мнѣ на сіе подвижну его“ (*Сл. отвѣщ.*, л. II); о дѣйстви же патріарха Макарія въ Успенскомъ соборѣ въ недѣлю православія патріархъ Никонъ такого замѣчанія не дѣлаетъ.

православнаго іеромонаха работая для раскольниковъ, онъ находился, безъ сомнѣнія, въ смятенномъ состояніи духа и не всегда могъ ясно разумѣть и обсудить, что говорилъ и писалъ вопреки голосу совѣсти. Но какъ сами старообрядцы, цѣлыхъ десять лѣтъ носясь съ своими пятью вопросами, печатая и перепечатывая ихъ, вопія повсюду о несокрушимой якобы силѣ ихъ, — какъ не примѣтили они и какъ не исправили, въ числѣ многихъ другихъ: эту, особенно очевидную историческую несообразность своего пятаго вопроса? Мы не стали бы обращать на нее вниманіе (ошибка, особенно историческая, легко можетъ быть допущена и достойна извиненія); но въ данномъ случаѣ она имѣетъ существенную важность: она ставитъ читающаго вопросы и отвѣчающаго на нихъ въ недоумѣніе и затрудненіе, лишаетъ возможности понять, о комъ собственно здѣсь спрашивается, о какихъ „русскихъ православныхъ христіанахъ“, — о тѣхъ ли, которые „рѣшились непослѣдовать патріарху Никону и собору 1656 года“, или о тѣхъ, которые „рѣшились непослѣдовать“ патріарху Макарію съ сущими при немъ, „торжественно въ Успенскомъ соборѣ провозгласившему анаѹему на всѣхъ безъ исключенія крестящихся двуперстно“.

Сдѣлаемъ догадку, — положимъ, что вопросители говорятъ собственно о патріархѣ Никонѣ съ соборомъ 1656 г. и только ради большей важности, ради усиленія предполагаемой вины его, вопреки исторической истинѣ прибавили, что онъ будто-бы торжественно въ Успенскомъ соборѣ провозгласилъ анаѹему на всѣхъ безъ исключенія, крестящихся двуперстно. Допустимъ даже, что они хотѣли соединить воедино всѣ изложенныя въ „Словѣ отвѣщательномъ“ дѣйствія церковной власти по вопросу о перстосложеніи (отвѣтъ патріарха Макарія съ прочими на вопросъ патріарха Никона, его же возгласеніе въ Чудовомъ монастырѣ и Успенскомъ соборѣ), какъ бы завершенныя постановленіемъ собора 1656 года. Что же

выйдетъ? Выйдетъ, что насъ спрашиваютъ о тѣхъ „русскихъ православныхъ христіанахъ“, которые „рѣшились непослѣдовать“ патріарху Макарію съ сущими при немъ и патріарху Никону съ соборомъ 1656 года, произнесшимъ клятву на крестящихся двуперстно, — виновны-ли они и насколько виновны, рѣшившись имъ не послѣдовать? А такъ какъ клятва, произнесенная патріархомъ Макаріемъ съ сущими при немъ, имѣла силу только до собора 1656 года, который, какъ мы говорили уже, значительно ограничилъ ее своимъ опредѣленіемъ о крестящихся двуперстно, а клятва собора 1656 г. сохраняла свою силу только до сборовъ 1666 и 1667 гг., которые утвердили его опредѣленіе не во всей его полнотѣ, то, значить, спрашиваютъ насъ о тѣхъ собственно росіянахъ крестившихся двуперстно, которые находились подъ клятвою въ теченіе десяти лѣтъ, протекшихъ отъ собора 1656 года, произнесшаго сію клятву, до великаго Московскаго собора 1667 года, ограничившаго сію клятву въ своемъ окончательномъ постановленіи о ново-исправленныхъ чинахъ и обрядахъ. Но не праздный ли это вопросъ? Мы, конечно, должны и готовы отвѣчать даже на вопросы такого достоинства; полагаемъ однако, что предлагавшимъ вопросъ надлежало поставить его гораздо серіознѣе, сдѣлать его имѣющимъ дѣйствительное значеніе и для нихъ, и для насъ. Не надлежало ли именно спросить о виновности тѣхъ крестящихся двуперстно, которые „рѣшились не послѣдовать“ собору 1667 года, т.-е. не покорились и не покоряются доселѣ его опредѣленію о перстосложеніи и прочихъ обрядахъ?

Сами вопросители должны понять и, конечно, понимаютъ преимущество вопроса, именно такъ поставленнаго. По всей вѣроятности, они и желали бы такъ его поставить. Почему же не сдѣлали этого? почему не говорятъ о клятвахъ собора 1667 г., доселѣ сохраняющихъ свою полную силу, а ограничились упоминаніемъ о клятвѣ собора 1656 г., который послѣ великаго Московскаго

собора утратилъ свое значеніе? Здѣсь, намъ кажется, невольно обнаружилось въ вопросителяхъ, или въ составителѣ вопросовъ, сознаніе дѣйствительнаго смысла соборныхъ клятвъ 1667 года. Чтобы сообщить желаемое значеніе своему вопросу, имъ необходимо было указать на клятву, произнесенную на крестьящихся двуперстно, и даже „на всѣхъ безъ исключенія“ такъ крестьящихся, и, еслибы можно было доказать, со всею ясностію, что клятва собора 1667 г. изречена дѣйствительно „на всѣхъ безъ исключенія“ употребляющихъ двуперстіе, они безъ сомнѣнія не приминули бы указать на нее въ своемъ пятomъ вопросѣ. Но, очевидно, и сами они чувствуютъ и понимаютъ, что доказать это съ надлежащей основательностію невозможно, что въ соборномъ актѣ 13-го мая 1667 г. не содержится прямо и точно выраженной клятвы на крестьящихся двуперстно, тѣмъ паче „на всѣхъ безъ исключенія“ такъ крестьящихся, — и вотъ, минуя соборъ 1667 года, они говорятъ только о соборѣ 1656 г., опредѣленіе котораго могутъ объяснять въ желаемомъ ими смыслѣ. Отсюда и является праздный, совсѣмъ не нужный вопросъ о виновности тѣхъ лицъ, кои „рѣшились не послѣдовать“ именно сему собору, утратившему свое значеніе послѣ собора 1667 года, или имѣющему значеніе только въ томъ, что утверждено симъ послѣднимъ.

Поставимъ же вопросъ надлежащимъ образомъ, чтобы сдѣлать его достойнымъ отвѣта: пусть будетъ, что насъ спрашиваютъ о лицахъ, которыя въ обрядѣ перстосложенія рѣшились не послѣдовать, т.-е. не покориться опредѣленію собора 1667 года. Сдѣлать такое измѣненіе, или такую поправку въ вопросѣ ради сообщенія ему подобающаго значенія, мы тѣмъ болѣе имѣемъ право, что чрезъ это не исключаются изъ вопроса и тѣ лица, которыхъ собственно разумѣютъ вопросители, т.-е. лица воспротивившіеся собору 1656 года: ибо тотъ, кто противится опредѣленію собора 1667 года, вмѣстѣ съ симъ противится и опредѣленію собора 1656 года, въ своемъ

существенномъ содержаніи утвержденному властію большаго московскаго собора.

Что же именно спрашивается о всѣхъ этихъ лицахъ? Спрашивается: „виновны ли они и насколько виновны“ за то, что будучи „научены отъ православныхъ пастырей православному обряду“ двуперстнаго сложенія, „и оставаясь вѣрными сему ученію, рѣшили не послѣдовать“ собору, „провозгласившему анаѣму на всѣхъ безъ исключенія“, крестящихся двуперстно?

И здѣсь, въ этой половинѣ вопроса, есть слова, требующія измѣненія или совершеннаго устраненія. Говорится о провозглашеніи анаѣмы на всѣхъ безъ исключенія, крестящихся двуперстно. Но выраженіе это могло бы имѣть нѣкоторую долю справедливости въ отношеніи къ клятвѣ, произнесенной соборомъ 1656 года, въ отношеніи же къ соборной клятвѣ 1667 года допущено быть не можетъ, ибо клятва сія простирается не на всѣхъ безъ исключенія, крестящихся двуперстно; напротивъ, изъ нея исключаются всѣ, употребляющіе двуперстіе не въ противность собору и съ благословенія церкви, какъ мы раскрыли это подробно въ отвѣтѣ на первый вопросъ. А такъ какъ пятый вопросъ поставленъ теперь уже не о лицахъ, не покорившихся только опредѣленію собора 1656 года (каковой вопросъ былъ бы совершенно празднымъ), но о лицахъ не покорившихся и непокоряющихся именно опредѣленію собора 1667 г., а вмѣстѣ и опредѣленіямъ прежнихъ, по тому же вопросу, соборовъ, насколько они утверждены симъ большимъ соборомъ, то выраженіе „на всѣхъ безъ исключенія“ должно быть изъято изъ вопроса. Мало того, — даже и вообще выраженіе: „анаѣма, провозглашенная на крестящихся двуперстно“, должно быть исключено изъ его текста, ибо въ соборномъ изреченіи 13-го мая 1667 г. не содержится прямо выраженной, или „провозглашенной“ клятвы на крестящихся двуперстно, а изрекается клятва на не покорившихся соборному опредѣленію и повелѣнію объ

употребленіи троеперстія и прочихъ обрядовъ, какъ обрядовъ право-исправленныхъ и не подлежащихъ порицанію, тѣмъ паче хуленію. Нужно впрочемъ замѣтить, что этого изъятія требуетъ собственно точность, или строгое соотвѣтствіе исторической дѣйствительности, которымъ никакъ не слѣдуетъ пренебрегать и которое такъ мало уважаютъ вопросители; а въ отношеніи къ отвѣту оно не имѣетъ значенія: смыслъ отвѣта не измѣнился бы, отвѣтъ былъ бы тотъ же самый и въ томъ случаѣ, еслибы признать, что клятва собора 1667 г. произнесена прямо на крестящихся двуперстно, даже на всѣхъ безъ исключенія такъ крестящихся, если бы поэтому выраженіе на всѣхъ безъ исключенія и нужно было удержать въ вопросѣ, какъ мы это и покажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Итакъ, по необходимо-нужномъ устраненіи неточностей и невѣрностей, пятый вопросъ можетъ быть изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Виновны ли и на сколько виновны всѣ тѣ русскіе православные христіане, которые научены отъ православныхъ пастырей всѣмъ обрядамъ русской православной церкви, конечно и сему православному обряду, еже творити на себѣ знаменіе честнаго и животворящаго креста двуперстнымъ сложеніемъ руки, и оставаясь вѣрными сему ученію, рѣшились не послѣдовать, т.-е. не покориться собору 1667 года, изрекшему повелѣніе употреблять для крестнаго знаменія троеперстное сложеніе и провозгласившему анаѣму на не покоряющихся его опредѣленію?

Отвѣтъ на пятый вопросъ.

Отвѣтъ на предложенный вопросъ получится самъ собою, когда мы рассмотримъ, въ чемъ состоитъ и на чемъ утверждается сила вопроса.

Вопросъ держится на противоположеніи соборнаго постановленія 1667 года ученію, или заповѣди „православ-

ныхъ пастырей“ и понятіи о двуперстіи, какъ „обрядѣ православному“. Православные пастыри научили русскихъ православныхъ христіанъ креститься двуперстно и обрядъ двуперстія есть, конечно, „православный обрядъ“; соборъ же 1667 года, напротивъ, учить и повелѣваетъ креститься троеперстно и не покоряющихся его повелѣнію предаеть анаѳемѣ. Покориться сему собору — значило бы такимъ образомъ отступить отъ ученія „православныхъ пастырей“ и отречься отъ „православнаго обряда“; посему виновны ли тѣ, которые, не желая отступить отъ сего ученія и отказаться отъ православнаго обряда, рѣшились не покориться опредѣленію собора 1667 г.

Таковъ смыслъ вопроса. Но правильно ли здѣсь противоплагается опредѣленіе собора 1667 г. ученію православныхъ пастырей и понятію о двуперстіи, какъ обрядѣ православному? Справедливо ли, что покориться сему собору, — значить будто бы отступить отъ ученія православныхъ пастырей и отречься отъ православнаго обряда?

И противоположеніе дѣлается несправедливо и отреченія совѣзмъ не требуется.

Соборъ 1667 года, повелѣвая принять въ церковное употребленіе, въ числѣ прочихъ соборнѣ исправленныхъ обрядовъ, обрядъ троеперстія, произнесъ клятву на тѣхъ, которые не покорятся сему повелѣнію, будутъ признавать троеперстіе обрядомъ неправо-исправленнымъ, еретическимъ, не допустимымъ къ церковному употребленію, и — именно въ сопротивленіе собору, въ хулу на церковь и на содержимый ею обрядъ, — будутъ употреблять и будутъ требовать, чтобы исключительно употреблялось двуперстное сложеніе. Вотъ что постановилъ и вотъ кого предаль анаѳемѣ соборъ 1667 года. Но противнаго изложенному въ этомъ соборномъ постановленіи не требовалъ и никто изъ прежнихъ православныхъ пастырей, — никто изъ нихъ и никогда не училъ, что будто бы троеперстіе есть обрядъ неправильный, еретическій, недозволительный къ употребленію, никто и никогда не училъ креститься дву-

перстно въ противность церкви, съ хулами на церковь и содержимый ею обрядъ¹⁾). Справедливо, что двуперстіе само въ себѣ не есть обрядъ противный православію и тѣ изъ православныхъ пастырей, которые крестились и учили креститься двуперстно, употребляли и учили употреблять обрядъ въ существѣ своемъ не противный православію, употребляли и учили употреблять его, какъ принятый церковію и въ единеніи съ церковію. Но и соборъ 1667 года въ своемъ изреченіи 13-го мая нигдѣ не называетъ двуперстіе само по себѣ обрядомъ неправославнымъ, и анаѳемъ предаетъ только тѣхъ, которые сами усвоятъ ему неправославный характеръ, возводя его на степень непреложнаго догмата вѣры и употребляя въ противность церкви, въ отдѣленіи отъ нея, съ хулами и на церковь и на содержимый ею обрядъ. Гдѣ же противорѣчіе между опредѣленіемъ собора 1667 года и ученіемъ прежнихъ православныхъ пастырей, признававшихъ двуперстіе православнымъ обрядомъ? Покориться соборному опредѣленію — вовсе не значитъ отречься отъ ученія православныхъ пастырей и отъ понятія о двуперстіи, какъ обрядъ по существу своему не противномъ православію, равно какъ послѣдованіе ученію православныхъ пастырей и признаніе двуперстія православнымъ обрядомъ вовсе не требуетъ противленія соборному постановленію.

¹⁾ Намъ укажутъ, конечно, на постановленіе отцовъ Стоглаваго собора, произнесшихъ даже клятву на не крестящихся двумя персты. Но, кромѣ того, что постановленіе это не можетъ имѣть силы по несомнѣнно доказанной ложности оснований, на которыхъ оно утверждается, необходимо принять во вниманіе, что и въ самомъ постановленіи Стоглаваго собора не говорится прямо о троеперстіи, не называется оно обрядомъ еретическимъ, и съ повелѣніемъ употреблять двуперстіе не соединяется повелѣніе отдѣлится отъ восточной церкви, несомнѣнно употреблявшей троеперстіе, не произносится хулы на нее и на содержимый ею обрядъ. Посему и ученіе отцовъ Стоглаваго собора, если принять, что они дѣйствительно учили такъ, какъ учить Стоглавъ, не представляетъ прямого и рѣшительнаго противорѣчія постановленіямъ собора 1667 года.

Такимъ образомъ падаетъ единственное основаніе, единственный предлогъ, которымъ въ настоящемъ вопросѣ хотять оправдать себя непокоряющіеся собору 1667 г., т.-е. употребляющіе двуперстіе въ противность соборному постановленію, съ похуленіемъ церкви и содержаемыхъ ею обрядовъ; а потому они и должны признать себя виновными за свое противленіе и непокореніе. Невиновными остаются только тѣ, которые употребляютъ двуперстіе, слѣдуя примѣру предковъ, но вмѣстѣ не противясь и опредѣленію собора, т.-е. не отвергая правильности и спасительности содержаемаго церковію обряда, не порицая и не хуля его, не отдѣляясь отъ церкви, напротивъ въ единеніи съ нею и по ея благословенію.

Но предположимъ, что въ основаніи вопроса есть доля правды, — предположимъ, что употребляющіе двуперстіе становятся дѣйствительно въ противорѣчіе, принуждены бываютъ избирать между ученіемъ прежнихъ православныхъ пастырей и опредѣленіемъ собора 1667 года, — или повиноваться этому послѣднему, и чрезъ то отречься отъ ученія православныхъ пастырей, или слѣдовать ихъ ученію и чрезъ то оказаться противниками собора. Поставимъ вопросъ такъ, какъ и ставятъ вопрошающіе: если бы соборъ 1667 года произнесъ анаѣму на всѣхъ безъ исключенія, кто будетъ креститься двуперстно (какой характеръ можно отчасти усматривать въ опредѣленіи собора 1656 года и особенно въ клятвахъ, произнесенныхъ патріархомъ Макаріемъ), въ такомъ случаѣ были ли бы виновны тѣ, которые продолжали бы креститься двумя перстами, слѣдуя ученію прежнихъ православныхъ пастырей и не желая оставить православный же обрядъ?

Отвѣтствуемъ: и въ такомъ случаѣ они были бы не сомнѣнно виновны.

Никто не станетъ отвергать, что церковная власть, сохраняя во всей неприкосновенности изложенные въ словѣ Божіемъ догматы вѣры, имѣетъ право, по благо-

словной винѣ, исправлять и измѣнять прежде существовавшіе въ церкви, согласные съ православіемъ и православными пастырями установленные, обряды,— вводить иные, болѣе совершенные, и что таковыя, законною, богоустановленною церковною властію издаваемыя для церкви установленія обязательны для каждаго члена церкви, а не приѣмлющіе оныхъ повинны грѣху преслушанія: аще церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь (Матѳ. гл. 18, ст. 17). Происходившій въ 1667 году, подъ предсѣдательствомъ вселенскихъ патріарховъ, соборъ греческихъ и россійскихъ архипастырей, заботясь о приведеніи обычаевъ церкви русской въ полное соглашеніе съ обычаями православной восточной церкви, между прочимъ опредѣлилъ употреблять для крестнаго знаменія троеперстное сложеніе, только возстановляя этотъ, издревле употреблявшійся и въ русской церкви православный обрядъ, вмѣсто недавно вошедшаго въ употребленіе двуперстія. Если бы при этомъ соборъ и безусловно воспретилъ, подъ угрозою анаѣммы, дальнѣйшее употребленіе двуперстія, не взирая на то, что обрядъ сей въ существѣ своемъ не противенъ православію и что его употребляли, равно какъ учили употреблять, нѣкоторые изъ православныхъ пастырей: соборъ поступилъ бы законно, въ предѣлахъ своей власти, и тѣ, которые стали бы не покоряться такому его постановленію, употреблять въ противность оному двуперстное сложеніе, за отмѣненіе двуперстія стали бы обвинять церковь въ еретичествѣ и отдѣлились бы отъ нея,— таковыя несомнѣнно были бы повинны грѣху преслушанія церкви, и примѣръ или ученіе прежнихъ православныхъ пастырей, равно какъ непротивность двуперстія православію не могли бы служить для нихъ оправданіемъ въ сей винѣ.

Подтвердимъ сказанное сейчасъ свидѣтельствами и примѣрами изъ исторіи церкви вселенской,— приведемъ два изъ нихъ, наиболѣе убѣдительные въ настоящемъ случаѣ.

Въ первые вѣка христіанства былъ обычай на Востокѣ праздновать пасху „въ четвертый на десять день мартовской луны“, въ одно время съ Іудеями. Обычай сей утверждался на примѣрѣ апостола Іоанна Богослова и ученика его св. Поликарпа епископа Смирнскаго. Никейскій соборъ, первый вселенскій, отмѣнилъ сей обычай, — сдѣлалъ постановленіе праздновать пасху въ первый воскресный день послѣ полнолунія, бывающаго въ весеннемъ равноденствіи, т.-е. не одновременно съ Іудеями ¹⁾. Послѣ этого соборнаго постановленія, обычай праздновать пасху въ 14-й день мартовской луны, хотя онъ и утверждался на апостольскомъ примѣрѣ, сталъ недозволеннымъ и употребляющіе его дѣлались виновными въ преслушаніи церкви. Таковыя дѣйствительно явились, — это были такъ называемые „четыренадесятники“, — и церковь признала ихъ еретиками и подвергла весьма тяжкому осужденію на соборахъ Антиохійскомъ и Лаодикійскомъ ²⁾. То обстоятельство, что въ своемъ, противномъ опредѣленію Никейскаго собора, обычай праздновать пасху они слѣдовали примѣру апостола и мужей апостольскихъ, не спасло ихъ отъ вины и отъ суда церковнаго, не избавило отъ причисленія къ еретикамъ и отлученія отъ церкви.

Пятымъ апостольскимъ правиломъ строго воспрещалось епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ разлучаться съ женами подъ видомъ благочестія, и поступавшіе такъ отлучались отъ церковнаго общенія, а въ случаѣ упор-

1) «Устави сей св. вселенскій соборъ и святую пасху праздновати намъ, якоже и нынѣ обычай держимъ». *Кормч.* Сказаніе о первомъ вселенскомъ соборѣ, л. 6.

2) *Антиохійскаго соб. пр. первое*: «Иже узаконенное о пасцѣ преда-ніе преложити покусится, аще есть мірскій человекъ, да изринется, аще ли причетникъ, да извержется». *Лаодикійскаго соб. пр. седьмое*: «Новатіане, и Фотиніане и Четыренадесятники, сіи еретики, аще ииѣхъ ереси не прокленуть, и съ тѣми и свою, неиріятни. Аще же прокленуть, помазани муромъ, да пріобщаются».

ства подвергались изверженію изъ сана ¹⁾). Но потомъ, шестой вселенскій соборъ, „прилагая попеченіе о преуспѣяніи людей на лучшее и не въ превращеніе апостольской заповѣди“, призналъ необходимымъ законоположить, чтобы поставленному въ епископы „уже кому не жити съ женою“. Послѣ сего соборнаго постановленія тѣ епископы, которые стали бы держаться апостольскаго правила о сожитіи съ женами, дѣлались уже виновными въ ослушаніи церкви и вину эту шестой вселенскій соборъ считалъ столь важною, что подвергалъ виновнаго изверженію изъ сана ²⁾). Такимъ образомъ и здѣсь, даже послѣдованіе прямому апостольскому правилу не искупало вины ослушанія предъ церковью чрезъ нарушеніе соборнѣ изданнаго ею правила и не спасало виновнаго отъ тяжкаго наказанія.

Если же по суду православной вселенской церкви были виновны и подлежали строгому наказанію за противленіе соборнымъ опредѣленіямъ даже тѣ, которые въ такомъ противленіи руководились и оправдывали себя примѣромъ и правилами самихъ апостоловъ, несомнѣнно достойными, святыми и православными, то могутъ ли быть невинными за противленіе собору 1667 года тѣ, которые свое противленіе хотятъ оправдать послѣдованіемъ ученію прежнихъ православныхъ пастырей и

¹⁾ *Апостольское пр. пятое*: «пресвитеръ или діаконъ, аще помощницу свою изжденеть, да отлучится; аще же не введеть паки, да извержется» (Кормч. л. 2). По точному переводу съ греческаго: «Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, да не изгонитъ жены своея подъ видомъ благоговѣнія. Аще же изгонитъ, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго и, оставаясь непреклоннымъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина» (Кн. правилъ).

²⁾ *Шестаго всел. соб. пр. двѣнадцатое*: «Аще и речено есть не пустити женъ епископомъ, но на лучшее посѣщеніе промышляюще, поставляемому епископомъ уже кому не жити съ женою заповѣдуемъ». *Въ толкованіи*: «Таковая же творящаго епископа, и по поставленіи епископства съ своею женою живуща, изверщи повелѣваемъ».

желаніемъ держаться обряда, въ существѣ своемъ православнаго, еслибъ даже и имѣли право представлять это въ свое оправданіе, еслибы соборъ 1667 года требовалъ отъ нихъ, даже и на самомъ дѣлѣ, не слѣдовать примѣру и наставленію православныхъ пастырей въ употребленіи двуперстія, какъ соборы Никейскій, Антиохійскій, Лаодикійскій и шестой вселенскій требовали отъ православныхъ не слѣдовать примѣру, наставленію и правилу даже самихъ апостоловъ въ празднованіи пасхи и сожительства епископовъ съ женами. А такъ какъ мы доказали, что соборъ 1667 г. въ своемъ опредѣленіи о перстосложеніи и не требуетъ даже отъ крестящихся двуперстно ни противленія ученію православныхъ пастырей, ни отступленія отъ православнаго обряда, то непокоряющіеся сему соборному опредѣленію, тѣмъ несомнѣннѣе, являются виновными.

Но спрашиваютъ не о виновности только, а также и о степени виновности тѣхъ, крестящихся двуперстно, которые, подъ предлогомъ послушанія прежнимъ православнымъ пастырямъ и уваженія къ православію двуперстія, „рѣшились“ не покориться соборному опредѣленію о перстосложеніи, — спрашиваютъ: „виновны-ли они и насколько виновны“?

Хотя этотъ послѣдній вопросъ есть болѣе вопросъ праздности, нежели дѣйствительной нужды, но мы не откажемся отвѣчать вопрошающимъ и о семъ словеси.

Опредѣлять степень виновности тѣхъ или другихъ преслушниковъ церкви, есть дѣло церковной власти, суду которой подлежатъ они. Мы можемъ опредѣлить ее частію посредствомъ сравненія между виновными въ одинаковомъ преступленіи, частію изъ самаго наказанія, какому подвергаются они судомъ церкви.

Сравнивая „непокоряющихся“ собору 1667 г. въ его опредѣленіи относительно перстосложенія какъ и во всѣхъ его опредѣленіяхъ) съ древними Четырнадцатниками и преслушниками 12-го правила шестого вселенскаго со-

бора, мы находимъ, что вина первыхъ больше, нежели вина этихъ послѣднихъ. Четыренадесятники и защитники брачной жизни епископовъ имѣли для себя дѣйствительное основаніе въ примѣрѣ и правилѣ самихъ апостоловъ; ревнители же двуперстія и прочихъ такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ для своего противленія собору 1667 г. такихъ основаній совсѣмъ не имѣютъ. Они приводятъ въ свою защиту только примѣръ нѣкоторыхъ православныхъ русскихъ пастырей, крестившихся двуперстно, также непротивное православію значеніе двуперстія; но, какъ мы уже показали, приводятъ напрасно и несправедливо, ибо православные русскіе пастыри, на которыхъ они ссылаются, употреблявшіе двуперстіе, употребляли его не такъ, какъ употребляютъ они, — не въ противленіе церкви и не съ хулою на существовавшее и тогда въ православной восточной церкви троеперстіе; и будучи дѣйствительно не противнымъ православію въ употребленіи прежнихъ православныхъ пастырей, двуперстіе утрачиваетъ сей характеръ, уже является неправославнымъ въ ихъ собственномъ употребленіи, т.-е. когда употребляется въ противленіе церкви и съ хулою на содержимый церковію обрядъ; и употребляемое такъ, какъ употреблялось прежними православными пастырями, не въ противленіе церкви, не въ похуленіе ея собственнаго обряда, двуперстіе не признается неправославнымъ и не воспрещается рѣшительно и соборнымъ опредѣленіемъ 13-го мая 1667 года. Соборъ Никейскій отмѣнилъ обычай, дѣйствительно утверждавшійся на апостольскомъ примѣрѣ; шестой вселенскій соборъ отмѣнилъ правило, дѣйствительно апостольское: а большой московскій соборъ, опредѣливъ употреблять исправленные чины и обряды, но не подвергнувъ безусловному воспрещенію (тѣмъ паче проклятію) и прежде употреблявшіеся, никакого дѣйствительно отеческаго правила не отмѣнилъ. Итакъ, ревнители двуперстія и прочихъ, именуемыхъ старыхъ, обрядовъ, рѣшившіеся не покоряться опредѣленію сего собора,

болѣе виновны, нежели древніе Четыренадесятники и защитники брачной жизни епископовъ, неподчинявшіеся опредѣленіямъ перваго и шестого вселенскихъ соборовъ.

Четыренадесятниковъ и защитниковъ брачной епископской жизни церковь осудила строго, — подвергла ихъ отлученію, а священныхъ изверженію изъ сана; соборъ же Лаодикійскій постановилъ принимать четыренадесятниковъ въ церковь, какъ еретиковъ втораго чина, подъ муропомазаніе. Не меньшему осужденію подлежатъ (и дѣйствительно подвергнуты церковію) непокоряющіеся собору 1667 года ревнители двуперстія и прочихъ такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ.

Заключеніе отвѣтовъ.

Разрѣшивъ провозглашенные неразрѣшимыми вопросы старообрядцевъ, поданные ими Пафнутію и самимъ же Пафнутіемъ для нихъ написанные, мы должны сказать по справедливости, что дѣйствительная трудность, какую отчасти представляли они, заключалась собственно въ томъ, чтобы устранить изъ нихъ историческія и всякія другія, намѣренно и не намѣренно внесенныя въ нихъ, неточности, невѣрности и ошибки, иногда очень грубыя, — понять и опредѣлить дѣйствительный смыслъ ихъ и выразить ихъ надлежащимъ образомъ. А по своему содержанію вопросы не представляютъ ни особеннаго значенія, ни какой-либо трудности. Если мы вошли въ подробное и довольно пространное ихъ разсмотрѣніе, то не ради воображаемой старообрядцами ихъ трудности и важности, а, главнымъ образомъ, для того, чтобы отнять у нихъ всякій предлогъ къ продолженію толковъ, что вопросы ихъ остаются не рѣшенными и будто не могутъ быть разрѣшены, а также для того, чтобы показать старообрядцамъ, какого рода отвѣты ожидаются и отъ нихъ на тѣ многочисленныя, дѣйствительно важныя вопросы, которые поданы ихъ глаголемымъ архипастырямъ и на которые ихъ глаголемые архипастыри не отвѣтствуютъ доселѣ.

Самые же, разсмотрѣнные нами вопросы, по своему содержанию, повторимъ опять, не представляють особенной важности.

Что и въ самомъ дѣлѣ составляетъ существенное содержание всѣхъ пяти вопросовъ? Въ чемъ собственно обвиняется здѣсь церковь и что постановляется въ оправданіе старообрядцевъ, отдѣлившихся отъ церкви? Въ вопросахъ говорится только объ отмѣнѣ (т.-е. соборномъ исправленіи) обрядовъ, нѣкоторое время употреблявшихся въ русской церкви, особенно двуперстія, и о клятвахъ собора 1667 г. на употребляющихъ сіи обряды, т.-е., въ дѣйствительности, на непокоряющихся соборному опредѣленію относительно употребленія исправленныхъ чиновъ и обрядовъ. Вотъ и все, что собственно предъ-являютъ вопросы въ обвиненіе церкви и въ оправданіе старообрядцевъ! Мы показали, какъ ничтожны и какъ несправедливы эти предъявленія.

Нѣтъ, не исправленіе или измѣненіе обрядовъ, на что церковь имѣла и имѣетъ полную власть, не соборныя клятвы на церковныхъ непокорниковъ, законно произнесенныя церковію, — совсѣмъ не то должны были показать и доказать старообрядцы, если желали разоблачить мнимую виновность церкви предъ ними и свою мнимую невинность предъ церковію: они должны показать и доказать, что церковь измѣнила и исказила неприкосновенные догматы православія, отступила отъ евангельскаго, апостольскаго, соборнаго и отеческаго ученія вѣры, впала дѣйствительно въ ереси, осуждена за то и лишена благодати Св. Духа; должны затѣмъ показать и доказать, что ихъ собственное общество, отдѣлившись отъ церкви (еслибъ даже отдѣлилось по такимъ благословнымъ винамъ), само составляетъ истинную церковь Христову, имѣетъ всѣ существенныя ея принадлежности, — преемственное, непрерывно отъ апостоловъ идущее священство, полноту іерархіи и таинствъ, ненарушимо сохраненную, и проч. Въ первыя и послѣдующія времена раскола, расколоучи-

тели, дабы оправдать свое отступленіе отъ церкви, и старались дѣйствительно обвинить церковь во всевозможныхъ ересяхъ; но все это, чтѣ они говорили и писали о мнимомъ еретичествѣ церкви, было только сплетеніемъ всякихъ клеветъ и лжи на церковь, Впослѣдствіи и сами старообрядцы сознали несправедливость обвиненій въ поврежденіи ересями, взведенныхъ предками ихъ на церковь и не рѣшаются уже повторять эти клеветы своихъ предковъ (хотя есть еще между ними не мало такихъ, которые не стыдятся и доселѣ утверждать наприм. такую нелѣпость, что будто бы великороссійская церковь признаетъ духа лукаваго своимъ Господомъ и молится ему). Въ своихъ пяти вопросахъ старообрядцы также не нашли возможнымъ указать въ православной церкви (ибо не пременули бы указать, еслибъ нашли возможнымъ) ни одной ереси, повреждающей православное ученіе вѣры. Равнымъ образомъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могутъ они доказать, что ихъ собственное общество сохранило и имѣетъ всѣ существенныя принадлежности истинной церкви Христовой, — непрерывную преемственность хиротоніи, полноту іерархіи и таинствъ; на предложенные имъ многочисленные вопросы объ этомъ они или совсѣмъ не отвѣчаютъ, или отвѣтствуютъ не относящимися къ дѣлу и странными разсужденіями людей, подобныхъ Верховскому.

Если же не могутъ старообрядцы обличить церковь въ отступленіи отъ православнаго ученія вѣры, доказать, что она впала въ ереси, осуждена за то и лишилась благодати, то должны признать себя за противленіе церкви и отступленіе отъ нея повинными грѣху раскола и не имущими извиненія о грѣсѣ своемъ. И если не могутъ они доказать, что ихъ собственное общество составляетъ истинную церковь Христову, со всѣми существенно ей принадлежащими свойствами, то должны признать себя находящимися внѣ церкви Христовой. Положеніе, поистинѣ печальное!

Да воззовуть же они въ печали своей къ Богу, и да подасть имъ Онъ, Отецъ свѣтовъ, просвѣщеніе разума въ познаніе истины о истинной церкви возлюбленнаго Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, Емуже подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

